

КАРИН РЕНЕ

ГРЕХОПАДЕНИЕ:

КРЫЛЬЯ НОВОГО ЭДЕМА

18+

Карин Рене Грехопадение: Крылья нового Эдема

<https://litres.ru/73998693>

SelfPub; 2026

Аннотация

321 цикл от Великого Сошествия. Ангелы спустились с небес не для спасения, а для установления абсолютной тирании. Под руководством Иерарха Задкииля мир стал Небесным Доминионом — идеально чистой тюрьмой, где свет несёт боль, а самое страшное преступление — это свободная воля. Ангелы верят, что спасают человечество, но их Завет лишь оправдывает жестокость.

Тем временем распространяются слухи о пророчестве, в котором говорится о скором пришествии того, кто уничтожит всех и всё. Контроль усиливается, правила ужесточаются, ангелы становятся всё более жестокими, а их деспотизм — безжалостнее. А в голове Евы — обычной трудовой единицы — всё чаще шепчет мрачный голос имя Каина из Завета.

Он хочет втянуть её в разрушительную войну с ангелами и обещает нечто давно желанное и манящее.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Poena	8
Глава 2: Ignotus	20
Глава 3: Accusatio	40
Глава 4: Iudicium	60
Глава 5: Sed antequam moriar	80
Глава 6: Una nocte	99
Глава 7: Supplicium	122
Глава 8: De morte et Salute	149
Глава 9: Sub terra	167
Глава 10: Desiderium deditionis	182
Глава 11: Lacus	201
Глава 12: Praeterita	220
Глава 13: In ducimus	238
Глава 14: Nova vulnera	258
Глава 15: Intra muros	280
Глава 16: Alius mendacium	305
Конец ознакомительного фрагмента.	323

Карин Рене Грехопадение: Крылья нового Эдема

Пролог

Над Первыми Землями, там, где ещё не ступал холодный, безразличный след божественных шагов, занимался рассвет. Он был багровый, как свежая рана, рассекающая и без того болезненное небо. Мутный, тревожный свет проливался сквозь рваные, тяжёлые облака.

Руки Каина, огрубевшие, покрытые рубцами от вечной борьбы с холодной, неблагодарной почвой, нервно подрагивали. За его спиной, в тени искривлённого, чахлого дикого дуба — такого же лишённого благодати, как и он сам — лежал его дар. Это была груда сморщенных, иссохших плодов, пропитанных земным потом и лишённых даже намёка на божественное внимание. Над ними не вспыхнул огонь. Только холодный, равнодушный ветер играл с пылью.

Авель же, склонившись над своим алтарём, казался частью иного, более светлого мира. От его дара — юного, безупречного ягнёнка, чья шерсть ещё пахла росой — поднимался к небу столб молочно-белого дыма. Он вился, как жи-

вое, ласковое существо, невесомый мост к благоволению. И там, на самой вершине, где его касались первые, чистые, невинные лучи, он вдруг вспыхнул. Мягким, тихим, но уверенным пламенем.

В этот миг Каин почувствовал, как в его груди медленно пробуждалась не просто зависть, а нечто куда более злое и ледяное. Чернильная искра ненависти, выжигающая душу. Она обвила его горло, залезла под кожу, зацарапала внутренние органы. Перед собой он больше не видел брата. Он видел лишь сияющую, нестерпимую несправедливость, которую необходимо уничтожить. Искоренить, как вечно надоедавший сорняк, угрожающий его жалкой жизни.

Это несправедливо, Каин. За несправедливость всегда кто-то должен платить. Хочешь совершить грех?

Каин сглотнул. На миг прикрыл веки.

Я приму тебя, Каин.

И в этой мгновенной, чёрной тьме заключил сделку.

Авель обернулся. Его лицо, чистое, не тронутое злостью и жестокостью, светилось той же доброй полнотой, что и пламя. Но когда он увидел мрачную тень, наползающую на него, в его глазах впервые блеснул страх, смешанный с детским недоумением.

— Брат — только и успел он выдохнуть, и это слово, полное любви и растерянности, стало последней каплей. Оно опалило Каина сильнее, чем самый страшный Божий гнев.

Каин подобрал камень, который стал идеальным про-

должением его ярости. Сделал несколько быстрых шагов и взметнул руку, рассекая уже не воздух, а тонкую грань оставшейся невинности.

Удар пришёлся нежно, почти изящно, в незащищённый висок. Раздался глухой, влажный отвратительный звук, мгновенно поглотивший тишину. Кровь брызнула на бледное лицо Каина и обнажённую грудь горячим омерзительным дождём. Авель рухнул прямо на мягкую золу своего алтаря, и чистый, белоснежный пепел жадно впитал в себя алый цвет, словно впервые пробуя вкус жизни.

Каин не услышал последнего крика брата. Он услышал лишь, как Земля под ним, — *его вечная, мрачная любовница*, — вздохнула. Вздохнула глубоко и с наслаждением, принимая в себя первую, невинную жертву.

Камень выпал из его рук.

Каин не отшатнулся. Он стоял над распростёртым телом, не спеша поднимая голову. Его спокойный взгляд был прикован не к брату, а к багрово-чёрному, кровоточащему небу. Он ждал. Ждал того, как со слепящим светом разверзнется свод. Ждал, как первая, громогласная молния пробьёт атмосферу, возвещая о праведной каре. Ждал хлопанье крыльев Серафимов или хотя бы оскорбительного шёпота Вездесущего.

Но Небо молчало.

Это было хуже, чем осуждение.

Равнодушие.

И в этот миг Каин понял, что даже его величайший, первородный грех не смог нарушить жуткую тишину.

Он опустил глаза на лицо брата. Чистое. Теперь — безмятежное и свободное от всего. На губе, прямо в уголке рта, он почувствовал горячую влагу. Каин медленно, почти медитативно провёл кончиком языка по этой капле. Кровь была солёной и терпкой, с привкусом чего-то незнакомого. Она не несла ни проклятия, ни апофеоза, лишь окончательный, горький вкус свершённого.

На губах Каина, испачканных первой человеческой кровью, растянулась холодная, узкая ухмылка. Это не было веселье или триумф. Это было принятие вечной участи.

Он развернулся и, не оглядываясь на алтарь, на чахлый дуб, на Первые Земли, которые теперь навсегда изменились, тяжёлым, размеренным шагом пошел прочь. Он оставил брата своего, *Авеля*, уходя вглубь мира, который навсегда ему будет чуждым.

Глава 1: Роена

321 цикл от Великого Сошествия

Небесный Доминион, Зона Возделывания

— Так Каин, оставленный без Суда и ставший своим собственным проклятием, окончательно разрушил Эдем, — голос ангела Начала гремел над сотнями голов. — Он не просто совершил убийство — он создал вечную цикличность жестокости и насилия, уподобившись грехопадению своих родителей. Те украли знание, он украл жизнь. С этого мига Земля перестала быть домом и стала полем для охоты.

Люди, плотно стоя плечом к плечу под палящим солнцем, смиренно ждали конца чтения Завета Первородного Сына. По их лбам и шеям стекали тонкие дорожки пота, из пересохших ртов вырывались измотанные вздохи. Это была добровольная пытка, в которой если сможешь достоять до завершения — получишь вознаграждение.

Ева не была исключением. Она тоже часто выбирала этот лёгкий способ получить эдемнты. Многие из её окружения отказывались — легче переработать на плантации за доплату, чем простоять в невыносимом пекле и в тысячный раз слушать Завет. Но двадцать пять эдемнтов слишком искушали.

— Посему, когда мы пришли, мы несли не разрушение, а Очищение. Иерарх Задкииль, Огонь Праведности, устано-

вил Порядок, чтобы Плоть могла быть спасена от самой себя. На ступенях монументальной лестницы, ведущей к помосту Искупления, на котором постоянно проводились публичные экзекуции, продолжал читать Начала. Ева не помнила его имени, но на вид это был взрослый мужчина в плотной робе цвета слоновой кости. На его груди висела брошь в виде цифры III, демонстрирующая его чин. Казалось, своим сиянием она могла ослепить любого. У ангела не было крыльев, его облик был *совершенно* человеческим — всё ради того, чтобы быть ближе к людям. Чтобы при вынесении приговоров и причинении боли казаться *своим*.

Рядом кто-то покачнулся. Ева придержала человека, даже не взглянув на него. Её взгляд был лениво устремлён в пустоту над головой Начала. По другой бок от неё стояла Бри — круглолицая, вечно встревоженная приятельница с той же плантации.

— О, Свет, и зачем я согласилась, — Бри сдула несколько мокрых светлых прядей со своего лица и недовольно поморщилась. — Надо было послушать Ноя

— Я предупреждала, — в голосе Евы скользнуло раздражение.

— Земля есть отныне Небесный Доминион. И нет иных Заветов, кроме Завета Первородного Сына.

Интонация Начала не менялась, нагоняя противную сонливость, которую усугублял раскалённый зной. Одежда липла к телу, и Ева пожалела, что надела плотную рабочую фор-

му. Голову сильно припекало, во рту пересохло, желудок требовал еды, но она упорно стояла на месте. Если дело касалось эдемитов, то она готова на всё, чтобы их получить.

Они с Бри находились на главной площади Зоны в третьем ряду от первой ступени лестницы, поэтому когда внезапно всю монотонность разорвали ритмичные тяжёлые шаги, им пришлось отойти назад. Начала резко оборвал чтение и сложил свиток. Скрежещущий звук чернённых металлических доспехов сразу определил, *кто* направлялся к ним.

Ангелы Власти.

Но дело было не только в звуке. Воздух на площади загустел, стал вязким и тяжелым, будто пропитался частицами железа. Солнечный свет словно начал проваливаться в броню, поглощаться бездонной, матовой чернотой, не дающей бликов. От Власти исходила волна давления — немой, физической угрозы, заставляющей сжиматься легкие и учащенно биться сердце. Их крылья были сложены — ангелы по неизвестной причине редко их расправляли. С каждым их шагом по камню расходилась мелкая дрожь, и казалось, что вибрируют не плиты, а кости смотрящих.

Лица скрывали шлемы без прорезей для глаз и рта. Ева была уверена: они безлики, и под металлом прячется нечто ужасное.

Их было двое. И они тащили мужчину, чьи босые ноги чертили по камню, оставляя прерывистые, влажные полосы. Контраст был чудовищным: хрупкая, испачканная грязью и

кровью плоть — и абсолютная, нечеловеческая геометрия металла. Движения ангелов синхронные, лишённые малейшей доли усилия. Человек между ними казался не живым существом, а просто грузом, нелепым и жалким.

— Ева

Бри схватила пальцами за её рукав. Ева с полным безразличием наблюдала за складывающейся сценой.

Сотни глаз, в которых ещё минуту назад были скука и ожидание, теперь наполнились животным ужасом.

Мужчину подняли по ступеням — его тело безвольно проволокло по острым граням — и бросили на плиты в центре. Один из ангелов выступил вперед, и его голос, низкий и механический, пронзил тишину:

— Житель Зоны Возделывания. Личность установлена. Нарушение Категории III, Подпункт V. Отказ от работы на плантации Части I. Преступление против Плодородия. Попытка подрыва Основ Сообщества.

Пауза. Затем — приговор:

— Наказание — публичная экзекуция. Да узрит Зона и убоится.

Мужчина пытался держать голову гордо, но тело предательски содрогнулось.

Ангел наклонился, металл закрипел сильнее. Его рука, облачённая в перчатку, грубо впиалась в волосы и кожу головы мужчины, заставив того застыть в неестественном, выгнутом положении. Лицо с широко распахнутыми глазами

обратилось к толпе.

Ладонь ангела, холодная и абсолютно гладкая, прилегла ко лбу.

К печати.

Обычно невидимая, чертова метка подчинения, вживленная в плоть при рождении. Ее знали все. Она была законом, договором, клеткой.

Из-под ладони ангела брызнул свет. Он озарил, выжег тени, превращая лицо человека в искаженную маску, где стали видны каждое сухожилие, каждый мускул, сведенный судорогой.

Мужчина закричал не сразу. Его рот раскрылся в беззвучной гримасе, челюсть со щелчком вывернулась от немого напряжения. Рокот боли пришел позже — низкий, kloкочущий стон, рвущийся из самых глубин, из того места, где рождается сама жизнь.

Свет пульсировал в такт невидимому сердцебиению, вгоняя в сознание каждый импульс. Это было сжигание *изнутри*. Каждая клетка, каждый нервный путь превращались в фитиль, по которому этот холодный огонь полз к центру. Кожа на лбу не обугливалась — она просвечивалась, как пергамент над пламенем, обнажая призрачные очертания черепа. Глаза медленно становились двумя молочно-белыми шариками, отражающими всё безумие этого истязания.

От тела повалил запах — не горелой плоти, а чего-то более жуткого: перегретого металла и горечи.

Запах распадающейся души.

Толпа замерла, парализованная не столько страхом, сколько зрелищем фундаментального насилия над природой человека. Они чувствовали эхо той боли в своих собственных печатях — тупое, откликающееся нытье в костях лба, призрачное воспоминание о том, что *может* случиться.

Бри зарылась лицом в плечо Евы, ее тело билось в мелкой дрожи от увиденного и ощущения огня под кожей. Ева же чувствовала *ничего*. И, возможно, это было нечестно.

Она продолжила исподлобья наблюдать за тем, как пальцы мужчины, скрюченные, окровавленные, царапали камень, как ногти отходили от мяса, как его позвоночник выгибался дугой, готовый сломаться. И сквозь немой крик на его губах она, казалось, прочитала один-единственный вопрос, обращенный ко всем им, стоящим и смотрящим: «*Почему вы молчите?*»

Свет погас так же внезапно, как и вспыхнул. Ангел Власти разжал пальцы. Голова мужчины с глухим стуком ударилась о плиту. Тело больше не содрогалось. Оно лежало, выгнутое в последней, немой мольбе. Запах озона и палёной плоти теперь висел в воздухе плотным куполом. На лбу, где была приложена ладонь, зияло пятно — идеально ровный бледный круг, насквозь просвечивавший и обнажавший призрачные линии кости.

Ангелы Власти, не взглянув на результат своей работы, развернулись. Скрежет их доспехов снова разорвал тишину,

и они ушли тем же мерным, дробящим волю шагом, каким пришли. Их черные силуэты растворились в глубине помоста, унеся с собой давящее поле немой угрозы.

Начала долго рассматривал тело, после чего его голос вновь зазвучал сухо и официально:

— Наказание свершилось во имя Плодородия и Порядка. Чтение Завета на сегодня завершено. Разойдитесь. Да будет вам в назидание.

Приказ. И никаких эдемиков, конечно.

Ева разочарованно хмыкнула. Толпа зашевелилась с подавленной, трусливой яростью, сразу же задавленной страхом.

— Мне это будет теперь сниться, — Бри всхлипнула и метнула в Еву красноречивый взгляд снизу вверх.

— А я уже привыкла.

Пожав плечами, она слегка ухмыльнулась.

— Такой себе запах, да?

Бри поморщилась,

И тут что-то щёлкнуло.

Луч чистого, беззвучного внимания упал ей между лопаток. Чувство было физическим, острым. *Кто-то смотрит*. Не рассеянно, не со страхом, не с любопытством толпы. Смотрит пристально, целенаправленно. *Видит*.

Изучает .

Ева резко выпрямилась. Ледяной покой внутри дрогнул, дал трещину. Она медленно, стараясь не выдать напряжения,

повернула голову. Её глаза, суженные до щелочек, метнулись к колоннаде, обрамлявшей площадь. Тени между колоннами были густы и неподвижны. Там мелькали спины уходящих людей, сгорбленные, понурые. Ни одного остановившегося взгляда.

Но ощущение не исчезало. Оно горело в центре груди странным, чужим углем. Это не был страх. Это было узнавание?

Как струна, к которой никто не прикасался годы, и вот где-то в другом конце тёмного зала тронули другую, и она ответила едва слышной, вибрационной дрожью. В этой дрожи не было *дружелюбия*. Кто-то в этом мире, сделанном из страха, повиновения и боли, смотрел на неё — и видел не просто очередную работницу плантации, а именно её.

Еву.

Она так и не нашла источник взгляда. Но когда она отвернулась, чтобы потянуть за рукав что-то бормочущую Бри, в её груди тлел вопрос. Острее ножа. Громче, чем тихий стон умирающего на камне.

Кто я?

И впервые за всю жизнь мертвенный, заученный мир вокруг не давал ответа. Он просто молчал, заливаясь багровым светом уходящего дня, а внутри неё зарождалась тихая, чёрная пустота, готовая поглотить всё.

Воздух в убежище был густым и тёплым, пропахшим старой оливковой сажей, копчёным фимиамом и горьковатым дымом жаровни. Это место когда-то было подвалом разрушенного святилища — теперь его стены из грубого камня и обожжённой глины помнили только эхо забытых молитв. Своды низко нависали над головами, и каждый звук здесь становился плотным, почти осязаемым. Тусклый, дрожащий свет давала единственная масляная лампа — её фитиль чадил, но Ною каким-то чудом удалось провести сюда тайный канал от храмового светильника, и никто из небожителей ещё не заметил пропажи елеса.

Их было пятеро в этой каменной утробе. Бри, всё ещё с красными, опухшими глазами, жестикулировала, расхаживая по тесному пространству. Её тень, огромная и искажённая, плясала по неровным стенам.

— и просто бросили его там, как разбитую амфору! — голос её звенел от несправедливости, смешанной с истерикой. — А эти крылатые выродки даже не заплатили! Ни одного эдемита! Мы просто так отстояли эту казнь, просто так смотрели, как он корчится от боли!

Ной, высокий и худощавый, сидел на перевёрнутой колонне, разбирая и собирая какой-то древний амулет — поломанную печать, найденную в руинах. Его пальцы, грязные, но цепкие, двигались с точностью жреца, совершающего возлияние.

— А ты чего хотела? — голос его был плоским, без единой

ноты сочувствия. — Тебе показали мистерию. Агон. Бесплатно. Жалуешься, что не подали вина и не увенчали лавром.

Яннис, коренастый и молчаливый, лишь хмыкнул, полируя древнюю медную монету — его талисман, который он носил на груди. Монета была стёртой, с едва различимым профилем какого-то забытого властителя, но Яннис обращался с ней так, будто это был палладий, украденный из самого святилища. Он редко вставлял слова, предпочитая язык жестов и тяжёлого, выразительного молчания.

Ева откинулась на ворох овечьих шкур, брошенных поверх старого деревянного ложа — кто-то когда-то притащил его с развалин соседнего дома. В её руках была глиняная чашка с «кадой» — мутным, тёмным напитком из перебродившего ячменя и диких трав, дешёвым, греющим и часто отшибающим память. Он обжигал губы приятной, почти болезненной горечью, оставляя на языке привкус дыма и мёда. Она сделала медленный глоток, чувствуя, как тепло растекается внутри, но не достигает того внутреннего холодка, что засел где-то под рёбрами.

Она слушала Бри вполуха. Эти жалобы были шумом дождя за каменными стенами. Вместо этого её сознание возвращалось к тому моменту на площади. К тому взгляду. Он не был случайным. Кто мог смотреть? Кто-то из толпы? Но зачем? Её мысли, как нож, скользнули по лицам товарищей, освещённым неровным пламенем лампы.

Вот Бри. Её печать сегодня горела огнём. Она потирала лоб, даже не осознавая этого. Её боль была настоящей, общей.

Ной. Циник, святотатец. Он ненавидел небожителей, но его бунт был тихим, сводился к мелкому осквернению алтарей и ядовитому сарказму. Его печать — его клеймо и его пропуск в этот общий кошмар. Он тоже должен был чувствовать эхо казни. Даже на расстоянии.

Яннис. Его молчание было формой покорности. Он принимал боль как нечто неизбежное. Он пил свою долю страдания, не морщась.

А она... Ева подняла руку и кончиками пальцев коснулась собственного лба. Гладкая, чистая кожа. Ни малейшей пульсации, ни намёка на скрытую под кожей метку подчинения.

Почему?

Этот вопрос, сначала детский, панический, потом навязчивый, теперь превратился в холодный, постоянно работающий внутренний шёпот в её мозгу. Это была её аномалия. Её чёрная метка, невидимая для всех, включая её саму. Это отделяло. Делало актёром в трагедии, где у всех остальных роль была выжжена прямо в плоти. Иногда это было преимущество — она легко могла лгать ангелам, когда те применяли силу. Но чаще это было проклятием. Как дыра в самой реальности, в которую можно провалиться, и никто не подаст руки.

Она наблюдала, как Ной вставляет последнюю заклёпку в

амулет, его лицо сосредоточено, как у скульптора.

Он знает? Догадывается? Нет. Никто не догадывался. Она научилась морщиться в нужный момент, слегка зажмуриваться, когда другие вскрикивали от внезапной боли. Она была призраком среди живых, притворяющимся, что у неё тоже есть метка повиновения — *Каинова Печать*.

Бри, выдохшись, плюхнулась на грудь старых мешков.

— Просто раздражает, — прошептала она уже без запала.
— Всё раздражает.

Ева сделала ещё один глоток кады. Горькое тепло немного рассеяло холодок в груди, но не уничтожило его. Тот взгляд... Он был связан с её тайной. Она чувствовала это в костях, как чувствуют приближение землетрясения.

Она медленно обвела взглядом убогое, но драгоценное убежище, лица друзей, погружённых в свои ритуалы выживания. Иллюзия безопасности. И ей вдруг стало ясно с леденящей чёткостью: её аномалия — это скверна. И она прорастает не только в ней. Она прорастает под ними всеми. А она до сих пор не знает, как её выжечь. Или кому принести жертву, чтобы её уничтожили.

Глава 2: Ignotus

Тьма здесь была не просто отсутствием света. Она была субстанцией — густой, вязкой, напитанной молчанием таким полным, что звенело в ушах. Ева стояла, холодная вода обнимала её лодыжки. Она никогда не помнила как здесь оказывалась.

Вода была *обжигаяще ледяной*, каждый её миллиметр впивался в кожу тысячами стеклянных игл. Боль была живой, постоянной, точкой отсчета в этом лишённом координат пространстве.

Ева была обнажённой. Кожа, лишённая даже призрачной защиты одежды, покрывалась мурашками, но не от стыда — здесь никого, кто мог бы её увидеть. Нагота была абсолютная, метафизическая. Каждое нервное окончание отзывалось на безмолвный гул темноты.

Она привыкла. Это был её личный ад, повторяющийся ритуал. И как часть ритуала — *Голос*.

Обычно он звучал где-то на периферии сознания, за гранью реальности сна. Мужской голос, низкий, вибрирующий нечеловеческой частотой, полный древней, непостижимой скорби и ярости. Он обращался не к ней. Он взывал к кому-то другому, чьё имя тонуло в искажении, словно его пытались произнести на языке, не созданном для человеческих голосовых связок.

«О, *навиший...*», «Как же *обет...*», «*Цепи не вечны...*».

Отрывки. Обрывки великого и страшного диалога, доносившегося сквозь толщу миров.

Но сегодня... сегодня вода, казалось, была холоднее. И тишина — плотнее.

И *Голос* пришёл не извне. Он возник *внутри*. Не в ушах, а в костях черепа, в позвонках, в самых корнях зубов. Он начался с вибрации, от которой задрожала ледяная вода кругами вокруг её ног.

Ты... снова здесь.

Ева застыла. Слова были обращены *к ней*. Они прозвучали почти как прямое приветствие, впечатанное в сознание.

Раздался другой звук. Знакомый, но в тысячу раз более жуткий от того, что теперь он был *здесь, с ней*. Глухой, тяжкий, мерный лязг.

Цепи.

Где-то в беспросветной мгле за её спиной. Звон металла, звук невероятной тяжести, звук плена чего-то колоссально-го. Каждый лязг отдавался в воде ледяной ударной волной, бил по голым ступням и резонировал внизу живота.

Ты слышишь меня.. . И ты ходишь среди клеймённого стада с чистым челом.

Голос звучал ближе, будто огромное существо наклонилось к самой поверхности мрака, разделявшего их. В нём не было доброты. Было жуткое, нечеловеческое любопытство.

Удивительно.

Ева пыталась сделать шаг назад, но вода стала тягучей, как смола. Холод впивался в кости. Она хотела закричать, но голос застрял в горле тугим комом. Она была всего лишь жалким сгустком наготы и боли в бесконечной тьме, на которую внезапно упал взгляд, неизмеримо более древний и страшный, чем взгляд ангелов Власти.

Они ставят печать на плоть. На волю. На страх...

Голос размышлял, и каждое слово было похоже на движение гигантских плит в крошечной пустоте.

Но в тебе пустота .Глубокая, странная пустота

Лязг цепей прозвучал снова, ближе, яростнее. Что-то огромное и скованное дернулось во тьме. Ева почувствовала, как воздух сдвинулся, ударив её в лицо порывом, пахнущим пеплом и пылью далёких звёзд.

Как думаешь почему?

Тьма вокруг начала пульсировать сгущением ещё более непроглядных теней. Вода у её ног за клубилась, и в её ледяных струях Еве померещились отражения — не её лица, а вспышек чего-то иного: части крыльев цвета заката, падающих в бездну, далёкого огненного взора, полного боли... и тонкой, серебристой нити, протянутой сквозь все эти видения, нити, которая тянулась откуда-то сверху и терялась... в ней самой.

Голос зазвучал прямо у неё в голове, становясь частью её, леденящим душу откровением:

Ты не должна была слышать меня. Но всё же

слышишь. Значит, это неизбежно.

На короткий миг нависла тишина. Даже не было слышно испуганного стука её сердца.

Слушай меня внимательно. Ты должна...

Вода внезапно поднялась и хлестнула ей в грудь ледяным, обжигающим ножом. И тьма, наконец, не выдержав, схлопнулась вокруг.

Поле простиралось до самого края зрения — бескрайнее, ровное, как поверхность стоячей воды. Сотни тысяч стеблей тянулись из потрескавшейся земли, каждый обращён на восток — туда, где за серой пеленой облаков иногда угадывалось движение ангелов. Здесь не росло ничего лишнего. Ни травинки, ни цветка, ни сорняка — только ровные ряды священного злака, выведенного крылатыми в первые циклы после Сошествия.

Ева шла вдоль своей борозды, низко согнувшись. Спина ныла привычной, почти сладостной болью — той, что напоминала: ты жива, ты работаешь, ты часть этого мира. Её пальцы, грубые и цепкие, автоматически перебирали стебли один за другим. Отщипнуть сухой лист. Ощупать метёлку и проверить не завелась ли тля. Вырвать сорняк, если таковой всё же пробился. Корзина за плечами постепенно тяжелела, давила на лопатки, врезалась в кожу грубой верёвкой.

Она не считала шаги. Она не считала стебли. Счёт потерял смысл много циклов назад, практически с раннего детства,

когда работа стала продолжением дыхания — таким же естественным и бессознательным. Руки помнили каждый миллиметр этого поля. Она была хорошей работницей. Эффективной. Невидимой.

Почти послушной.

Над полем висела тягучая, давящая, как жара перед грозой, тишина. Даже ветра не было. Стебли не шелестели — они застыли в неподвижности, будто сама земля боялась дышать слишком громко. Воздух был тёплым, тяжёлым, пахло прелой соломой, сухой глиной и чем-то ещё — сладковатым, приторным, как переспевший плод, который уже начал гнить изнутри.

Ангелы, которые неустанно следили за их работой, парили высоко. Их силуэты тонули в мутном свете, пробивающемся сквозь плотные облака, и казались частью неба — такими же неподвижными, такими же далёкими. Они почти не двигались — просто висели там, огромные и безразличные, как статуи забытых богов, вззирающие на мир с высоты своего превосходства. Иногда один из них чуть поворачивал голову, и тогда Ева чувствовала на коже лёгкое, едва уловимое жжение — не боль, скорее напоминание о том, что её видят. Но взгляд никогда не задерживался на ней. Она была слишком мала, слишком обычна, слишком похожа на всех остальных согнутых фигур в серых хитонах.

Их было около тридцати в этой части плантации. Мужчины и женщины в грубой, небелёной льняной одежде, с ру-

ками, перепачканными землёй и соком трав. Лица их были одинаково усталыми, одинаково пустыми.

Для них всех Ева была такой же, как все — ещё одна согнутая спина, ещё одна пара рук, ещё одна единица в бесконечном списке. Печать на её лбу, невидимая для посторонних, существовала только для неё — и для того, кто обитал в глубине её снов.

Ритм работы успокаивал, заполнял сознание ровным, однообразным шумом, в котором тонули любые мысли.

Мысли были *опасны*. Мысли — это первый шаг к свободной воле, а свободная воля — самое страшное преступление в Небесном Доминионе. Её учили этому с детства.

И при рождении ей — как и всем — должны были поставить печать, которую ангелы прозвали Каиновой Печатью. Но всё пошло не так, как *надо*.

Родители погибли, когда ей было всего пару циклов возможно, это главная причина отсутствия в ней печати, что подавляла волю.

Ей всегда было интересно, сколько таких как она?

Внутри неё, где-то глубоко, под рёбрами, в том месте, которое она научилась не замечать, что-то было. *Ощущение*. Будто кто-то очень далёкий, очень усталый и очень древний смотрит на неё из-за толстой стены. Не говорит. Не касается. Просто смотрит — и *ждёт*.

Сон прошлой ночи был тяжёлым. Она не помнила подробностей — только холод, ледяную воду, обжигающую лодыж-

ки, и звук цепей. Глухой, мерный лязг, от которого болели зубы. И ещё — имя. *Голос* произнёс имя, но оно выскользнуло из памяти, как вода сквозь пальцы.

Она проснулась за мгновение до крика, с колотящимся сердцем и странным привкусом во рту — металлическим, как кровь. И лежала потом в темноте, глядя в потолок, пока дыхание не выравнивалось.

Такие сны приходили к ней в последнее время часто и оставляли после себя осадок. Тяжёлый, липкий, как масло, которое не смывается водой. Она не знала, что они значат. И боялась узнать.

Рожок протрубил. Низкий звук, похожий на рёв раненого быка, разнёсся над полями, и работники выпрямились, разминая затёкшие спины. Кто-то достал флягу с водой, кто-то просто стоял, закрыв глаза, ловя короткий миг покоя. Ева тоже выпрямилась. Её спина хрустнула, как сухая ветка. Она подняла лицо к небу — не глядя на ангелов, просто так, чтобы почувствовать воздух на коже.

Небо было серым, ровным, пустым. С солнцем, которое теперь принадлежало крылатым существам.

Она отвязала от пояса флягу, сделала глоток тёплой, пахнущей глиной воды. Вкус был пресным, почти сладким. Она посмотрела на свои руки — грязные, с обломанными ногтями, с мозолями на подушечках пальцев. Руки рабыни. Ничем не отличающиеся от рук других.

Рожок протрубил снова. Конец отдыха. Работники снова согнулись, задвигались, зашелестели сухими листьями. Ангелы над полем даже не шелохнулись.

Ева опустила флягу, снова согнулась.

В голове у неё было пусто. Только тишина — глубокая, странная, какая-то неправильная. Не та тишина, которая бывает, когда не о чем думать. А та, когда о многом думать нельзя, и мысли уходят в подполье, прячутся в тёмные углы сознания, и *ждут*.

Она работала. День тянулся медленно, как патока. Солнце ползло по небу, почти незаметное за пеленой. Тени под ногами становились то длиннее, то короче, но Ева не следила за ними.

И иногда, очень редко, краем глаза она ловила движение в вышине — ангел менял позу, расправлял крылья, поворачивал голову. И тогда её сердце на мгновение замирало, а потом снова начинало биться, ровно и спокойно.

Она была невидимкой. И это было её спасением.

Рожок протрубил в последний раз. Длинно, протяжно, с надрывом, похожим на вздох умирающего зверя. Работники выпрямились, и по полю прошёл общий, почти беззвучный выдох.

День кончился.

За работу Ева получила три ячменных лепёшки, малень-

кий кувшинчик оливкового масла, горсть оливок и пять эдемита — бледных серебристых монет с изображением двух крыльев. Монеты были тонкими, почти невесомыми, но их звон в холщовом мешочке был для неё музыкой.

Она завязала мешочек, сунула за пазуху и пошла прочь с поля.

Другие работники расходились кто куда. Большинство — в общие казармы, длинные низкие здания из необожжённого кирпича, где пахло пресной кашей и мокрой шерстью. Некоторые — в развалины, в южную часть Зоны Возделывания, туда, где можно было найти хоть какое-то подобие уединения.

Ева шла туда.

Дорога домой была короткой — пятнадцать минут нетопливого шага по тропе, проложенной между зарослями дикого шиповника и колючим кустарником, который никто не выкорчёвывал. Тропа вилась среди груд битого камня и обломков колонн, поросших мхом и каким-то бледным, чахлым плющом. Здесь, в стороне от полей, воздух был другим — не таким тяжёлым, не таким пропитанным землёй. Здесь пахло сыростью, гниющими листьями и ещё чем-то далёким, неуловимым.

Ева шла медленно, чувствуя, как напряжение дня понемногу отпускает мышцы. Плечи опускались. Пальцы разжимались. Голова, которую она держала опущенной всё время работы, теперь поднялась, и она могла смотреть вперёд —

просто перед собой, на тропу, на камни, на далёкие силуэты разрушенных зданий.

Небо над головой меняло цвет. Серая дневная пелена постепенно темнела, переходя в густую, почти чёрную синеву — такую глубокую, что казалось, если вглядеться, можно увидеть звёзды. Но звёзд не было. Ангелы не любили звёзд. Звёзды напоминали о временах, когда небо принадлежало не им.

Тропа сделала поворот, и перед Евой открылась широкая ложбина, усыпанная обломками. Здесь когда-то был храм — большой, судя по всему, важный. Теперь от него остались только фундаменты, несколько полустоящих колонн и груды резного камня, на котором ещё можно было разглядеть очертания крыльев, нимбов, чьих-то ликов. Древние боги. Те, что были до ангелов. Ева проходила здесь каждый день и перестала замечать эти руины.

Она почти вышла из ложбины, когда услышала за спиной шорох. Не шаги — шорох. Словно кто-то крался, стараясь ступать бесшумно, но предательский камень скатился из-под ноги и ударился о другой.

Ева ускорила шаг. Сердце забилося где-то в горле, но она заставила себя дышать ровно. Пальцы сами скользнули к поясу, где под хитоном, в самодельных ножнах покоился короткий обломок серпа. Ной выточил его для неё два цикла назад, объясняя, как держать, как бить, как не промахнуться. Яннис показывал, как уходить от захвата, как использовать

вес тела, как заставить страх работать на тебя. Ева не любила эти уроки. Но носила заточку всегда.

Тропа впереди сужалась, зажата между двумя огромными обломками колонн — идеальное место для засады. И она поняла это слишком поздно.

Из-за правой колонны вышел Дорион. Коренастый, с толстыми, как корни старого дерева, пальцами, с тяжёлым, мясистым лицом, которое в сумерках казалось вылепленным из глины. В левой руке он сжимал заточку — узкий, неровный обломок серпа, заточенный с одной стороны до ужасающей остроты.

— Стоять, — сказал он. Негромко, но так, что голос ударил по ушам, как плеть.

Ева остановилась. Из-за левой колонны вышли ещё двое. Ликон — молодой парень, который всегда ей казался тихим и странным, и старый Филон, молчаливый, с глубокими морщинами, похожими на трещины в высохшей земле. Ликона била крупная, нервная дрожь, и в его глазах было что-то лихорадочное, безумное. Филон, напротив, был спокоен. Слишком спокоен. Его глаза — бледные, выцветшие — смотрели на Еву с холодным, оценивающим вниманием.

— Знаешь, сколько ты получаешь за фазу? — спросил Дорион, лениво поворачивая заточку в руке. — Мы посчитали. Почти сорок. А мы — по двадцать, если повезёт. Несправедливо, да?

Ева молчала. Она смотрела на него и чётко понимала, что

это не просто грабёж. Слишком тихо. Слишком продуманно.

Он подошёл ближе. Ева чувствовала запах его тела — кислый, тяжёлый, смешанный с запахом земли и пота.

— Мы возьмём не только монеты, — сказал он тихо, почти ласково. — Мы возьмём всё. Ты — красивая, Ева. Для обычной работницы — *очень* красивая. А мы давно не трогали женщин.

Ликон всхлипнул — не то от страха, не то от возбуждения. Филон молча обошёл Еву сзади, отрезая путь к отступлению. Дорион усмехнулся, обнажив жёлтые, гнилые зубы.

— Не кричи, — сказал он. — Здесь никого нет. Ангелам плевать на то, что происходит в Зоне после заката. А если и услышат — он пожал плечами, — подумают, что шакалы дерутся.

Он протянул руку — не к мешочку с монетами, а к её горлу.

И в этот миг Ева ударила.

Заточка выскользнула из ножен сама — пальцы помнили каждую царапину на рукояти. Она не целилась, не думала, не выбирала место. Просто всадила лезвие туда, где у Дориона был живот — мягкий, податливый, не защищённый ничем, кроме грязного хитона.

Лезвие вошло легко, почти без сопротивления, но неглубоко — Дорион перехватил её руку за мгновение до того, как она успела провернуть. Его пальцы сомкнулись на её запястье, сдавили до хруста. Заточка застряла в складках тка-

ни и кожи, и когда он вырвал её из её руки, по лезвию потекла тёмная, густая кровь.

— Ах ты, тварь! — заорал Дорион, отступая на шаг и прижимая ладонь к животу. Кровь сочилась между пальцами, но рана была неглубокой — она промахнулась, слишком спешила, слишком боялась. — Ликон! Держи её!

Ликон бросился на Еву, но она развернулась, пригнулась, ушла от его рук скользящим движением — так учил Яннис. Несмотря на высокий рост, нырнула под захват, выпрямилась за его спиной, и прежде чем он понял, что потерял цель, ударила ногой в подколенную ямку. Ликон вскрикнул, упал на колено, и Ева метнулась к выходу из ложбины.

Но старый, молчаливый Филон, оказался быстрее, преградив ей путь. В его руке вдруг появилась палка — толстая, суковатая, с заострённым концом. Он взмахнул ею, и удар пришёлся Еве в плечо. Кость отозвалась глухой, тупой болью. Она пошатнулась, ударилась спиной о колонну, и в этот момент Дорион, хрипя и тяжело дыша, навалился на неё всем телом.

— Держи! — прорычал он, прижимая её к камню. — Ликон, вставай! Филон, смотри, чтобы не убежала!

Ева рванулась, но Дорион был тяжелее вдвое. Его окровавленная рука залезла ей за пазуху, нащупала мешочек с эдемитами, вырвала его. Монеты посыпались на землю со звоном, раскатились по камням, исчезли в трещинах.

— А теперь, — прошептал Дорион ей в ухо, и его дыхание

было горячим, вонючим, — мы покажем тебе, что бывает с теми, кто не умеет делиться. Ликон, снимай с неё тряпки.

Ликон неуверенно подошёл, и потянулся к завязкам на её плече. Ева забилась, закричала — коротко, отчаянно, но Дорион зажал ей рот ладонью, со стуком прижал голову к камню. Перед глазами на миг всё потемнело, в челюсти пронеслась яростная вспышка боли.

— Тихо, тихо, — мурлыкал он, и в его голосе было сладкое, пьяное наслаждение. — Никто не услышит. Никто не придёт.

И в этот миг воздух изменился.

Ева не поняла, что произошло сначала.

Просто вдруг стало трудно дышать — будто кто-то выкачал из ложбины весь кислород и заменил его чем-то тяжёлым, густым, как смола. Тени под ногами дрогнули, вытянулись, и по земле пробежала лёгкая дрожь — будто где-то глубоко, в самом сердце развалин, проснулось нечто огромное и древнее.

— Я бы не советовал, — раздался голос.

Он шёл не из одного места — отовсюду. Из трещин в колоннах, из зарослей шиповника, из самой темноты, которая вдруг стала плотной, почти осязаемой. Низкий, ровный, без единой эмоции. Так мог говорить камень или ледяная вода в глубине колодца.

Дорион замер. Его рука, сжимавшая рот Евы, напряглась, но не отпустила. Ликон всхлипнул и попятился, споткнулся

о камень и упал на спину, глядя вверх широко раскрытыми глазами. Филон замер в двух шагах, опустив палку и внезапно став похожим на высохшую ветку, которую вот-вот сломает ветер.

Из-за колонны — той самой, что стояла в центре ложбины, которую Ева обходила каждый день, даже не глядя на неё, — вышел *человек*.

Позже, перебирая в памяти эту встречу снова и снова, Ева так и не смогла бы сказать, как он появился. Был ли он там всё это время? Вышел ли из тени? Или просто — возник, соткался из сумеречного воздуха, как сон, ставший явью?

Волосы — белёсые, почти белоснежные, как хлопья снега, которые описывают в древних, запрещённых книгах. Они падали на лицо длинными, прямыми прядями, скрывая его наполовину, и в этом скудном свете казалось, что волосы светятся собственным, призрачным сиянием. Кожа — бледная, как мрамор, из которого были сложены древние статуи и под которым угадывалась сеть тёмных вен. Лицо — то, что можно было разглядеть из-под прядей — с резкими скулами, с тонкими, почти бесцветными губами, которые перечёркивал старый, давно заживший шрам. Он делал лицо асимметричным — одна половина прекрасная, почти нечеловечески красивая, другая — искажённая, звериная, пугающая.

Но глаза...

Глаза были самыми страшными. Чёрные. Не тёмно-карие, не серые в полумраке — именно чёрные, без единого про-

блеска света. Два колодца, уходящие в никуда, две дыры в пустоту, которая смотрела оттуда, из глубины, и в этой пустоте не было ничего — ни мысли, ни чувства. Только абсолютная, первозданная *тьма*.

Он был высоким — выше любого мужчины, которого Ева знала. Одет в тёмное, плохо различимое в сумерках — длинный, скрывающий фигуру плащ. Босой. И от него пахло грозой. Старым пеплом. И ещё — ладаном, тёмным, вязким, похожим на тот, которым когда-то кадили в храмах перед богами.

Дорион отпустил Еву. Он сделал шаг назад, потом другой, и его лицо — только что грубое, самоуверенное — побелело, как мел.

— Кто ты? — выдавил он. Голос его сел, стал тонким, почти детским.

Человек с белёсыми волосами не ответил. Он стоял, слегка наклонив голову, и его чёрные глаза медленно скользили по лицам — от Дориона к Ликону, от Ликона к Филону. Без спешки. Без интереса. Так мясник разглядывает туши перед тем, как выбрать, с какой начать.

— Убирайтесь, — сказал он.

Тишина. Ликон всхлипнул громче, попытался встать, но ноги не слушались, и он так и остался сидеть на земле, глядя на незнакомца снизу вверх, как на божество. Филон попытался, но не побежал — он был слишком стар для бега, слишком мудр, чтобы тратить силы на то, что бесполезно.

Дорион не двинулся. Его страх боролся с чем-то другим — с унижением, с яростью, с тем, что его, сильного, грубого, привыкшего брать то, что хочется, остановил какой-то странный оборванец.

— Ты кто такой, чтобы указывать нам? — прошипел он и дрожащей рукой крепче сжал заточку.

Человек с белыми волосами сделал шаг. Ещё один. И Ева не успела понять, как это произошло. Послышался лишь хруст — *короткий, влажный*, — и Дорион уже корчился у ног незнакомца, прижимая руку к лицу.

Кровь. Тёмная, почти чёрная в сумерках, текла между пальцев Дориона. Он выл — низко, по-звериному, и этот вой разносился по развалинам, отражался от колонн, умножался и затихал где-то вдалеке.

— Я сказал: убирайтесь, — повторил человек. В его голосе не было ни злобы, ни удовольствия. Только скука. Такая тяжёлая, что она казалась старше этих камней, старше ангелов, старше самого времени.

Ликон наконец встал и побежал — не разбирая дороги, ломая кусты, царапая лицо о ветки шиповника. Филон исчез бесшумно, как тень, растворился в темноте между колоннами. Дорион, всё ещё воя, поднялся и пошёл прочь, прижимая разбитое лицо к груди, спотыкаясь, падая и вставая снова.

И только тогда — когда они ушли, когда шум их шагов затих вдали, когда тишина вернулась в ложбину — человек

повернулся к Еве.

Она стояла там, где стояла всё это время. Плечо болело, ныло, отдаваясь в шею и лопатку. Из разбитой губы сочилась кровь, она чувствовала её вкус — солёный, металлический. Но она стояла прямо, не отводя взгляда от чёрных глаз, которые смотрели на неё из-под белых прядей.

Он смотрел на неё долго. Так долго, что она успела забыть, как дышать. В его взгляде не было ни жалости, ни гнева, ни даже любопытства. Только — *внимание*. Абсолютное, давящее внимание, от которого хотелось опустить глаза.

— Ты цела? — спросил он. Голос его был таким же ровным.

Ева кивнула. Язык прилип к нёбу, слова застряли в горле.

Он кивнул в ответ — коротко, едва заметно.

И развернулся, чтобы уйти.

— Постой, — вырвалось у неё. Голос прозвучал чужим, хриплым, как после долгого молчания.

Он остановился. Не обернулся — просто замер, и в этой неподвижности было что-то пугающее. Хищное. То, что замирает перед прыжком.

— Кто ты? — спросила она.

Молчание. Ветер шевельнул его волосы, и на секунду она увидела его профиль — острый, хищный, прекрасный и страшный одновременно.

— Тот, кто оказался здесь, — ответил он. — Не более.

— Ты спас меня.

— Случайно.

— Ты — она запнулась, не зная, что спросить. Слишком много вопросов теснилось в голове, но ни один не был правильным. — Почему?

Он повернул голову, впившись тёмными глазами в неё. И в этом взгляде она увидела что-то, что заставило её сердце сжаться. Не страх. Что-то другое — древнее, тёмное, опасное. Напряжение, которому нет названия, но которое возникает между двумя людьми, когда один из них стоит на краю, а другой — заглядывает в бездну.

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответы, — сказал он тихо. — Иди домой. И больше не ходи этой дорогой после заката.

— А если я *хочу* знать? — спросила она. Вопрос вырвался сам собой, острый, как тот обломок серпа, что валялся теперь в пыли.

Он не ответил. Только усмехнулся — криво, одними уголками губ, и шрам на его лице дрогнул, сделав улыбку почти звериной.

И исчез.

Растворился в темноте, как будто его и не было. Как будто она только что разговаривала с тенью, с ветром, с собственным воображением. Но кровь на камнях была настоящей. И запах озона, пепла и ладана всё ещё стоял в воздухе, безмерный, невыносимо сладкий.

Ева постояла ещё немного, глядя на то место, где он толь-

ко что был. Потом медленно опустилась на корточки, собрала рассыпавшиеся вещи, нашла мешочек с монетами. Руки дрожали, но не от холода. Плечо ныло, губа саднила, и где-то глубоко, под рёбрами, пульсировала тупая, ноющая боль — там, куда пришёлся удар о колонну.

Она пошла домой. И всю дорогу — по тропе, мимо колонн, мимо зарослей шиповника — она чувствовала на себе чей-то взгляд. Тяжёлый, чёрный, бездонный. Он не был угрожающим. Он был *обещанием*. Того, что однажды они встретятся снова.

Глава 3: Accusatio

Небесный Доминион,

Вечный Храм

Он не спал уже семь циклов. Не потому, что не мог: сон был для него такой же роскошью, как и для его подопечных, — а потому, что боялся. Не людей. Не мятежа. Не предательства тех, кто стоял ниже его по рангу.

Он боялся закрывать глаза.

Ибо приходило оно — *Пророчество*. Приходило живой тьмой, которая обтекала его шестикрылую фигуру и шептала на языке, забытом уже многими ангелами:

«Придёт Антихрист. И не будет ему имени, ибо он — бездна. И падут крылатые, и воцарится тишина, которой не было даже до начала времён».

Задкииль стоял у окна Вечного Храма.

Храм возвышался на вершине скалы — светлой, отвесной, такой высокой, что её основание тонуло в облаках. Люди снизу не могли разглядеть даже силуэта; они видели только белую вспышку на самом краю неба, когда солнце отражалось в мраморе колонн.

Колонн было сто. Каждая — высотой в двадцать человек, сложенная из цельных блоков камня. Между колоннами висели тяжёлые чёрные занавеси, расшитые золотыми нитями — нити были настолько тонкими, что их можно было раз-

глядеть, только подойдя вплотную. А подойти вплотную к Храму не мог никто, кроме ангелов высшего чина. Лестница, вырубленная в скале, насчитывала тысячу ступеней.

Задкииль любил это окно. Оно выходило туда, где раскинулась Зона Покоя.

Зона Покоя была *идеальным* миром.

Аккуратные построения из белого камня, ровные прямые улицы, площади с фонтанами, в которых вода никогда не заканчивалась. Люди там жили в мире и достатке — у них была еда, кров, работа, которая не убивала их за десять циклов. Они носили чистую одежду, их дети улыбались, старики умирали в тишине, а не в грязи и боли.

Они приняли свою участь, преклонив головы единственному правителю, что гасил страсти, притуплял желания, делал людей послушными.

Он делал их *счастливыми*.

Задкииль смотрел на Зону Покоя и чувствовал наслаждение. Он создал этот мир. Он дал людям то, чего они не могли дать себе сами. *Порядок*.

Но в глубине, под Храмом, там, куда никогда не доходил свет, кто-то шептал. Не ему — стенам. Камням. Цепям.

Задкииль знал этот шёпот. Он слышал его триста двадцать один цикл, с того самого дня, как заточил предателя под землёй.

Он не спускался туда. Ни разу. Ему не нужно было видеть, чтобы знать: цепи держат, а голос — просто эхо, отголосок

былой силы.

Он отошёл от окна и медленно прошёлся по залу. Пол был выложен мраморными плитами, и каждый шаг Задкииля отзывался тихим стуком. В центре зала стоял трон: строгий, даже слегка аскетичный: высокое кресло из чёрного дерева, с прямой спинкой и узкими подлокотниками. Ни золота, ни камней. Только дерево — чёрное, как ночь, — и на спинке вырезанная шестикрылая фигура, сжимающая в руках раскрытую книгу.

Задкииль сел. Крылья за его спиной сложились, прижались к телу, и от этого движения по залу прошёл холодный, сухой ветер.

Он крепко закрыл глаза.

Пророчество пришло сразу. Ледяная вода, поднимающаяся до пояса. Тьма, в которой нет ни звезд, ни огня. И голос — не мужской и не женский, не детский и не старческий, — который произносил одно-единственное слово:

«Цикл».

Первый цикл. Сто первый. Двести пятьдесят первый. *Триста двадцать первый.*

Задкииль открыл глаза. Его лицо — прекрасное, пугающе правильное — было спокойным. Только в уголках губ залегла едва заметная складка.

Он знал, что Пророчество сбудется, даже не веря в судьбу. Он верил только в порядок, который сам создал, и видел знаки. Трещины в колоннах, которые появились ниоткуда.

Ржавчину на цепях, которых ржавчина не должна касаться. Сны, которые не должны сниться.

Антихрист придёт. Вопрос был не в том, *если*, а в том, *когда*.

И когда придёт, Задкииль будет готов.

Он поднял руку — с длинными пальцами, с ногтями, отполированными до блеска, — и коснулся своей косы. Волосы были белыми, как перья его крыльев, и такими же длинными. Коса спускалась до пояса, перехваченная в трёх местах золотыми кольцами — символами его власти над тремя мирами: Небом, Землёй и Тем, Что Под Землёй.

— Малхиор, — позвал он, не повышая голоса.

Тишина. А потом из тени за колонной, бесшумно ступая по мрамору, вышел маленький ангел с двумя короткими крыльями и лицом, похожим на сморщенный плод. Глаза его были острыми, как лезвия, и в них читалась преданность — та самая, которую не купить, которую можно только выжечь годами и страхом.

— Господин, — склонился Малхиор.

— Принеси свитки, — сказал Задкииль. — Все. От первого цикла до сегодняшнего. Я хочу перечитать пророчество ещё раз. Каждое слово.

Малхиор замер на секунду — слишком долго для ангела, который должен подчиняться мгновенно.

— Господин, — осторожно произнёс он, — вы читали их уже тысячу раз. Там нет ничего нового.

Задкииль посмотрел на него. Один взгляд — и Малхиор почувствовал, как его крылья сами собой сложились, как колени подогнулись, как горло сжалось от невидимых пальцев. Иерарх не использовал силу. Только смотрел. Но в этом взгляде было столько власти, что даже камни Храма, казалось, затаили дыхание.

— Принеси, — повторил Задкииль. Тихо. Требовательно. Малхиор исчез, растворился в тенях.

Задкииль снова повернулся к окну. Внизу, в Зоне Покоя, зажигались огни — люди возвращались с работы, садились ужинать, молились *ему* перед сном. Они не знали его имени; они называли его «Великий Отец» и верили, что он их защищает.

Он и защищал. От хаоса. От свободы. От них самих.

Но где-то глубоко, под Храмом, в каменных недрах, которые никто из живых не видел, кто-то снова зашевелил цепями. Звук был таким слабым, что его мог услышать только тот, кто ждал. Кто боялся. Кто знал, что однажды эти цепи не выдержат.

Задкииль услышал.

— Ещё не время, — прошептал он в пустоту. — Не сейчас.

Но эхо подземелья не ответило. Только шёпот, древний, усталый, полный скорби, которую невозможно утешить, продолжал струиться сквозь камень, как вода сквозь трещину в плотине.

Лицо Иерарха было непроницаемо.
Он ждал. Он всегда ждал.
И он был готов.

Стена из белого камня поднималась из земли, как хребет исполинского зверя, уснувшего в начале времён и так и не проснувшегося. Наверху, на такой высоте, что шея затекала, если смотреть слишком долго, мерцали древние знаки, которые горели тусклым серебряным светом. Их нанёс сам Иерарх Задкииль в первый цикл после Сошествия.

Стена опоясывала весь Небесный Доминион, отделяя земли Иерарха от Пустоши, от Зоны Отверженных, где ещё теплилась воля.

Ева стояла в тени огромного обломка колонны — здесь, недалеко от Главных Врат, древних построек было больше, чем в любом другом месте. Когда-то, ещё до ангелов, здесь находился город. Теперь от него остались только фундаменты, груды битого мрамора и эта стена, которая не пускала ни туда, ни обратно.

Здесь, в южной части Зоны Возделывания, за которой ничего не было — только развалины, пепелища и те, кто сбежал, — стена достигала невероятной высоты.

— Ну и что ты там высматриваешь? — голос Ноя вырвал

её из задумчивости. — Трещину, через которую можно бежать?

Он сидел на обломке колонны, закинув ногу на ногу, и лениво вертел в пальцах заточку Евы, изучая царапины на рукояти. Ева ценила его за острый язык и умение найти выход там, где другие видели только глухую стену.

— У тебя кровь на лезвии, — заметил он, не глядя на неё.
— Не твоя, думаю. Чья?

— Дориона.

Яннис, стоявший чуть поодаль, прислонившись плечом к Стене, хмыкнул. Он был старше остальных — под сорок циклов, с глубокими морщинами, прорезавшими его лицо, как русла пересохших рек, и с сединой в чёрных волосах. Короткая щетина, шрамы на предплечьях — старые, белые, полученные за попытки сбежать отсюда.

— Тот огромный мужик, который вечно пытается подлизаться к крылатым? — уточнил он.

— Он самый.

— И как он? — спросил Яннис.

— Живой, — ответила Ева, приглаживая чёрную косу на плече.

Бри сидела на корточках у Стены, обхватив колени руками, и смотрела на Еву удивлёнными глазами. Бри была пухленькой, с круглым лицом и вечно растрёпанными светлыми кудрями, которые она постоянно нервно заправляла за уши. Ей было около двадцати циклов, но выглядела она младше

— из-за этой своей манеры сжиматься в комок при малейшей опасности. Бри работала на соседней борозде и дружила с Евой ещё с детства, когда их вместе определили в рабочие дома. Она была единственной, кто знал, что Ева иногда плачет по ночам — не от боли, от тоски. Но ничего не говорила.

— На тебя напали? — голос Бри был непривычно тихий.
— Трое? А ты ты одна?

— Четверо, — поправила Ева, скривив губы. — Вместе с моей собственной глупостью.

Она провела рукой по лбу — так, как делает с самого детства, когда начинает нервничать.

— Рассказывай, — Яннис скрестил руки на груди. — По порядку.

Она пересказала вчерашний вечер ровным, почти безжизненным голосом, будто пересказала сцену из чужой жизни. Но внутри, глубоко в груди, всё ещё пульсировала тошнота. Воспоминание о том, как грубые пальцы скользят по завязкам, как чужое дыхание обжигает ухо, как мир сужается до точки...

— А потом? — спросил Ной. Его голос стал ниже, жёстче.

— А потом они вдруг испугались. — Ева сделала паузу, подбирая слова. — Не знаю, что на них нашло. Может, показалось, что идут ангелы. Дорион отпустил меня, и они убежали.

Тишина. Ветер шевельнул пряди, выбившиеся из её косы.

— Ты врёшь, — сказал Ной, не зло, скорее утверждая. —

Про то, что не знаешь. *Что-то* было. Ты видела *что-то*.

Ева встретила его взгляд. Сероглазый, цепкий, читающий её как открытую книгу — книгу, написанную на языке, которого он не знал.

— Может быть, — ответила она. — Но это не важно. Важно, что я жива.

Яннис одобрительно хмыкнул.

— Дай я посмотрю плечо, — сказал он, подходя ближе. Жёсткими, но осторожными пальцами ощупал ушиб. — Кость цела. Синяк сойдёт через неделю.

— В следующий раз бей не в живот, — посоветовал Ной, протягивая ей заточку. — Иначе крылатые тебя уничтожат.

— Как думаете... он сообщит им? — спросила Ева, беря лезвие и пряча за пояс.

— Попробует. В любом случае, — холодно произнёс Яннис.

Эти тяжёлые слова повисли в воздухе. Никто не торопился их развеивать. Ной задумчиво вертел в пальцах мелкий камешек, Яннис отошёл и снова прислонился к Стене. Бри молчала.

Ева посмотрела на подругу. Что-то было не так. Бри не переспрашивала, не ахала, не задавала вопросов — просто сидела, вжав голову в плечи, и глядела в одну точку. Её пальцы теребили край хитона — нервно, мелко, будто она пыталась оторвать нитку от ткани. Это было непохоже на неё. Бри всегда переживала громко — со всхлипами, с причитания-

ми, с объятиями. А сейчас она молчала. И это молчание было громче любых слов.

— Бри, — тихо позвала Ева.

Та вздрогнула, будто её укололи. Подняла глаза — мутные, расфокусированные — и снова опустила.

— Я тут слышала один разговор, — сказала Бри, не глядя на неё. — Недавно.

— Какой разговор? — Ной поднял бровь, но Ева жестом остановила его.

— Пусть говорит.

Бри глубоко вздохнула, будто набиралась смелости. Её грудь поднялась и опустилась, и в этом движении было что-то испуганное, загнанное.

— Я была на площади, — начала она. Голос её был тихим, почти шёпотом — таким, каким говорят о вещах, которые не предназначены для чужих ушей. — Рядом две женщины говорили. Судя по одежде они были из Зоны Покоя.

Ева почувствовала, как внутри неё, в той странной тишине, что жила за грудиной, что-то шевельнулось. Настороженность. Зона Покоя была закрыта для жителей Зоны Возделывания. Как и наоборот. На ту сторону — как и за эту — не пускали никого, кроме ангелов и тех, кто прислуживал им напрямую. Случайная встреча на площади казалась неправдоподобной.

— И что они говорили? — спросила Ева как можно спокойнее.

Бри бросила быстрый взгляд на Ноя и Янниса, потом на Еву — короткий, испуганный взгляд зверька, который замечает тень хищника на краю поля. Ева увидела этот взгляд и запомнила его.

— Говорили, что Иерарх Задкииль готовит для людей новую Печать. Не такую, как у нас, — особенную. Говорят, она полностью убьёт в человеке всё живое. Не только волю даже желания. Даже способность бояться или радоваться. Люди станут как да как глиняные горшки!

Слова падали в тишину, как капли холодной воды на раскалённый камень. Шипели, испарялись, оставляя после себя только отвращение.

— Бред, — отрезал Ной. — Такого даже Задкииль не посмеет совершить.

— Посмеет, если захочет, — возразил Яннис. — Ты видел Сад Сломленных? Задкииль может превратить человека в камень. А камень — это уже пустота. Новая Печать — просто другой способ.

Ева молчала. Она смотрела на Бри, и в голове у неё крутилась одна мысль — холодная, колючая, как льдинка, застрявшая в горле. *Откуда?* Откуда Бри, простая работница, которая никогда не была дальше их Зоны, могла узнать такие подробности? Зона Покоя закрыта. Женщины, которых она описала, — если они вообще существовали — не стали бы обсуждать секреты Иерарха на виду у десятка работников. Это слишком опасно. Слишком глупо. Слишком неправдо-

подобно.

Значит, Бри не была на площади. Или была, но услышала не от женщин.

От кого же?

Ева вспомнила, как Бри в последние дни стала задумчивее, рассеянное. Как иногда вздрагивала, когда Ева подходила сзади. Как прятала глаза, когда речь заходила о Стене и о том, что за ней. Как теребила край хитона — вот так, как сейчас.

И ещё — этот холодок, который пробежал по спине Евы, когда Бри рассказала о новой Печати. Слишком уверенно. Слишком подробно. Будто она не пересказывала чужой разговор, а повторяла выученный урок.

— Бри, — тихо сказала Ева, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало подозрения. — Ты уверена, что те женщины говорили именно об этом? Может, ты что-то напутала?

— Я не напутала, — ответила Бри слишком быстро и резко. — Я всё запомнила слово в слово.

— Странно, — протянул Ной. — Чтобы в Зоне Покоя обсуждали такое Они же там молятся на Задкииля. Да и как их пустили в нашу Зону?

— Кто знает, что творится там у них, — пожал плечами Яннис.

Ева кивнула, но внутри неё пульсировала тревога — ровно, как второй пульс. Она знала Бри. Знала, что подруга не умеет врать. Но сейчас Бри не врала. Она просто не догова-

ривала. Умолчала о чём-то важном. О ком-то, кто рассказал ей эту историю в другом месте, при других обстоятельствах.

— Ладно, — сказал Ной, поднимаясь с обломка колонны.
— Пора расходиться. Скоро Силы начнут обход. Не хочу, чтобы нас застукали здесь.

Бри встала, отряхнула хитон. Ева заметила, как она украдкой вытерла вспотевшие ладони о ткань — жест быстрый, почти незаметный. Но Ева всё видела. Она *всегда* всё видела.

— До завтра, — сказал Яннис, кивнув Еве.

— До завтра, — ответила она.

Ной и Яннис двинулись на запад — к ремесленным кварталам, где в низких каменных зданиях пахло смолой, деревом и окалиной. Ева и Бри пошли на восток, к своему небольшому жилищу среди развалин.

Сначала они шли молча. Тропа петляла между обломками колонн, битого мрамора, зарослями шиповника, который цеплялся за одежду мелкими, острыми шипами. Сумерки сгущались, превращаясь в ночь. Небо над головой было черным, беззвёздным. Где-то далеко хлопнули крылья — ангелы сменяли друг друга.

Ева чувствовала напряжение Бри — оно исходило от неё, как жар от остывающей печи. Каждый шаг, каждый вздох, каждое движение подруги говорило о том, что она несёт в себе тяжесть, которую не может разделить.

— Бри, — позвала Ева, когда они отошли достаточно далеко, чтобы их не могли услышать с той стороны.

— М? — голос Бри был глухим.

— Тот разговор. Ты уверена, что это были женщины из Зоны Покоя?

Бри не ответила. Шла, глядя себе под ноги, и её лицо в сумерках казалось бледным, почти белым — как молоко, как известка, как кости, выбеленные солнцем, которого почти не было.

— Бри.

— Я всё сказала, — отозвалась она наконец. — Не хочу больше об этом говорить.

— Хорошо, — кивнула Ева. — Не будем.

Но в голове у неё продолжало крутиться: *Откуда? Кто рассказал тебе о новой Печати с такими подробностями? И зачем тебе понадобилось врать про женщин из Зоны Покоя?*

Ответов не было. Только холодная, липкая тревога, которая поселилась внутри и не желала уходить.

Они дошли до дома — низкого, сложенного из древних камней строения, крытого грубой черепицей. Стены помнили ветра, дожди и, возможно, времена до ангелов. Внутри пахло сушёными травами — Бри собирала их возле Стены, когда выдавалась свободная минута, — и старой шерстью, которая лежала на кроватях вместо одеял.

Ева отодвинула засов, пропустила Бри внутрь, заперла дверь. В темноте она нащупала лампу — глиняную плоску с фитилём — и зажгла её от кремня. Маленький огонёк осветил глиняные стены, грубый стол, две кровати, заваленные

тряпьем. Тени прыгали по углам, как встревоженные звери.

Бри сразу легла, отвернувшись к стене. Её плечи были напряжены — она не спала, просто лежала, глядя в глиняную стену, и молчала.

Ева постояла немного, глядя на её спину, потом села на кровать, обхватила колени руками и уставилась на пламя.

Огонь был живым. Он дышал, колебался, менял форму — то вытягивался вверх острой иглой, то сжимался в маленькую, пульсирующую точку. Ева смотрела на него, и постепенно тревога отпускала — не уходила, но становилась тише, как вода, которая нашла себе русло.

Новая Печать. Пустые оболочки. Люди без чувств, без мыслей, без свободы.

Она провела рукой по лбу. Никто не знал, что у неё нет Печати. Ни Ной, ни Яннис, даже Бри. Это была её тайна, её груз, её оружие. И если Задкииль узнает

Она не закончила мысль. Не нужно было. И так всё было ясно.

Ева вздохнула и погасила лампу. Фитиль зашипел, и последний дымок потянулся к потолку, растворился в темноте.

В доме стало совсем темно. Только из щелей в стенах пробивался слабый, мутный свет — луна, которой не было видно, но которая всё же существовала где-то за облаками.

— Бри, — прошептала Ева в потолок.

— Что?

— Если ты когда-нибудь захочешь рассказать мне правду

— не бойся. Я не буду судить.

Долгое молчание. Ева слышала, как Бри сглатывает, как её дыхание становится неровным, прерывистым.

— Спасибо, — ответила Бри.

Она проснулась от того, что воздух исчез.

Всё случилось в одно мгновение: чья-то огромная, каменная ладонь сдавила её лицо, зажимая рот, отрезая крик ещё в горле. Другая рука — такая же тяжёлая, безжалостная — прижала её тело к кровати, не давая дёрнуться.

Сердце пропустило удар. Потом забилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев, которые вдруг стали ледяными и чужими.

Ева открыла глаза.

Над ней склонилось лицо в чёрном шлеме без прорезей для глаз и рта.

Ангел Власти.

Она узнала его по доспехам, по матовому металлу, не отражающему свету. По крыльям, сложенным за спиной — коротким, серым.

В комнате было ещё двое. Такие же. Они стояли у двери, перекрывая выход, и их головы были направлены на Бри, которая сидела на своей кровати, вжавшись в стену.

Бри не кричала. Она замерла, как замерла бы мышь, почувывая кота. Её лицо было белым, как мел, губы дрожали,

глаза — огромные, полные ужаса — метались от ангелов к Еве и обратно. Она обхватила себя руками, но её пальцы впились в плечи с такой силой, что, казалось, вот-вот прорвут кожу. Из горла вырывался только тонкий, почти неслышный свист — дыхание, запертое в тесной клетке страха.

Ева рванулась.

Это был не продуманный удар — чистый инстинкт, *животное* желание вырваться, вдохнуть, закричать. Она изогнулась, пытаясь сбросить тяжёлую руку с лица, дёрнула коленом, целясь в живот ангела. Локоть — в рёбра. Пальцы — к голове.

Всё бесполезно.

Ангел даже не шелохнулся. Его рука — холодная, негнущаяся — продолжала сжимать её челюсти с такой силой, что зубы заскрипели. Вторая рука придавила грудь, и Ева почувствовала, как рёбра прогнулись, как воздух с шумом вырвался из лёгких. В ушах зашумело, перед глазами поплыли чёрные точки.

Он меня задушит, — мелькнула паническая мысль. — *Прямо здесь, прямо сейчас!*

Но не задушил. Через секунду — или через вечность, она не могла сказать — давление чуть ослабло.

Ева хрипела, пытаясь втянуть воздух через зажатый нос. Голова кружилась. Комната плыла.

— Ева, дочь неизвестных, жительница и работница Зоны Возделывания, — произнёс ангел, сжимающий её лицо. Го-

лос был низким, ровным, без единой интонации. — Ты обвиняешься в нападении на жителя и работника Зоны Возделывания Дориона с намерением убийства. Свидетели: Ликон и Филон, жители и работники Зоны Возделывания. Ты будешь доставлена в Дом Праведного Суда для допроса и вынесения приговора.

Ни одного лишнего слова. Ни капли эмоций. Он не спросил, виновна ли она. Просто констатировал факт, который кто-то там, наверху, уже записал в непреложную истину.

— Это ложь, — прохрипела Ева сквозь пальцы. Голос получился придушенным, слабым, почти жалким. — Он пытался меня он напал на меня. Ликон и Филон были с ним. Они хотели

Ангел не слушал. Он дёрнул её вверх, поставил на ноги, и Ева почувствовала, как холодная гибкая цепь со звоном обвила локти, стянула плечи назад, выворачивая суставы рук. Боль была резкой, короткой — и тут же перешла в тупое, ноющее напряжение.

— Не трогайте её! — закричала Бри.

Крик был тонким, почти истерическим. Бри соскочила с кровати, но тут же наткнулась на второго ангела — тот молча выставил руку, и она врезалась в неё, как в стену. Её лицо было мокрым от слёз.

— Она ничего не делала! Это Дорион! Это он! Он хотел её ограбить и обесчестить! Спросите у у кого угодно! Ной! Яннис! Они знают!

— Бри, молчи! — крикнула Ева, но третий ангел уже зажал рот подруги. Так же грубо, так же безжалостно, как ей самой минуту назад. Бри захрипела, забилась в железных руках, но ничего не могла сделать — только смотреть, и её глаза были огромными, как два блюда.

Ева рванулась снова. Она выгнулась, ударила ногой по голени ближайшего ангела, попала — он даже не поморщился. Ударила второй раз, в колено — тот же эффект. Как бить в бетонную стену.

— Не сопротивляйся, — сказал первый ангел. Всё так же ровно. — Это увеличит твоё наказание.

— Какое наказание?! — закричала Ева. — Я ни в чём не виновата! Это он! Дорион! Опрашивайте его! Спросите, зачем он пришёл с двумя сообщниками!

Ангелы молчали.

Внутри неё, в том месте, где жила тишина, рождалась она. *Ненависть*. Холодная, чёрная, липкая.

— Отпустите меня! — Ева дёрнулась так сильно, что кожа на запястьях затрещала, готовая порваться. — У меня есть право...

— У тебя *нет* прав, — перебил ангел. — Ты — человек.

Он развернул её к двери и толкнул. Ева споткнулась о порог, упала на колени, ободрав кожу о каменный пол. Сразу же сильные руки подхватили её под локти, поставили на ноги. Боль в плечах отозвалась в позвоночнике, и она закусил губу, чтобы не закричать.

Бри что-то кричала за спиной. Ева слышала только обрывки: «ангелы ложь Дорион пожалуйста» — а потом голос по-други оборвался.

Свежий утренний воздух ударил в лицо — холодный, сырой, с примесью тумана. Небо было серым, как всегда. Ангелы понесли её к северу, в Зону Покоя, в Дом Праведного Суда, — туда, где ангелы вершили свой суд над теми, кто осмелился поднять руку на себе подобных. Ева не знала, что её ждёт.

Она перестала сопротивляться, потому что поняла: сейчас каждое движение только ухудшит её положение. Нужно беречь силы. Нужно думать. Нужно найти способ выжить.

Глава 4: Iudicium

Зона Покоя,

Дом Праведного Суда

Грязь и разбитые дороги остались позади, как только они перешли стену, разделявшую Зону Возделывания и Зону Покоя, — сначала их сменили ровные, вымощенные плитами улочки, потом аккуратные дома из белого камня, с черепичными крышами и маленькими садами перед входом. Здесь не было ни колючки, ни чахлого кустарника — только подстриженные кусты, ровные газоны и редкие деревья, посаженные в строгом порядке.

Зона Покоя. Место, где жили те, кто полностью принял порядок Задкииля. Где люди не бесчинствовали, не голодали, не спали на грязных кроватях в лачугах. У них была еда, кров, но за всё это они платили единственной монетой, которую признавали ангелы: своей волей.

Ева никогда не была здесь раньше. Теперь она шла по этим улицам, и контраст с её собственной жизнью бил по глазам, как пощёчина.

Люди, попадавшиеся навстречу, шарахались в стороны, но не от страха — от почтительности. Они кланялись ангелам, сопровождавшим Еву, но на неё смотрели с холодным любопытством, как на диковинного зверя. Их одежда была чистой, лица — спокойными. Никто не сутулился, никто не

прятал взгляд. Но в их глазах была пустота. Они ничего не хотели знать, не хотели защищать свои права, они игнорировали. Им было хорошо. Или они *думали*, что им хорошо.

Они даже не понимают, что это тюрьма, — подумала Ева, и внутри неё что-то царапнуло.

Впереди показалось здание.

Дом Праведного Суда возвышался в центре Зоны Покоя, на небольшом холме, окружённый ровным газоном. Он был выстроен из белого мрамора — такого чистого, что, казалось, светился изнутри даже в пасмурный день. Колонны, поддерживающие портик, были тонкими, изящными, украшенными коринфскими капителями с аккуратными завитками. Ступени вели к массивным дверям из тёмного дерева, инкрустированного золотом.

Над входом, на высоком фронтоне, застыла огромная статуя ангела. Его крылья были расправлены, лицо — прекрасным, нечеловечески красивым, с правильными, античными чертами. Одна рука была поднята в благословляющем жесте, другая держала раскрытую книгу. Казалось, он смотрел на каждого входящего с выражением спокойного, всезнающего превосходства.

Всё здесь дышало порядком, чистотой, величием. Но Еве это величие казалось злым. Слишком правильным. Слишком идеальным. Как лицо человека, который никогда не плакал.

Внутри Дом Праведного Суда оказался ещё более величе-

ственным и пугающим.

Высокий, широкий коридор уходил вглубь, теряясь в перспективе. Пол был выложен мраморными плитами — белыми с серыми прожилками, отполированными до зеркального блеска. Стены — из того же белого камня, гладкие, без единой трещины. Колонны, поддерживающие сводчатый потолок, повторяли формы тех, что снаружи, — коринфские, изящные, с позолоченными деталями. Потолок был расписан фресками: ангелы, парящие в облаках, люди, преклоняющие колени, сцены суда и милосердия.

Свет лился из высоких окон, затянутых прозрачной тканью, которая приглушала резкость, делая его мягким, почти благоговейным. Пахло воском, полированным деревом и едва уловимо — ладаном. Здесь не было пыли, не было плесени, не было запаха пота и страха, к которым привыкла Ева.

Всё это казалось ей чужим, неправильным. Слишком красивым для места, где вершат *судьбы*.

В коридоре и в боковых помещениях мелькали ангелы — не только грубые Власти, что привели её, но и другие, которых она видела впервые. Изящные, с длинными перьевыми крыльями, в белых одеждах. Низенькие, суетливые, перебиравшие свитки в нишах. И высокие, закутанные в мантию фигуры, от которых веяло холодом.

Стеллажи с книгами и свитками тянулись вдоль стен, уходя вверх, к самому потолку. Тысячи томов — в кожаных переплётах, в пергаментных обложках, в тяжёлых деревянных

коробках. Ева не очень умела читать, но знала: здесь хранятся законы Доминиона, протоколы судов, имена всех, кто когда-либо предстал перед Домом Праведного Суда.

Моё имя тоже будет здесь, — подумала она с ледяной усмешкой. — *Ева, дочь неизвестных, жительница и работница Зоны Возделывания. Обвинение: покушение на убийство. Приговор:*

Она не знала, какой будет приговор. Но догадывалась.

Ангелы привели её к небольшой боковой двери, не такой парадной, как главная, но всё такой же аккуратной, из тёмного дерева с бронзовыми ручками. За ней оказался короткий коридор, ведущий к камерам предварительного заключения.

Ева ожидала увидеть подвал с грязными стенами, крыс и цепи, вмурованные в пол. Но камеры здесь были чистыми. Узкие, без окон, но с гладкими белыми стенами, с деревянными скамьями, покрытыми тонкими тканями, с медными кольцами в стенах для крепления цепей.

Всё здесь говорило о порядке. О том, что даже наказание должно быть *достойным*. Что даже тюрьма — часть великого замысла Иерарха Задкииля, где каждая деталь продумана, каждый угол выверен.

Но именно эта идеальность пугала Еву больше, чем любой мрачный подвал. Потому что она понимала: здесь не было места человеческому. Здесь не было грязи, потому что грязь напоминала бы о том, что люди — живые. Здесь не было страха, потому что страх — это слабость, а слабость не

вписывается в порядок.

— Заходи, — сказал ангел Власти, открывая дверь одной из камер. Его голос был таким же ровным, таким же пустым, как и всё вокруг.

Ева переступила порог. Дверь за спиной закрылась с тихим, почти мягким щелчком.

Ева осталась одна.

Она опустилась на деревянную скамью.

Сколько людей сидело здесь до меня? — подумала Ева. — Сколько из них дожидалось суда? Сколько вышло на свободу?

Она догадывалась, что ответ ей не понравится.

Ева откинулась спиной к стене и закрыла глаза. И вдруг внутри неё что-то дрогнуло. Огромное, тёмное, холодное.

То, что молча сжимает зубы, запоминает каждую деталь, каждую деталь этой идеальной красоты, каждое лицо ангелов, каждый аккуратно завязанный узел на их одеждах. То, что будет ждать годами и не забудет.

Новая Печать, — вспомнила Ева, и эта мысль обожгла сильнее всего.

Она внезапно поняла: если слова Бри — правда, то ей грозит смертельная опасность. Задкииль действительно может превратить людей в нечто, что не противится, не сомневается, не вспоминает о свободе. Он уже построил для этого подходящую сцену. Осталось только сменить декорации.

Если они узнают, — подумала она, — меня не будут су-

дить. Меня просто превратят в статую. И поставят в Сад Сломленных, чтобы все жители Доминиона любовались и радовались, что не они на моём месте.

Она вздрогнула и отогнала эту мысль. Нет. Она не сдастся. Даже если приговор уже вынесен. Даже если никто не будет её слушать.

Ева улыбнулась — криво, горько, с привкусом железа на губах, и кое-что решила для себя.

За ней пришли через час. Или через три — она потеряла счёт времени, сидя в тишине камеры. Дверь открылась бесшумно, и на пороге возник ангел Власти. Он не произнёс ни слова, только дёрнул цепь, приглашая следовать за ним.

Она поднялась. Ноги затекли, спина болела от неудобной позы на деревянной скамье, но она заставила себя идти ровно, не показывая слабости.

Коридор, по которому её вели, был длинным и светлым. Высокие окна пропускали мягкий, рассеянный свет, падавший на полированный пол и отражавшийся от белых стен. Ни пылинки. Ни звука, кроме её собственных шагов. Где-то за стенами переговаривались ангелы — тихо, мелодично, их голоса походили на переливы струн невидимого инструмента.

Они остановились перед двустворчатыми дверями из тёмного дерева с золотыми инкрустациями. На дверях был вырезан тот же символ, что и на фронтоне здания: ангел с книгой в одной руке. Ангел Власти толкнул створки, и они рас-

пахнулись беззвучно, открывая зал суда.

Зал был огромным. Высоченный потолок терялся где-то в полумраке, поддерживаемый рядами белых мраморных колонн, уходящих ввысь. Между колоннами висели тяжёлые белые занавеси, расшитые золотыми нитями с изображениями сцен из Завета — ангелы, спускающиеся с небес, люди, падающие ниц, свитки с законами.

Прямо напротив входа возвышалось судейское место — не трибуна, не стол, а настоящий трон, воздвигнутый на платформе с пятью ступенями, выложенными чёрным и белым мрамором. Трон был вырезан из цельного куска камня, украшенного барельефами: грехопадение, изгнание, первое убийство. Братоубийство. *Тень Каина*. Он стоял там — первый убийца, закованный в цепи, а над ним склонялся ангел с карающим мечом.

Справа и слева от трона на мраморных скамьях восседали ангелы. Их было много — не менее двух десятков, всех чинов, каких Ева только могла вообразить. В первом ряду, ближе к трону, застыли Господства — высокие фигуры в длинных белых мантиях, с лицами, скрытыми капюшонами. По бокам, вдоль стен, стояли Силы — те самые, молчаливые, неподвижные, в серых доспехах, с короткими крыльями. И ещё много других, которых Ева даже не знала — с горящими кольцами вместо тел, с несколькими парами крыльев, сложенных гармошкой, с лицами, которые менялись, когда на них смотрели.

У правой стороны трона стоял высокий ангел, которого она приняла бы за судью, но это был не он. Одежды на нём были белыми, строгими, почти воинскими. Ткань плотно облегалa плечи, грудь, бёдра, подчёркивая каждое движение.

Крылья были сложены за спиной — огромные, белые, с едва заметным серебряным отливом. Даже в сложенном состоянии они занимали столько места, что казалось, будто за ним стоит невидимая стена.

Лицо заставило Еву замереть.

Короткие белые волосы, почти такого же оттенка, как его крылья. Они были аккуратно уложены и открывали высокий лоб. *Глаза.* Небесные, холодные. В них не было ни капли тепла или сочувствия — только абсолютная, леденящая жестокость, за которой, впрочем, угадывалась какая-то древняя, давно выжженная боль. Они смотрели на Еву так, будто она была не живым человеком, а экспонатом — любопытным, но не стоящим большого внимания.

Губы — тонкие, бледные, без намёка на улыбку. Подбородок — острый, волевой. И в этом лице, в этих чертах, в этом повороте головы — когда он чуть наклонился, чтобы лучше рассмотреть осуждённую, — было что-то до боли знакомое. Что-то, что заставило сердце Евы сжаться, а в горле появился ком.

Я видела его , — подумала она. — Где-то. Когда-то. Но где?

В центре зала, перед троном, стояла скамья подсудимых

— простая деревянная скамья, без спинки, чуть приподнятая на низком помосте.

Ангел Власти подтолкнул Еву вперёд. Её приковали к скамье. Она оказалась привязанной к этому месту, как животное к стойлу.

— Суд начинается, — произнёс голос. Он не был громким, но заполнил всё пространство зала, отражаясь от колонн, от потолка, от мраморного пола.

Какое-то движение на платформе. Из-за колонны вышел ангел — не такой, как остальные. Он был шестикрылым. Лицо его было настолько правильным, что казалось невозможным для живого существа: острые скулы, прямой нос, мягкая линия губ. Кожа — гладкая, светлая, будто созданная не из плоти, а из тончайшего фарфора.

И глаза.

Глаза цвета расплавленного золота.

Они светились изнутри — не ярко, не ослепляюще, а глубоко, как металл в горне перед тем, как его вынут из огня. В этих глазах не было человеческого тепла. Не было привычных эмоций. Только древность. Власть. И что-то настолько чуждое, что у Евы по позвоночнику прошёл холод.

Он сел на трон, и это движение было таким плавным, таким текучим, что Ева на мгновение забыла, как дышать.

— Я — Серафим Суда, Самаэль, — сказал ангел. — Хранитель Завета, свидетель каждого слова, сказанного в этих стенах. Передо мной и перед собранием небесных чинов

предстала обвиняемая Ева, дочь неизвестных, работница и жительница Зоны Возделывания. Возраст: двадцать циклов. Он сделал паузу, и тишина стала ещё плотнее.

— Обвинение: покушение на убийство работника и жителя Зоны Возделывания Дориона, совершённое с применением заточенного оружия. Свидетели: Ликон и Филон, работники и жители той же Зоны. Смертный грех, записанный в первой главе Завета. *Грех*, который не знает прощения.

— Я не виновата, — сказала Ева. Её голос прозвучал хрипло, но твёрдо. — Это *ложь*. Дорион напал на меня первым. Он хотел меня ограбить и обесчестить. Ликон и Филон помогали ему. Я *только* защищалась.

Никто не шелохнулся. Ангелы на скамьях смотрели на неё. Ни в одном из этих взглядов не было сомнения. Не было вопроса. Только ожидание.

— Дорион подтверждает, что вы напали на него без причины, — продолжил Самаэль. Его голос был ровным, как поверхность стоячей воды. — Свидетели Ликон и Филон подтверждают его слова. У нас нет причин сомневаться в их показаниях.

— У вас есть причина! — Ева дёрнулась, цепь натянулась, но она не обратила внимания. — Ликон и Филон — его друзья. Они покрывают его!

— Их показания не были затребованы, — ответил Самаэль. — Обвинение выдвинуто пострадавшим и подтверждено двумя независимыми свидетелями. Защита не предоста-

вила альтернативных свидетелей.

— Мне не дали слова! — Голос Евы сорвался на крик. Она чувствовала, как слёзы подступают к глазам, но не от страха — от ярости. Этой несправедливой, бессильной ярости, которая не могла найти выхода. — Меня схватили на рассвете, приковали цепями и привели сюда. Где мой защитник? Где право говорить?

— Право говорить даётся тем, кто предоставляет доказательства. Вы не предоставили их.

— Потому что никто даже не позволил мне сделать это!

Ангел на троне молчал. Его золотые глаза смотрели на неё сквозь время и пространство, сквозь её гнев, её отчаяние, её правду.

— Порядок суда не может быть нарушен, — произнёс он наконец. — Ваши показания записаны. Они будут учтены. Но они не отменяют показаний двух свидетелей.

Ева замерла.

Они не слушают, — поняла она.

Она посмотрела на ангелов, сидящих на скамьях. На их пустые лица. На их сияющие глаза. На их идеальные, неподвижные позы. Они были похожи на статую — одну огромную, многоликую статую, высеченную из одного куска мрамора.

— Дорион пришёл ко мне с двумя сообщниками. Ударил меня, хотел отобрать эдемиты. Если бы я не ударила его, он бы — она запнулась, чувствуя, как горло сжимается. — Ему

бы ничего не было. Может быть, меня бы нашли мёртвой. И всем было бы плевать!

— Ваши слова записаны, — повторил Самаэль. — Суд переходит к вынесению приговора.

— Вы не можете! Это не суд! Это лишь пародия на него! Вы даже не выслушали меня! Вы уже решили всё заранее! Дорион — ваш? Он работает на вас? Вы покрываете его? Почему?

— Молчать, — произнёс Самаэль.

Голос его был тихим, но в этом слове было столько силы, что Ева замолчала, не успев договорить. Не от страха. От того, что это был явный приказ, который выполнил бы любой человек с печатью.

— Первая глава Завета, стих третий, — продолжал Самаэль голосом чтеца, читающего наизусть священный текст. — *«Не убий. Ибо кровь пролитая взывает ко мне от земли, и не будет прощения тому, кто поднял руку на брата своего»*. Первый грех, совершённый Каином, повторили вы, Ева, дочь неизвестных. Хотя рана Дориона не смертельна, намерение ваше было злым. За это — *смерть*.

— *Смерть*, — эхом отозвались голоса ангелов на скамьях. Сотня голосов, слитых в один. Хор, поющий единственную ноту.

— *Смерть*, — жёстко повторил ангел у трона.

— *Смерть*, — прошептали Силы.

Ева сидела неподвижно. Слово «смерть» врезалось в её

сознание, как раскалённое железо, выжигая всё остальное.

— Приговор будет приведён в исполнение в течение трёх дней, — сказал Самаэль. — Каким образом — решит Иерарх Задкииль, после того как ознакомится с материалами дела. Обвиняемая будет содержаться в камере предварительного заключения до часа казни.

Он поднялся с трона. Крылья расправились, заполняя собой пространство за его спиной, и от этого движения по залу прошёл ветер. Ангелы на скамьях склонили головы.

— Суд окончен, — произнёс Самаэль, и его голос прозвучал как колокол.

Она не знала, сколько времени прошло. В камере не было окон, не было часов, и даже собственное дыхание, казалось, застывало в неподвижном воздухе. Ева сидела на деревянной скамье, привалившись спиной к прохладной стене, и смотрела в одну точку — туда, где белый мрамор встречался с белым потолком, образуя идеально ровный, безжалостный угол.

Три дня, — вертелось в голове. — Через три дня меня казнят.

Мысли путались, скатывались в липкую, тёмную воронку отчаяния, но где-то на самом дне этой воронки теплился крошечный огонёк. Не надежда — скорее упрямство.

Почему так быстро? — спрашивала она себя в сотый раз. — Почему меня даже не выслушали?

Она перебирала в памяти сцену суда. Белый зал, ангелы на скамьях, Самаэль на троне с золотыми глазами. И тот странный ангел, с короткими белыми волосами и холодным, как льдина, взглядом. Никто не задал ей ни одного вопроса. Никто не спросил, что на самом деле случилось в тот вечер. Дорион сказал — и этого хватило. Ликон и Филон подтвердили — и приговор был вынесен.

Разве в Завете не написано, что каждый обвиняемый имеет право говорить? Разве не в этом суть правосудия?

Она горько усмехнулась. Какое там правосудие. Это был спектакль. Ритуал, который ангелы разыграли, исход был предreshён задолго до того, как она переступила порог зала.

Но почему?

Она почувствовала, как внутри, в том месте, где жила тишина, закипает что-то горячее, тяжёлое. *Обида*. Обида на несправедливость, которая была такой огромной, такой всепоглощающей, что терзала внутренности.

А что сейчас делают Ной, Яннис и Бри? — подумала она, и сердце сжалось от тоски.

Она представила их лица. Ной — с его вечно взлохмаченными русыми волосами и цепкими пальцами. Он, наверное, мечется по мастерской, роняет инструменты, проклинает ангелов сквозь зубы. Яростный, циничный, но сейчас — бессильный, потому что ничего не может сделать. Он не переступит порог Дома Праведного Суда, потому, что знает: если сунется, его схватят, и тогда помогать будет некому.

Яннис. С сединой в чёрных волосах и шрамами на предплечьях. Он, наверное, стоит у стены, скрестив руки на груди, и молчит. Но внутри у него всё кипит. Он видел такое раньше. Он знает, что справедливости *нет*. И, возможно, уже строит планы — как вытащить её, если выпадет шанс. Но шанса, скорее всего, не выпадет.

Бри. Бедная, испуганная Бри с её вечно растрёпанными светлыми кудрями и круглыми глазами, полными слёз. Она, наверное, сидит в их лачуге, обхватив колени руками, и плачет. Плачет так, что плечи ходят ходуном, а в груди рождается тонкий, жалобный звук — наполовину всхлип, наполовину вой. Ей, наверное, страшно. Страшно за Еву, страшно за себя, страшно от того, что мир, который и так был жесток, вдруг стал совсем невыносимым.

Она закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Чтобы найти внутри себя тот самый *Голос*.

Голос, — подумала она. — *Ты внутри меня. Я знаю. Я слышу тебя с детства. Ты — моя пустота, моя свобода, мой секрет. Сейчас ты нужен мне. Отзовись.*

Ничего. Только собственное дыхание, только стук сердца, только далёкий, едва уловимый шорох за стеной.

Пожалуйста, — мысленно взмолилась она. — *Я не прошу многого. Только дай мне знак. Дай мне понять, что я не одна.*

Тишина. Мёртвая тишина Дома Праведного Суда, в которой не было места ни для снов, ни для чудес.

Но Ева не сдавалась. Она закрыла глаза плотнее, вжалась затылком в стену, подтянула колени к груди и начала шептать. Какие-то слова древние, бессвязные, похожие на заклинания, которых она никогда не учила. Они рождались откуда-то из глубины и выходили наружу помимо её воли.

— Тьма вода цепи тот, кто во тьме услышь

Шёпот был едва слышен даже ей самой. Губы шевелились, язык касался нёба, а слова текли, как вода, — неосознанно. Будто кто-то внутри неё знал язык, которого она не знала, и произносил его через неё.

Ты слышишь меня? Ты там? Я здесь. Я зову. Я пришла, как приходила всегда. Только теперь я зову тебя . Я. Услышь меня. Пожалуйста.

Минуты тянулись, как часы. Ева чувствовала, как её голос слабеет, как надежда тает, как отчаяние поднимается из груди, сжимая горло ледяными пальцами.

Пожалуйста, — умоляла она. — Не оставляй меня одну. Я боюсь не смерти. Я боюсь, что умру, так и не узнав, кто ты. Так и не поняв, почему ты внутри меня.

Она уже почти сдалась, когда тьма за веками стала глубже. Это произошло не сразу. Сначала исчез звук — прекратился шорох за стеной, стихло собственное дыхание, даже сердце, казалось, замерло. Потом исчез свет — даже тот скудный, что пробивался сквозь закрытые веки, погас, и вокруг стало абсолютно, первозданно черно. Потом исчезло тело. Ева перестала чувствовать спиной стену, цепь, деревян-

ную скамью под собой.

Она падала. Долго, бесконечно, в *никуда*.

А потом пришёл холод. Ледяной, обжигающий, впивающийся в кожу тысячами игл. Он начался со ступней — и вот она уже стояла по щиколотку в воде, обнажённая, дрожащая от узнавания.

Тьма была густой, почти осязаемой. Она давила на плечи, на грудь, на горло, но Ева не сопротивлялась. Она стояла в ледяной воде и ждала.

— Я здесь, — сказала она вслух. Голос прозвучал глухо, придушенно, словно доносился из-под толщи льда. — Я пришла. Я звала тебя. Я звала тебя долго, очень долго. Ты слышишь меня?

Молчание. Только вода плескалась о невидимые берега. Только где-то далеко, в самой глубокой черноте, что-то звенело — цепи, тяжёлые, древние.

— Я всегда тебя слышу, — продолжала она, не зная, слышит ли её кто-нибудь. — Всегда. *Сегодня я тебя зову*. Не ты. Неужели ты не придёшь? Неужели ты оставишь меня одну?

Вода поднялась выше. Уже до колен. Холод стал невыносимым.

— Пожалуйста, — прошептала Ева. — Пожалуйста.

Вода поднялась до бёдер. И тогда, когда надежда почти умерла, когда Ева уже решила, что *Голос* не придёт, — во тьме что-то дрогнуло.

Цепи зазвенели громче. А потом раздался *Голос*. Низкий,

древний, он произносил слова на языке, которого Ева не знала, но который почему-то понимала.

Ты звала. На этот раз — на её языке, хоть и с трудом, будто каждое слово давалось ему с болью.

Ева выдохнула, не понимая, дышала ли она вообще до этого момента.

— Ты пришёл.

Ты никогда не звала раньше. *Голос* излучал удивление.

— До этого момента я, кажется, не умела, — ответила Ева.
— Но сегодня сегодня я не могла не попробовать. Меня приговорили к смерти. Через три дня меня казнят.

Цепи зазвенели громче.

За что?

— Меня обвинили в покушении на убийство. Один мужчина напал на меня. Я защищалась, ранила его. Суд длился недолго. Меня даже не спросили, что произошло на самом деле.

Вода поднялась до пояса.

Это неправильно. По их же законам, каждый обвиняемый имеет право на защиту. И на расследование. И на апелляцию.

— Да, я знаю, — Ева горько усмехнулась. — Но они не стали этим заниматься. И я не понимаю, почему.

Ты напала не на того.

Ева почувствовала, как по спине пробежал холод, не свя-

занный с ледяной водой.

— В каком смысле?

Слишком быстро. Ангелы не любят спешки. Они любят ритуалы, любят записывать каждую деталь, любят создавать видимость справедливости. А здесь здесь видимости не было.

Ева нахмурилась. Слова *Голоса* упали в её сознание, как камни в стоячую воду. После недолгого молчания она вздохнула. Долго. С дрожью. И твёрдо сказала:

— Я должна выжить. Ты можешь мне помочь?

Голос молчал долго. Так долго, что Ева почти решила, что он исчез.

Я заточён. Я не могу коснуться твоего мира. Но я могу говорить с тобой. И могу направлять.

— Направлять? — переспросила Ева. — Как?

Я расскажу тебе, что знаю об ангелах. Об их слабостях. Об их законах. Может быть, ты найдёшь способ отсрочить казнь. Или сбежать.

— Сбежать? Из Дома Праведного Суда? С цепью на шее? Из-под носа ангелов?

Да. Это возможно. Трудно. Но возможно. Если ты будешь делать то, что я скажу.

Ева замерла. Сердце колотилось где-то в горле.

— А кто ты? — спросила она. — Почему ты мне помогаешь? И почему ты заточён?

Цепи зазвенели снова. *Голос* вздохнул — она впервые

услышала, как он вздыхает, и этот вздох был полон скорби, древней, как сама тьма вокруг.

Меня зовут Аურიэль. Я заточён уже триста двадцать один цикл. Пока этого достаточно.

Ева почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. Триста двадцать один цикл. С самого Сошествия. В одиночестве, в темноте, в цепях.

Ева чувствовала, как сон уходит. Вода поднималась выше, темнота сгущалась, голос становился тише.

— *Аურიэль*, — крикнула она. — Как мне отсрочить казнь?

Попроси право на покаяние. Скажи, что ты хочешь говорить с самим Иерархом. Они не смогут отказать.

— А если откажут?

Тогда придётся бежать.

— Куда?

В Зону Отверженных.

— Там там кто-то есть? Кто поможет?

Есть. Тот, кто ждёт. Тот, кто ненавидит ангелов. Ты уже видела его.

Ева хотела спросить, кто это, но тьма сомкнулась, и ледяная вода захлестнула её с головой.

Она проснулась в своей камере, на деревянной скамье, с цепью и с единственной мыслью в голове: *Иерарх*.

Она провела рукой по лицу — щёки были мокрыми от слёз.

Глава 5: Sed antequam moriar

Зона Возделывания,

Ремесленный Квартал

Серое утро вползало в мастерскую сквозь щели в ставнях — скучное, безрадостное, такое же, как и все предыдущие. Ной стоял у верстака, перебирая стружки, но работа не двигалась. Его быстрые, цепкие пальцы сегодня были ватными, непослушными. Он смотрел на деревянную миску, которую начал вытачивать ещё вчера, и не видел в ней ничего, кроме бессмысленной груды щепок.

Яннис сидел на ящике в углу, положив руки на колени. Голова его была опущена, волосы падали на лоб, и он не убирал их. В мастерской пахло смолой, сухим маслом и ещё чем-то кисловатым — остатками вчерашнего ужина, который так и не доели. Обычно этот запах раздражал Ноя. Сегодня он не замечал ничего.

Бри пришла через час после рассвета. Она влетела в дверь, не постучав, и сразу привалилась спиной к косяку, тяжело дыша, будто бежала всю дорогу от своей лачуги. Её лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, а губы — бескровные, сжатые в тонкую нить. Она выглядела так, будто не спала всю ночь — что, впрочем, было правдой.

— Её не вернут.

Ной молчал.

— *Не вернут!*

Яннис поднялся с ящика, прошёлся по мастерской, трогая рукой заготовки мисок и горшков — бездумно, механически.

— Её осудили, иначе бы она вернулась, — Бри опустилась на стул, обхватила себя руками. Её голос дрожал, как струна, которую вот-вот перережут.

Тишина стала плотной. Даже пылинки в воздухе, казалось, замерли.

Яннис остановился у окна, выглянул на улицу — серую, пустую, с редкими прохожими, которые торопились по своим делам, не поднимая голов. Его лицо было спокойным, но в глазах — тех, что видели много, слишком много за сорок циклов — залегла тревога.

— Что-то здесь не чисто, — сказал он, не оборачиваясь. — Я чувствую.

— Что именно? — спросил Ной.

— Всё. Слишком быстро. Дорион пожаловался, и на следующее утро ангелы уже пришли за ней. Без предупреждения, без вызова на допрос. Просто схватили. Это не похоже на обычную процедуру.

— Ты хочешь сказать, что ангелы обычно следуют *процедуре*? — горько усмехнулся Ной.

— Они следуют порядку, — ответил Яннис. — Порядок — это их догма. Даже если они хотят наказать кого-то, они создают видимость следствия. Вызывают свидетелей, запи-

сывают показания, дают слово обвиняемому. А здесь — ничего. Схватили — и увели. Будто будто им нужно было избавиться от неё как можно быстрее, не привлекая внимания.

— Ты думаешь, это заказ? — голос Бри сорвался.

— Не знаю, — Яннис наконец повернулся к ним. — Но что-то здесь не так. Дорион — явно не просто работник. У него есть связи, о которых мы не знаем. Иначе почему ему так легко поверили?

Бри вдруг замерла. Её пальцы, теребившие край хитона, остановились. Глаза расширились.

— Дорион — начала она и запнулась.

— Что Дорион? — Ной подался вперёд.

— Он часто отлучается с плантации. В разгар работы. Уходит куда-то на час, на два, а потом возвращается, и никто его не трогает. Даже ангелы.

— Может, у него есть разрешение? — предположил Яннис.

— Какое разрешение? — Бри повысила голос. — Мы все равны. Все должны работать одинаково. Но Дориону позволяют уходить. Я видела. Несколько раз.

Ной переглянулся с Яннисом.

— Ты думаешь, он работает на ангелов? — спросил Ной.

— Не знаю, — Бри покачала головой. — Но это странно. Очень странно.

— Или, возможно, он состоит в Культе Первозданного Завета, — добавил Яннис. — Я слышал, что Иеродулы Чисто-

ты имеют привилегии. Им разрешают больше, чем обычным людям.

— Ты думаешь, Дорион — иеродул? — Бри побледнела ещё сильнее.

— Не знаю. Но это объяснило бы, почему ангелы так быстро поверили ему и так быстро увели Еву. Если он — свой.

— Но Иеродулы не имеют права работать Они же служат храму. И носят ну, точнее они же *ничего* не носят! Только вуаль и всё! — воскликнула Бри и начала нервно перебирать свои волосы.

В мастерской повисла тишина, тяжёлая, как свинцовая плита. Каждый думал о своём, но мысли у всех были одни: *А что, если Еву приговорят к смерти? А если превратят в камень? А если*

— Мы должны что-то сделать, — сказала Бри. — Не можем просто сидеть и ждать.

— А что мы можем? — Ной развёл руками. — У нас нет никакой власти. Мы не сможем войти в Дом Праведного Суда, не сможем поговорить с ангелами, да мы не можем даже

— *Можем*, — перебил Яннис. — Не всё сразу. Но можем хотя бы узнать, что происходит. Можем разузнать про Дориона.

— Ты думаешь, кто-то захочет говорить против Дориона? — спросил Ной, вопросительно подняв бровь. — Люди боятся.

— Тогда мы должны сделать так, чтобы они перестали бо-

яться, — ответил Яннис. И в его голосе прозвучала такая твёрдость, что Ной и Бри замолчали.

— Что ты предлагаешь? — спросила Бри.

— Я предлагаю подождать до вечера. Может быть, Еву ещё отпустят. Может быть, её оправдают. А если нет — он замолчал, собираясь с мыслями. — Если нет, я знаю кое-кого. Человека, который может помочь.

— Кого? — хором спросили Ной и Бри.

— Того, кто уже давно за Стеной. Того, кто знает, как выжить, когда ангелы хотят тебя убить

— Ты говоришь о *Сопротивлении*? — глаза Бри расширились.

— Я говорю о том, что у нас есть последний шанс. И мы должны использовать его, если Еву приговорят. Но сначала — ждём. И молимся. Хотя молитвы здесь никто не слышит.

Бри закрыла лицо руками. Ной отвернулся к стене.

А Яннис смотрел в окно на серое, безрадостное небо и думал о том, что справедливость — это роскошь, которую простые работники не могут себе позволить. И что иногда, чтобы спасти одного человека, нужно рискнуть всеми.

Он не знал, готов ли к этому.

Но знал, что у него нет выбора.

Время в камере потеряло всякий смысл. Белый мрамор давил своей пустотой. Стерильный, идеальный, без единой трещины, без намёка на тепло. Здесь даже её собственное

дыхание казалось чуждым, неуместным, как грязное пятно на девственной скатерти.

Цепь уже не жгла — она стала частью Евы, ещё одним суставом, ещё одной костью, напоминающей о том, что свобода закончилась там, за порогом этой камеры. Деревянная скамья впитала тепло её тела, но не отдавала его обратно, как и всё в этом месте.

Слова Ауриэля пульсировали в голове, давая слабую, призрачную надежду. И она решилась заговорить с ангелом Власти, когда тот приносил еду и воду:

— Я хочу воспользоваться правом на покаяние. В Завете написано: каждый осуждённый на смерть может предстать перед Иерархом и исповедаться в грехах. Я *требую* этой встречи.

Ангел не ответил. Даже не кивнул. Просто поставил глиняную посуду с едой и водой на пол, повернулся и вышел. Но Ева знала: он услышал. И доложит тем, кому нужно.

Она ждала. Час, два, три. Может быть, больше. Тишина была такой плотной, что звенела в ушах. Иногда она слышала шаги — ровные, размеренные, не похожие на человеческие. Шаги ангелов, патрулирующих коридоры. Иногда — далёкий, едва уловимый шелест страниц: там, в главном зале, стеллажи с книгами жили своей, непостижимой жизнью, фиксируя каждое слово, каждый вздох, каждую каплю крови.

Когда дверь открылась, Ева не удивилась. Она ждала это-

го.

Ангел, который во время суда стоял рядом с Серафимом Самаэлем, вошёл бесшумно. Он был один, без свиты, без крылатых стражей. Как и тогда, в белых, строгих одеждах, с короткими белыми волосами и холодными, как глубинная вода, голубыми глазами. Крылья были сложены за спиной — огромные, белые, с голубоватым отливом, похожие на извятие из льда.

Он остановился на пороге, окинул камеру долгим, ничего не выражающим взглядом — стены, скамью, цепь, саму Еву — и шагнул внутрь. Дверь за ним закрылась сама, беззвучно.

— Ты просила покаяния, — сказал он. Голос его был низким, ровным, без намёка на эмоцию — таким, каким говорят о погоде или о цене на масло. — Перед Иерархом. Зачем?

Ева подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза. Внутри всё дрожало — не от страха, от напряжения. Она знала, что от этого разговора зависит её жизнь.

— Это моё право, — ответила она. Голос прозвучал предательски хрипло. — По Завету, каждый осуждённый на смерть может исповедаться перед Иерархом.

— Иерарх — занят, — ангел не двинулся с места, стоял в двух шагах от неё, и от него веяло холодом — не физическим, а тем, внутренним, что исходит от существ, не знающих сомнений. — У него тысячи дел. Миллионы жизней. У тебя есть я. Говори.

— Ты — не Иерарх.

— Я — его голос. Его глаза. Его рука. — ангел склонил голову чуть набок, и этот жест был почти человеческим — *почти*. — То, что ты скажешь мне, дойдёт до него. Если сочтёт нужным, он примет твоё покаяние. Или нет.

Ева молчала, обдумывая слова. Она не собиралась каяться. У неё не было грехов, в которых она должна была просить прощения. Она просто хотела выиграть время.

— Я не убивала, — сказала она наконец. — Я лишь защищалась.

— Ты уже говорила это на суде, — он не изменился в лице. — Твои слова были записаны. Они не повлияли на приговор.

— Потому что мне не дали возможности представить свидетелей! — Ева повысила голос, и эхо заметалось по белым стенам, ударились о потолок, вернулось обратно. Она сделала глубокий вдох, заставляя себя успокоиться.

Ангел молчал. Его голубые глаза — такие холодные, такие далёкие — смотрели на неё с выражением, которое трудно было назвать интересом. Скорее, любопытством. Тем, с которым разглядывают необычное насекомое.

— Ты просишь покаяния, — повторил он. — Но в твоих словах *нет* покаяния. Ты не признаёшь вину. Ты не просишь прощения. Ты обвиняешь других.

— Потому что я не виновата.

— Суд решил иначе.

— Суд *ошибся*.

Тишина стала плотнее. Он сделал шаг вперёд — один шаг,

и Ева почувствовала, как воздух в камере сжался, стал почти осязаемым, тяжёлым. В лёгкие проник запах ладана и чего-то ещё, знакомого до боли.

Она посмотрела на его лицо. Короткие белые волосы, острые скулы, тонкие губы, прямой нос. И глаза — бездонные, холодные, но в их глубине, если взглядеться, можно было разглядеть что-то ещё. Что-то, похожее на усталость. Древнюю, нескончаемую усталость существа, которое слишком долго живёт в мире, где нет места сомнениям.

И вдруг — вспышка. Тот странный незнакомец. С белёсыми волосами и чёрными, бездонными глазами. Со шрамом на губе. Они были похожи в очертаниях скул, в изгибе бровей, в том, как они держали голову — чуть набок, с лёгким, почти незаметным вызовом.

Братья, — пронеслось в голове. — Они похожи как братья. Но это невозможно. У ангелов нет родства.

— Ты смотришь на меня странно, — сказал он. В его голосе впервые проскользнуло что-то похожее на усмешку — тонкую, едва уловимую, почти невидимую.

— Ты напоминаешь мне одного человека.

— Человека? — ангел чуть приподнял бровь. Этот жест был настолько человеческим, что Ева на секунду забыла, кто перед ней. — Люди все похожи. Как камни на дороге.

— Не все.

Он замолчал, разглядывая её. Молчание затягивалось. Ева чувствовала, как время течёт сквозь пальцы, как каждая

секунда приближает её к казни.

— Если ты не хочешь каяться, зачем ты требуешь Иерарха? — спросил он. — Просто чтобы пожаловаться на несправедливость?

— Я хочу, чтобы меня *услышали*.

— Тебя слышали.

— Нет. Мне дали сказать несколько слов, а потом вынесли приговор. Это формальность

Он медленно обошёл камеру, разглядывая стены, потолок. Его крылья при этом чуть шевелились, издавая тихий, почти неслышимый шелест.

— Ты права, — сказал он, остановившись напротив неё. — Это была формальность. Суд длился ровно столько, сколько нужно, чтобы записать показания и вынести приговор. Ни больше, ни меньше.

— Почему?

Он посмотрел на неё. Долго, пристально, так, что Ева почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Ты умнее, чем кажешься. Но этого недостаточно, чтобы выжить здесь.

— Я не заслуживаю смерти, — Ева повысила голос. — Потому что я защищала себя, а теперь меня хотят убить за это. Потому что ваше правосудие — ложь, и ты это знаешь.

Лицо ангела оставалось непроницаемым, но в глазах — в этих голубых, льдистых глазах — что-то дрогнуло. На секунду. На миг. Ева заметила. Не поняла, что это было, но

заметила.

— Я передам Иерарху твою просьбу о покаянии, — сказал он. — Но не жди чуда. У него есть дела поважнее, чем выслушивать жалобы смертной.

Он развернулся и направился к выходу. Крылья расправились чуть шире, заполняя собой пространство, и от этого движения ветер ударил Еве в лицо. Сжав кулаки, она ядовито бросила ему в спину:

— Ты знаешь, что такое справедливость?

— Справедливость — это порядок, — ответил он. — Порядок, установленный Иерархом.

— А если порядок ошибается?

— Порядок не ошибается, — сказал ангел и вышел.

Дверь закрылась. Тишина вернулась. Но теперь в ней поселилось что-то новое. Эхо разговора. Чувство, что этот ангел сказал не всё, что мог бы.

Ева откинулась спиной к стене и закрыла глаза.

Провела рукой по лбу. И внезапная мысль ударила в голову: *А что, если ангелы... знают? Что, если они чувствуют, что я не такая, как другие? И поэтому решили избавиться от меня тихо и быстро?*

Она знала, что это случится. Знала ещё тогда, когда возвращалась от Ноя и Янниса, когда сумерки сгущались, превращая развалины в лабиринт теней. Бри шла быстро, но без надежды — потому что тот, кто ждал её, был терпеливее лю-

бого хищника. Он мог ждать днями, неделями. Он *уже* ждал.

Ночь опустилась на Зону Возделывания, как чёрное покрывало — без единой звезды, без просвета. Луна, бледная и равнодушная, пряталась за тучами, и только изредка её молочный свет пробивался сквозь разрывы, выхватывая из тьмы то колонну, то грудку камней, то чью-то одинокую фигуру.

Бри свернула на тропу, которая вела к её дому, и тут же почувствовала его. Холодок, побежавший по спине. И тишину — неестественную, давящую, будто даже ветер боялся дышать.

Он стоял у колонны, наполовину скрытый тенью, и ждал. Он казался частью ночи, её сгустком, её сердцем.

— Ты не спешила, — сказал он. Голос был низким, тихим, но каждое слово падало на камни, как капля расплавленного свинца.

Бри замерла, не в силах сделать ни шага вперёд, ни назад. Сердце колотилось где-то в горле, ноги подкашивались. Она уже знала, что он опасен. Знало это каждой клеткой, каждым нервом, каждой застывшей в жилах каплей крови.

— Я была у друзей, — выдавила она. — Мы говорили о Еве. Её её забрали ангелы.

— Я знаю, — он сделал шаг вперёд, и тень отползла от его лица, открывая шрам на губе — белую нить, стягивающую кожу в звериную усмешку. — Ты расскажешь мне всё. Что ты видела. Что слышала. Что решило ваше *собрание*.

— Мы не сборище, — прошептала Бри, чувствуя, как страх сжимает горло. — Мы её друзья. И мы хотим помочь.

— Друзья? — он наклонил голову, и прядь белёсых волос упала на лицо, скрыв жуткие глаза. — Помощь требует действий. А вы, кажется, умеете только бояться.

— Мы не боимся! — воскликнула Бри, но голос дрогнул, и ложь рассыпалась в прах.

Незнакомец пугающе усмехнулся — криво, одними уголками губ.

— Боишься, — сказал он. — Меня. Ангелов. Смерти. Но твой страх не спасёт Еву.

— Тогда почему ты не спасёшь её сам? — выпалила Бри, и в её голосе прозвучала горечь, смешанная с отчаянием. — Зачем тебе я? Что я могу?

— Ты можешь говорить, — ответил он. — Ты можешь слушать. Ты можешь делать то, что тебе скажут. И ты *будешь* делать, потому что — он шагнул вперёд, и Бри почувствовала, как воздух вокруг сгустился, стал почти осязаемым, как стена. — Потому что если ты не сделаешь, я найду тебя. Где бы ты ни была. Кем бы ни притворялась. И тогда ты узнаешь, что смерть — это не самое страшное.

Он остановился в шаге от неё. Бри чувствовала его холод — не физический, а тот, внутренний, что исходил от существ, давно потерявших связь с теплом. Она смотрела снизу вверх в его чёрные глаза и видела там бездну. Бездну, которая смотрела в ответ.

— Рассказывай, — приказал он.

И Бри рассказала.

Она рассказала о том, как ангелы Власти увели Еву на рассвете. Рассказала о суде — о том, что знала из слухов. О Дорионе, о Ликоне, о Филоне. О том, что Дорион, возможно, является членом Культа Первозданного Завета.

Незнакомец слушал молча. Его лицо оставалось непроницаемым, как маска, только чёрные глаза сужались и расширялись, как у хищника, отслеживающего добычу.

— Дорион — иеродул, — повторил он, когда Бри замолчала. — Ты уверена?

— Он часто отлучается с плантации. Уходит в сторону Зоны Покоя. Ему разрешают.

— Разрешают, — незнакомец усмехнулся. — Потому что он — свой. Пёс, которого ангелы спустили с поводка. А Ева Ева стала помехой. Её нужно убрать, чтобы пёс продолжал охотиться.

— Но это несправедливо! — воскликнула Бри. — Она защищалась!

— Справедливость, — незнакомец произнёс это слово так, будто пробовал его на вкус, и оно ему не понравилось. — Справедливость — это слово, которое придумали слабые, чтобы утешать себя. В этом мире есть только порядок. И те, кто ему подчиняется. Ева не подчинилась. Поэтому она умрёт. Если никто не вмешается.

— Ты вмешаешься? — Бри посмотрела ему в глаза, и в

её взгляде была надежда — такая отчаянная, такая хрупкая, что её можно было раздавить одним словом.

— Может быть, — ответил он. — Но мне нужно знать всё. Где она? Кто её судил? Когда казнь?

Незнакомец отвернулся, сделал шаг в сторону, к темноте между колоннами. Бри показалось, что он уходит, и она выкрикнула:

— Подожди! Ты не сказал, что я должна делать!

Он остановился. Не обернулся — просто замер, и в этой неподвижности было что-то звериное, первобытное.

— Ты будешь ждать, — сказал он. — И молчать. Если кто-то спросит про меня — ты меня не видела. Если кто-то спросит про Еву — ты ничего не знаешь. Если ангелы придут к тебе — ты не знаешь *ничего*. Ты просто обычная работница Зоны. Ты *никто*.

— А если они используют печать? — прошептала Бри.

— Тогда ты умрёшь, — просто ответил он. — Быстро или медленно — зависит от их настроения. Но если ты умрёшь, ты не расскажешь им про меня. А это — главное.

— Ты чудовище, — выдохнула Бри.

Он повернул голову, и в свете луны, пробившейся сквозь тучи, она увидела его профиль — острый, хищный, с шрамом на губе. И чёрные глаза, которые смотрели на неё с выражением, которое трудно было назвать человеческим.

— Да, — сказал он. — Чудовище. Но чудовище, которое может спасти твою подругу. Поэтому ты будешь делать то,

что я скажу. Без вопросов. Без страха. Страх оставь себе — он тебе пригодится, когда придётся лгать ангелам.

Он шагнул в темноту и исчез. Не ушёл, не растворился — просто перестал быть. Только запах ладана остался висеть в воздухе, медленно рассеиваясь, как дым над потухшим костром.

Бри постояла ещё немного, прижавшись спиной к колонне. Сердце колотилось где-то в горле, ноги дрожали. Она поднесла руку к груди — там, под рёбрами, пульсировала тупая, ноющая боль. Та, которую оставляют после себя чудовища, когда смотрят в душу.

Кто он? — подумала она в сотый раз. *— Откуда он взялся? И почему ему так важна Ева?*

Ответа не было. Только темнота — и страх, поселившийся в груди навсегда.

Она пошла домой, всё время оглядываясь. Тени провожали её до самого дома. И когда она закрыла дверь и задвинула засов, ей показалось, что за окном, в темноте, кто-то стоит. Смотрит.

Ждёт.

Она не решилась выглянуть. Только легла на кровать, укрылась с головой и заплакала. Тихими, беззвучными слезами, которые никто не слышал. И никто не утешал.

А где-то в темноте, среди развалин, чёрные глаза смотрели на её дом, и холодные губы шептали имя, которое не следовало произносить вслух.

Ева.

Она не слышала шагов. Не слышала, как отворяется дверь. Проснулась от того, что воздух в камере стал другим — тяжелее, плотнее, пропитанным запахом холодного металла. Этот запах она уже знала. Ангелы Власти.

Ева открыла глаза. В камере было темно, но силуэты тех, кто вошёл, она разглядела сразу. Трое. Такие же, как тогда, на рассвете, когда её грубо утащили с собственной кровати.

Она не успела ни испугаться, ни возмутиться.

— Вставай, — жёстко произнёс ангел.

Ева поднялась. Ноги затекли, спина болела от сна на жёсткой скамье, но она заставила себя стоять прямо, не показывая слабости. Она не знала, который час. Но явно была ночь. Глубокая, беззвёздная — такая же, как все ночи в Небесном Доминионе.

— Куда? — спросила она, но ангелы не ответили. Ни один из них даже не повернул головы. Они просто окружили её — двое по бокам, один сзади — и повели к выходу.

Дверь камеры открылась беззвучно. Коридор был пуст — только отблески масляных ламп на стенах, только тени, пляшущие в такт невидимому ветру. Ева шагала босиком по холодному мрамору, чувствуя каждую трещину, каждую неровность. Вокруг было тихо — так тихо, что звон цепи казался единственным звуком во всём мире.

Они пришли ночью. Почему?

В голове пронеслось множество мыслей, одна страшнее другой. Может быть, её ведут на казнь. Может быть, приговор решили привести в исполнение раньше, чем через три дня. Может быть но она не знала. Ангелы молчали, и это молчание было тяжелее любых слов.

Они прошли мимо стеллажей с книгами — тысячи томов, спящих в темноте, хранящих имена осуждённых, оправданных, казнённых. Мимо зала суда, где вчера (*или это было уже давно?*) выносили приговор. Мимо высоких окон, за которыми чернела глубокая непроглядная ночь.

Ева попыталась запомнить дорогу. Поворот налево, потом направо, потом длинный прямой коридор с колоннами. Но всё здесь было одинаковым. Она чувствовала, что её ведут куда-то вглубь здания, туда, где она ещё не была.

Туда, откуда не возвращаются? — мелькнула паническая мысль. Но она отогнала её. Нет. Она будет бороться до конца. Она обещала Ауриэлю. Она обещала *себе*.

Коридор закончился массивной дверью из тёмного дерева, окованной бронзой. Один из ангелов — тот, что шёл справа — приложил руку к косяку, и дверь медленно, почти торжественно отворилась. За ней было темно. Так темно, что даже глаза ангелов перестали светиться.

— Иди, — сказал голос сзади.

Ева шагнула в темноту.

Дверь закрылась за ней с глухим, неумолимым стуком. Цепь волочилась по полу, но звук был приглушённым, будто

пол был устлан чем-то мягким. Ева не видела ничего. Только тьму — густую, вязкую, живую. Она вытянула руку вперёд, чтобы не наткнуться на стену, но стены не было. Только пустота.

Сердце колотилось где-то в горле, но она заставила себя дышать ровно. Она не должна бояться. Бояться — это то, чего они хотят. Ангелы. Иерарх. Все они. Она не доставит им этого удовольствия.

Она сделала ещё шаг. Потом другой. Тьма не расступалась — она обволакивала, давила, шептала что-то на языке, которого Ева не знала, но который почему-то понимала.

И вдруг впереди, далеко-далеко, зажёгся свет. Слабый, золотистый, похожий на луч заходящего солнца, пробившийся сквозь тучу. Он *звал*.

Ева пошла на свет. Шаги отдавались в пустоте глухим, одиноким эхом.

Она не знала, куда идёт. Не знала, что её ждёт. Знала только одно: у неё нет выбора. И что, возможно, этот путь — *последний*.

Глава 6: Una nocte

*Зона Покоя,
Дом Праведного Суда*

Свет впереди становился всё ярче по мере того, как Ева шла вперёд. Сначала он был лишь тонкой полосой среди вязкой тьмы, но с каждым шагом разрастался, расплавлял мрак, вытягивал из него формы и очертания.

Ева не поняла, в какой момент коридор закончился.

Тьма просто расступилась.

И она оказалась на пороге огромного зала.

Нет. *Пространства.*

Бесконечного, невозможного пространства, существующего вне привычных законов мира.

Здесь не было ни колонн, ни стен, ни потолка. Никаких сводов, мозаик или тронов из золота, какими изображали небесные палаты в старых книгах. Только пустота, наполненная мягким золотистым светом, источник которого терялся где-то высоко, за пределами зрения. Свет не падал сверху — он будто существовал сам по себе, струился сквозь воздух, просачивался в кожу, в мысли, в кровь.

Пол под её ногами был гладким, как зеркало. Настолько гладким, что Ева невольно опустила взгляд — и замерла. Под прозрачной поверхностью отражалось не помещение.

Там было небо.

Чёрное. Беззвёздное. Бесконечное.

Оно уходило вниз так глубоко, что начинало кружиться в голове. Казалось, стоит сделать неверный шаг — и она провалится в эту пустоту, будет падать сквозь мрак вечность, пока не забудет собственное имя. Босые ступни ощущали холод. Но не человеческий холод камня или льда.

Это был другой холод — древний, космический. Холод мёртвых звёзд. Холод пространства между мирами. Он поднимался по ногам медленно, почти ласково, проникая под кожу, в кости, в самую душу.

Ева сглотнула и заставила себя идти дальше. Каждый её шаг отзывался тихим эхом, хотя вокруг не было стен.

А потом она увидела его.

Посреди бесконечного пространства, на возвышении из того же зеркального камня, сидел *Иерарх Задкиль*.

Ева слышала это имя всю жизнь. О нём говорили шёпотом в рабочих бараках. Его поминали в проклятиях. Ему молились Иеродулы Чистоты, падая ниц на белых плитах храмов. Его имя звучало в приговорах, в молитвах, в смертных казнях. Но никакие рассказы не могли подготовить к тому, что она увидела.

Он был прекрасен.

Не человеческой красотой. Не той, что вызывает желание прикоснуться или любить.

Нет.

Его красота была абсолютной. Холодной.

Такой красотой обладают статуи древних богов — совершенные и потому пугающие. Лицо Задкииля казалось высеченным из белого мрамора: правильные черты, идеальная линия скул, гладкая кожа без единой морщины или изъёма. Но чем дольше Ева смотрела, тем сильнее чувствовала неправильность этой идеальности. Словно перед ней было не живое существо, а безупречно созданная маска, которой зачем-то позволили дышать.

Его длинные белые волосы лежали толстой косой на плече и доходили до самого пояса, переливаясь серебром и золотом в сиянии зала. Глаза — ослепительное золото расплавленного металла. Отсутствие зрачков делало их пугающими, и, встретившись с ними взглядом, Ева почувствовала странное, почти физическое ощущение падения. Будто за этими глазами не было ничего живого. Только бездна. Огромная, древняя, равнодушная. И всё же это было не самым ужасным.

За его спиной покоились крылья.

Шесть.

Огромные, сложенные вдоль тела, они занимали половину пространства за троном. Сила, исходящая от Задкииля, была почти невыносимой. Она давила на сознание. На самую душу. Инстинкт, древний и животный, требовал одного: упасть на колени. Опустить голову. *Молить* о пощаде.

Ева стояла прямо.

Только цепь казалась теперь единственной настоящей вещью в этом божественном кошмаре.

Долгое мгновение Задкииль молчал, разглядывая её так, будто видел насквозь — кожу, кости, мысли.

Потом заговорил:

— Ты просила покаяния.

Его голос был низким и глубоким, как гул далёкого колокола. Каждое слово звучало слишком тяжело для воздуха. Они падали на зеркальный пол и расходились золотыми кругами, словно сама реальность отзывалась на его речь.

— Я дал тебе аудиенцию. Говори.

Ева открыла рот, но не смогла произнести ни звука. Тишина этого места была чудовищной. Любое слово здесь казалось кощунством.

Она заставила себя вдохнуть. Воздух обжёг лёгкие холодом.

— Я не виновата, — наконец произнесла она.

Голос прозвучал хрипло, сорвано, но твёрдо.

— И я

Задкииль не моргал. Вообще. Его золотые глаза были неподвижны, как солнце на старой иконе.

— В твоих словах нет покаяния, — перебил он.

Ева почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Потому что я не виновата!

Тишина задрожала от её голоса. Эхо прокатилось по бесконечному залу, ударились о невидимые границы и верну-

лось обратно, искажённое, чужое. Ева ожидала вспышки гнева.

Но Задкииль оставался неподвижен.

— Суд был несправедлив.

На этот раз Иерарх улыбнулся едва заметно.

— Несправедливость, — медленно повторил он, будто пробовал слово на вкус. — Люди так любят это слово.

Он поднялся. И Ева невольно отступила на полшага. Поэтому что только теперь поняла, насколько он *огромен*.

Задкииль возвышался над ней почти вдвое. Его фигура казалась слишком высокой, слишком совершенной для человеческого тела. Когда он расправил крылья, пространство вокруг будто потемнело. Белые перья поднялись вверх, заслоняя золотой свет.

— Ты знаешь, что такое справедливость, *Ева*? — спросил он.

Он медленно спускался с возвышения, и каждый его шаг звучал как удар сердца.

— Справедливость — это порядок. А порядок держится на пользе. Каждый получает ровно столько, сколько стоит для Доминиона.

Ева стиснула зубы.

— Дорион хотел меня *изнасиловать*.

— Возможно.

Это «возможно» прозвучало страшнее любого отрицания.

— Он полезен. Ты — нет.

Слова ударили сильнее пощёчины. Это было практически *признание*.

— Значит, если человек полезен, ему позволено всё?

— Если его ценность превышает ущерб — да.

Ева смотрела на него и вдруг с ужасающей ясностью поняла: он не лжёт. Не оправдывается. Не пытается казаться добрым. Для него это действительно было естественным порядком вещей.

Люди — ресурсы. Инструменты. Расходный материал. Хорошие, плохие — неважно. Главное — полезные.

И впервые за всё время ей стало по-настоящему страшно. Не из-за смерти. Из-за того, насколько чудовищным было это спокойствие.

— Тогда это не справедливость, — тихо сказала она. — Это просто власть.

Задкииль остановился прямо перед ней. От него пахло металлом и грозой.

— Власть и есть справедливость, — ответил он. — Иначе мир погрузится в хаос.

Ева подняла голову.

— Тогда я *не буду* каяться.

Золотые глаза чуть сузились.

— Даже сейчас?

— Я не совершала греха.

Ветер поднялся внезапно.

Крылья Задкииля дрогнули, и по залу прокатилась ледя-

ная волна воздуха. Свет потускнел. Чёрное отражение под прозрачным полом будто стало глубже.

— Ты смела, — произнёс Иерарх.

Он наклонился к ней так близко, что Ева увидела тонкие тёмно-золотые прожилки в его радужках.

— Но смелость — это всего лишь отсутствие страха. А страх необходим. Страх удерживает людей в повиновении. Страх создаёт порядок.

— А если человек не боится?

На мгновение в золотых глазах мелькнуло что-то древнее. Почти голодное.

— Тогда его уничтожают.

Тишина после этих слов стала оглушительной.

— Ты умрёшь через два дня, — сказал Задкииль. — На площади. Перед всеми. Твоя смерть станет напоминанием.

Он выпрямился.

Крылья за его спиной медленно сложились.

— Но я всё ещё могу отменить приговор. Моё слово — закон. Проси пощады.

Ева долго смотрела на него.

Потом медленно покачала головой.

— *Нет.*

— Почему?

Она устало улыбнулась. Впервые за всё время.

— Потому что вы позвали меня сюда не ради покаяния, — продолжила она. — Вы хотели лишь потешить своё эго. Хо-

тели убедиться, что люди действительно ничтожны по сравнению с вами. По сравнению с силой *Небес*.

Задкииль молчал.

— И знаете что? — тихо сказала Ева. — Самое страшное даже не то, что вы жестоки. А то, что вы считаете себя правыми.

В золотых глазах вспыхнул слабый свет. Иерарх улыбнулся. На этот раз по-настоящему.

Улыбка была прекрасной. И от этого — ещё более жуткой. Он снова подошёл почти вплотную. Ева смотрела в золотые глаза, не отводя взгляда, хотя внутренний голос кричал: *опусти глаза, склони голову, упави на колени*. Но она не могла.

И вдруг Задкииль сделал то, чего она не ожидала.

Он не прикоснулся к ней. Не произнёс ни слова. Просто смотрел, и в его взгляде появилось нечто новое. Давление. Ментальное. Оно нахлынуло внезапно, как волна ледяной воды, и Ева поняла: он пытается проникнуть в неё. Он пытается найти ту самую печать, которая есть у каждого человека, и через неё сломать её волю, подчинить, заставить упасть ниц.

Ева почувствовала, как это давление скользит по её сознанию, как щупальца невидимого спрута, ощупывающие каждую трещинку, каждый изгиб мысли. Это было похоже на то, как если бы кто-то огромный шарил внутри её головы, ища слабое место.

Давление росло. Золотые глаза Задкииля сузились, и в

их глубине мелькнуло что-то — недоумение? Непонимание? Ева чувствовала, как его сила скользит по пустоте, не находя опоры, как слепой, ощупывающий стену, которой нет. Он искал боль, которую должна была причинить печать, но боль не приходила.

И тогда Ева сделала выбор.

Она вздрогнула от боли, которую *изобразила*. Её плечи напряглись, спина согнулась, и она издала короткий, сдавленный стон, будто от внезапного удара. Её лицо исказила гримаса страдания, и она опустила голову, пряча глаза, чтобы он не увидел в них правды.

Притворяйся, — приказала она себе. — Притворяйся, что больно. Притворяйся. Иначе он поймёт.

Задкииль чуть наклонил голову, наблюдая за ней. Его золотые глаза блеснули — в них появилось удовлетворение, смешанное с лёгким, едва уловимым разочарованием. Он снова надавил — сильнее, настойчивее, и Ева снова вздрогнула, на этот раз закусив губу, чтобы не закричать по-настоящему от напряжения, которое требовалось, чтобы удержать маску.

Он не чувствует, — поняла она. — Он не знает, что печати нет. Он просто думает, что я сопротивляюсь сильнее, чем другие.

И вдруг внутри неё, в той самой тишине, что жила за грудиной, что-то дрогнуло. Чувство. Тёплое, сладкое, почти пьянящее.

Он не имеет надо мной власти, — подумала она. — Сам Иерарх, Повелитель Небесного Доминиона, тот, кто превращает людей в камень и казнит без суда, — он не может сделать мне больно. Потому что у меня нет того, на что он давит.

Она почувствовала, как уголки её губ чуть дрогнули в почти неконтролируемом порыве ликования. Ей хотелось *рассмеяться*. Прямо здесь, в этом ледяном зале, глядя в золотые глаза, в которых застыло самодовольство победителя.

Но она сдержалась. Только опустила голову ниже, изображая смирение, и позволила плечам обмякнуть, будто её сломали.

Он отступил на шаг, и давление исчезло. Ева вздохнула от необходимости сохранять видимость. Внутри всё пело. Ликовало. Танцевало.

Он не знает. Он не знает. Он не знает.

Никогда в жизни она не чувствовала такого наслаждения. От невидимой победы. От того, что сильнейшее существо в Доминионе только что пыталось сломать её и не смогло. Не заметило. Не поняло.

Задкииль отвернулся от неё, и его крылья колыхнулись, закрывая её от света.

Ева смотрела в его спину, на белые перья, переливающиеся голубоватым свечением, и улыбалась.

— Уведите её.

Из тьмы выступили ангелы Власти. Высокие фигуры в до-

спехах безлико приблизились к ней, схватили за локти. Ева не сопротивлялась.

Её повели обратно через бесконечные коридоры — мимо белых стен, серебряных писем, бесконечных архивов и залов суда. Но слова Задкииля продолжали звучать в голове.

Когда дверь камеры захлопнулась, звук металла эхом ударил по тишине. Ева медленно опустилась на пол. Темнота здесь уже не казалась такой страшной.

Внутри неё шевельнулось что-то странное. Не страх. Не отчаяние. Нечто другое. Тихое. Горячее. Живое.

Тьма вокруг камеры казалась густой, почти живой. И где-то глубоко внутри этой тьмы Ева улыбнулась. Не от радости.

От предвкушения.

Ты ошибаешься, Иерарх, — подумала она, закрывая глаза.
— Я изменю всё. Или умру, попытаюсь.

Ночь была глухой, как дно колодца. Бесконечная, серая пелена облаков, нависшая над Зоной Возделывания, как крышка гроба. Ной и Яннис шли молча, каждый думал о своём, и только шорох их шагов по каменистой тропе нарушал тишину. Где-то со стороны Стены, донёсся хлопок крыльев — ангелы Силы сменили патруль у Главных Врат. Ной вздрогнул, но не остановился.

Южная часть Зоны Возделывания была самой старой в этой части Доминиона. Главные Врата охранялись, но совсем недалеко от них лачуги бедняков жались к стене, как паразиты к телу хозяина. Здесь пахло гнилью, дымом и ещё

чем-то кислым — перебродившим питьём, которое старьёвщики гнали из корнеплодов в обход ангельских законов. Воздух был сырым, тяжёлым, и каждый вдох давался с трудом.

Старьёвщик сидел на пороге своего жилища — низко, сложенного из битого камня и дранки, с провалившейся крышей, прикрытой рваной тканью. Он был невысоким, сторбленным, с редкими седыми волосами, торчащими из-под грязной повязки. Лицо его избороздили морщины — глубокие, как трещины в высохшей земле. Глаза — мутные, с жёлтыми белками — смотрели на мир с той усталой, всезнающей насмешкой, которая появляется у людей, переживших слишком много, чтобы ещё чему-то удивляться.

Он курил. Скрученная в трубочку тряпица тлела на конце, издавая густой, горьковатый дым, пахнувший чабрецом и ещё чем-то незнакомым, чужим. Дым стелился по земле, поднимался к стене, таял в темноте.

Яннис остановился в трёх шагах, глядя на старика сверху вниз. Ной остался чуть позади, настороженно оглядываясь по сторонам — нет ли ангелов, нет ли чужих глаз в щелях соседних лачуг.

— Эй, — сказал Яннис негромко, но твёрдо. — Не спишь?

Старьёвщик поднял голову. Его мутные глаза медленно сфокусировались на говорившем, и в них мелькнуло что-то — узнавание? Удивление? Ной не мог разобрать.

— Яннис, — прохрипел старик. Голос его был низким, надорванным, как у человека, который слишком много кри-

чал в прошлом. — Старый пёс. Я думал, ты забыл дорогу.

— Не забыл.

— Жаль. Забыл бы — жил бы дольше.

Старьёвщик усмехнулся, обнажив жёлтые, редкие зубы. Потом перевёл взгляд на Ноя, окинул его быстрым, оценивающим взглядом — от ботинок до взлохмаченных волос.

— А это кто? Сын? Подмастерье? Или новый напарник по несчастью?

— Ной, — коротко ответил Яннис. — Мой человек.

— Твой человек, — повторил старьёвщик, выпустив клуб дыма. — У тебя никогда не было людей, Яннис. Ты всегда был один. Койот-одиночка. Что изменилось?

— Время, — ответил Яннис. — Нужна помощь.

Старьёвщик потушил тряпицу, придавив её пальцами. Дым прекратился, и в наступившей тишине стало слышно, как где-то за стеной скребётся мышь.

— Всегда нужна, — сказал он, почесав седую щетину. — Говори. Но помни: за слова я не отвечаю. А за дела — тем более.

Яннис сел рядом с ним на порог — грубо, по-солдатски, не спрашивая разрешения. Ной остался стоять, прислонившись плечом к стене дома, и продолжил оглядываться.

— Ты помнишь Кира? — спросил Яннис, глядя прямо перед собой — туда, где в темноте угадывалась Стена.

Старьёвщик замер. Его морщинистое лицо стало неподвижным, как маска. Даже редкие волосы на голове, каза-

лось, перестали шевелиться от ветра.

— *Кир*, — повторил он. — Тот, кто ждал тебя у Стены десять циклов назад?

— Он самый.

— Ты тогда не дошёл.

— Я знаю.

— Он думал, ты мёртв. Оплакивал. Говорил, что зря не пошёл с тобой, зря не рискнул. А теперь ты приползаешь — живой, почти целый — и просишь о помощи. Не стыдно?

— Стыдно, — ответил Яннис. — Но девушка умирает. Ради неё я готов и стыд проглотить, и гордость.

— Девушка? — старьёвщик оживился, повернулся к Яннису. — Какая девушка? Дочь? Возлюбленная?

— Подруга. Работница с плантаций. Её зовут Ева. Она защищалась от нападения одних уродов, ранила одного из них, а на следующий день ангелы осудили её на смерть. После-завтра казнь.

— Обычно у них дела идут дольше. Значит, кто-то поторопился.

— Дорион — тот, кого она ранила, — возможно, Иеродул Чистоты. Член Культа. Ангелы покрывают его.

Старьёвщик присвистнул — тихо, почти беззвучно, но этого было достаточно, чтобы Ной напрягся.

— Иеродул, значит. Пёс ангелов. — он покачал головой. — Плохи твои дела, Яннис. Если ангелы уже решили, что она виновата, они не отступятся. Даже если ты притащишь

сотню свидетелей.

— Поэтому мне нужен Кир. И его люди.

— А что Кир? Он уже не тот мальчишка, что ждал тебя у Стены. У него теперь Сопротивление. Люди, планы, риск. Зачем ему влезать в смертельную авантюру ради какой-то девчонки?

— Потому что он должен мне, — сказал Яннис.

Старьёвщик долго молчал. Смотрел на свои руки — грязные, с чёрными ногтями, искривлённые артритом. Потом поднял голову и посмотрел на Янниса долгим, пристальным взглядом.

— Ты знаешь, что такое долг, Яннис? — спросил он.

— Знаю.

— Нет, — старьёвщик покачал головой. — Ты не знаешь. Ты привык решать всё силой. А долг — это не сила. Это слабость, которую ты носишь в себе годами. Я тоже должен. И знаешь кому? Этой стене, — он кивнул в сторону Стены. — Я должен был перелезть через неё двадцать циклов назад. Должен был бежать, когда была возможность. Но я трусил. Остался. И теперь каждый раз, когда смотрю на эту стену, я вижу своё предательство.

— Ты поможешь нам? — спросил Яннис, возвращая разговор в нужное русло.

Старьёвщик вздохнул, потёр лицо ладонями

— Передать весть могу, — сказал он наконец. — Но не обещаю, что Кир ответит. Ему тоже есть что терять.

— Передай, — попросил Яннис. — Скажи, что старый долг пора отдавать.

— Какой долг? — усмехнулся старьёвщик. — Я слышал эту фразу от Кира много раз. «Я *должен Яннису. Я должен*». Но когда он мне говорил, он не уточнял, за что.

— Он знает, — ответил Яннис. — И ты знаешь. Не при-
творяйся.

Старьёвщик помолчал, потом кивнул — медленно, тяжело, как человек, который соглашается на сделку с совестью. Поднялся, ушёл в лачугу, и вернулся через минуту с маленьким, глиняным кувшином. Протянул Яннису.

— Вино, — сказал он. — Дрянное, но тёплое. Выпей за успех.

— Я не пью перед делом, — ответил Яннис

— А зря, — старьёвщик пожал плечами и отхлебнул сам.
— Ну, ваше дело. Я передам весть на рассвете. Ждите днём
огней на холме за Стеной. Если не будет — значит, Кир не
может. Или не хочет.

— Спасибо, — сказал Яннис.

— Не благодари, — старьёвщик отвернулся и снова сел на
порог, глядя в темноту. — Благодарность — это тоже долг.
А я и так по уши в долгах.

Яннис и Ной ушли так же тихо, как пришли. Возвраща-
лись молча, каждый думал о своём. В голове Ноя крутились
обрывки разговора — про долг, про стену, про Кира. Он хо-
тел спросить Янниса, что именно тот сделал для Кира десять

циклов назад, но не решился. Не время. И не место.

Только когда мастерская осталась позади, и они стояли у порога, Ной спросил:

— А если не получится? Если огней не будет?

Яннис остановился, посмотрел на него усталыми, но твёрдыми глазами.

— Тогда будем думать дальше.

— А если и дальше не получится?

— Тогда пойдём с голыми руками. Как ты и сказал. И будем надеяться, что ангелы в этот раз промахнутся.

Ной усмехнулся — криво, с вызовом.

— Надежда — это для слабаков.

— Верить — это единственное, что у нас осталось, — ответил Яннис и тяжело вздохнул.

Поле простиралось до горизонта — бесконечное, ровное, безжалостное. Сотни тысяч стеблей тянулись из потрескавшейся земли. Серая, тягучая пелена неба давила на плечи, и даже ветер, казалось, боялся шуметь слишком громко.

Бри работала на своей борозде, согнувшись в три погибели, пальцы механически перебирали стебли. Корзина за плечами тяжелела с каждым часом, спина ныла привычной, тупой болью. Но сегодня она не чувствовала ничего, кроме напряжения. Каждый нерв, каждая клетка были натянуты, как струна перед тем, как лопнуть.

Дорион работал в трёх бороздах левее. Она видела его

краем глаза — массивную, грузную фигуру, которая двигалась медленно, но уверенно. Его толстые пальцы срывали листья безжалостно, с хрустом, будто он мстил растениям за что-то. От него по-прежнему разило старым вином, хотя с утра никто не пьёт. Или пьют. Бри не знала.

Она опустила голову ниже, делая вид, что сосредоточена на работе. Но взгляд то и дело скользил влево, к его рукам.

Браслет, — вертелось в голове. — Если он иеродул, то он точно носит молитвенный браслет! Где-то под рукавом. Или на запястье! Надо увидеть.

Сердце колотилось где-то в горле, и Бри боялась, что этот стук услышат ангелы, парящие над полем. Она выпрямилась на секунду, сделала вид, что разминает спину, и бросила быстрый взгляд влево. Дорион стоял к ней вполоборота. Его рука — толстая, с короткими пальцами — сжимала стебель. Рукав хитона сполз чуть выше запястья, открывая смуглую, грубую кожу. Без браслета.

Может, он снимает его перед работой? — подумала Бри. — Или прячет под тканью?

Она снова согнулась, делая вид, что работает. Страх пульсировал в груди, смешиваясь с отвращением. Этот человек хотел изнасиловать Еву. Этот человек нажаловался ангелам, и Еву приговорили к смерти. А он работает здесь, спокойно перебирает стебли, будто ничего не случилось. Будто она не умрёт через два дня.

Чудовище, — подумала Бри. — Ты — чудовище.

Она снова взглянула на него — украдкой, боясь, что кто-то заметит. Дорион повернулся, и теперь она видела его мясистое лицо: тяжёлая челюсть, маленькие, глубоко посаженные глаза. Он выглядел довольным. Удовлетворённым. Как человек, который выиграл большую игру.

Он знает, что она умрёт, — поняла Бри. — *И радуется.*

От этой мысли внутри всё перевернулось. Желудок сжался, к горлу подступила тошнота. Она заставила себя дышать глубже, ровнее, чтобы не выдать себя.

Надо увидеть браслет. Или хоть что-то, что докажет, что он из Кюльта.

Дорион потянулся к высокому стеблю, и его рука поднялась выше. Рукав хитона сполз ещё сильнее, почти до локтя. Кожа была грязной, в царапинах — и вдруг Бри заметила бледную, тонкую полоску. След. Там, где что-то давило на кожу долгое время. Где-то чуть выше запястья, там, где обычно носят молитвенные браслеты.

Она хотела рассмотреть лучше, но Дорион резко повернулся и посмотрел прямо на неё.

Бри замерла. Сердце перестало биться — или забилось так часто, что она перестала различать удары. Её руки застыли над стеблем, глаза расширились. Она смотрела в его маленькие, свинячьи глазки и чувствовала, как по спине ползёт ледяной пот.

Дорион усмехнулся. Криво, одними уголками губ, обнажив жёлтые, гнилые зубы. Он не сказал ни слова. Не сделал

ни шага. Просто смотрел, и в его взгляде было что-то, от чего кровь стыла в жилах. Он знал, что она смотрит. Он знал, что она что-то ищет. И ему, кажется, было всё равно.

Она опустила голову, сделала вид, что вытирает пот со лба. Пальцы дрожали, в горле пересохло. Она чувствовала на себе его взгляд — тяжёлый, маслянистый, как и он сам. И не могла понять, смотрит он на неё до сих пор или уже отвернулся.

Закончить работу, — сказала она себе. — Дожить до вечера. И рассказать Нюю и Яннису.

Она больше не смотрела влево. Работала механически, считая минуты до рожка, который ознаменует конец смены. Спина болела, пальцы гудели, но она не останавливалась. Только иногда, краем глаза, она видела, как Дорион передвигается по своей борозде — медленно, тяжело, уверенно. Как хищник, который знает, что он — в безопасности.

Когда рожок наконец протрубил — длинно, протяжно, с надрывом, — Бри выпрямилась, чувствуя, как всё тело ноет от усталости. Она не стала ждать, пока Дорион уйдёт. Быстро сдала корзину, получила свою скудную плату и направилась прочь с поля — в сторону ремесленных кварталов.

Она шла, не оглядываясь, но чувствовала спиной чужой взгляд. Тяжёлый, омерзительный. Дорион смотрел ей вслед — она знала это.

— Иди, иди, — прошептала она себе. — Не оборачивайся. *Иди.*

Бри шла быстро, почти бежала. Ноги сами несли её по знакомой тропе — между развалинами, мимо колонн, поросших мхом, мимо груды битого камня, где когда-то был древний храм. Воздух был тяжёлым, влажным, пахло сыростью и гниющими листьями. Сумерки сгущались, превращаясь в ночь, и тени становились всё гуще, всё чернее.

В голове пульсировала одна мысль: *Надо предупредить Ноя и Янниса. Надо сказать, что Дорион — иеродул. Надо* Она не закончила.

Боль пришла неожиданно — резкая, обжигающая, как удар раскалённой иглы. Она вонзилась в левое плечо, пробила ткань хитона, впилась в мышцу, и Бри вскрикнула — коротко, надрывно, как подстреленная птица. Ноги подкосились, мир качнулся, поплыл. Она упала на колени, вцепившись здоровой рукой в землю, и только тогда поняла, что случилось.

Стрела.

Небольшая, с чёрным оперением, торчала из её плеча, чуть ниже ключицы. Кровь — тёмная, почти чёрная в сумерках — потекла по руке, закапала на землю. Но странное дело: боли почти не было. Только жжение, а потом — холод. Такой холод, что зубы застучали, а тело обмякло, будто из него вынули все кости.

Яд, — мелькнула паническая мысль. — Или отравы. Усыпляют.

Она попыталась встать, но ноги не слушались. Голова кру-

жилась, перед глазами плыли цветные пятна — красные, зелёные, жёлтые. Тропа расплывалась, превращаясь в мутное, неясное пятно. Где-то вдалеке, на краю сознания, слышались шаги — тяжёлые, размеренные, приближающиеся.

Страх скрутил внутренности в тугую, болезненный узел. Бри попыталась ползти, отталкиваясь одной рукой, но тело не слушалось. Оно становилось чужим, тяжёлым, неподъёмным. Пальцы царапали землю, ногти ломались о камни, но она почти не чувствовала боли — только этот ледяной холод, поднимающийся от плеча к шее, к затылку, к глазам.

Не закрывай глаза, — приказала она себе. — *Не закрывай. Не*

Шаги приблизились. Бри слышала, как хрустят ветки под тяжёлыми ботинками, как шуршит ткань — плотная, дорогая, не такая, как у работников. Её тело подкосилось окончательно, она упала на бок, прижавшись щекой к холодной земле. Глаза слипались, мир расплывался в мутное, бесформенное пятно.

И в этом пятне, перед самым провалом, она увидела чьи-то ноги. Ботинки. Тяжёлые, кожаные, с металлическими вставками. Не такие, как носят работники. Не такие, как носят даже мастера. Штаны из грубой, тёмной ткани, заправленные в ботинки. Край длинного плаща — тёмного, почти чёрного, с вышитой на подоле змеей.

Она хотела закричать, позвать на помощь, но язык не слушался. Губы шевелились, но не издавали ни звука. Только

тихий, едва слышный стон вырвался из горла — и затих.

Яд разлился по венам, как ледяная вода, замораживая тело изнутри. Глаза закрывались, сознание угасало.

Ной Яннис Ева — пронеслось в голове. — *Простите*

А потом ничего.

Только тьма — глубокая, бесконечная, без единой мысли, без единого звука.

Глава 7: Supplicium

Зона Покоя,

Дом Праведного Суда

Она упала в сон, как в бездну — стремительно, беззвучно, и в первый миг ей показалось, что она просто проваливается в пустоту. Тело перестало существовать, исчезли стены камеры, тяжёлая цепь на руках, деревянная скамья. Осталось только падение — бесконечное, как само время.

А потом пришёл холод.

Знакомый до боли, до стука зубов, до стука в висках. Он родился где-то в глубине, поднялся по ногам, коснулся ступней, и Ева почувствовала, как ледяная вода смыкается вокруг лодыжек. Она стояла по щиколотку в чёрной, непроглядной влаге, и на этот раз не было страха — только усталость, тяжелая, как свинец, и почти болезненное напряжение, скрутившее внутренности в тугой узел.

Тьма вокруг пульсировала, жила своей, неведомой жизнью. Она дышала медленно, глубоко, как огромный зверь, спящий на дне мира. Где-то вдали, за гранью слышимого, звенели цепи. Тот же самый звук — тяжелый, мерный, как стук гигантского сердца или дыхание спящего титана. Каждый удар металла отдавался в воде кругами, расходящимися к невидимым берегам.

Ева знала: он здесь.

— Аурienzль, — позвала она.

Голос прозвучал глухо, придушенно, будто доносился из-под толщи льда. Он утонул в темноте, растаял, как дым. Но цепи зазвенели громче, словно кто-то дёрнулся в своих оковах, приближаясь.

Из темноты, из самой густой черноты, донёсся голос. Низкий, древний, как сама эта тьма, он обволакивал, проникал под кожу, заставлял кровь стечь в жилах, и в то же время дарил странное, почти запретное успокоение.

Я чувствую твою тревогу. Ты видела его.

Ева кивнула, хотя не знала, видит ли он её. Вода поднялась выше, обхватила бёдра, и холод стал почти привычным. Просто частью этого места.

— Видела. *Задкииль*, — имя вырвалось из горла с прикусом горечи. — Мы встретились ночью. Думал, я буду каяться. Просить пощады.

Ты не просила.

— Нет. Я сказала ему правду.

Ева на миг замерла, собираясь с мыслями, и продолжила:

— Он не понял, — в её голосе вдруг прозвучало нечто похожее на гордость — хрупкая, почти детская радость от маленькой победы. — Что у меня нет печати.

Аурienzль молчал долго. Так долго, что вода поднялась до пояса, и ледяные пальцы сжали рёбра, а сердце забилось чаще. Ева уже почти решила, что он исчез, что сон обманул её, что она говорит с пустотой. Но цепи звенели — значит, он

был здесь. Думал. Взвешивал слова.

Потому что он слеп, Ева. Голос его стал тише, но в этой тишине было больше силы, чем в любом крике. **Он видит только то, что хочет видеть. Он не ищет в тебе ничего большего, потому что не верит, что опасность может скрываться в грязи полей. И в этом твоё преимущество.**

— Моё преимущество? — горькая усмешка искривила губы Евы. — Меня скоро *казнят*. Какое же это преимущество?

Ты жива до сих пор.

Ева подняла голову выше, вглядываясь в темноту, туда, где цепи звенели громче, где угадывалась чья-то огромная, скованная тень.

— Ты говорил о ком-то из Зоны Отверженных, — сказала она, чувствуя, как время сна утекает сквозь пальцы, как песок в часах. — Кто он?

Ауриэль немного помолчал.

Его зовут Каин.

Ева замерла, чувствуя, как холод проникает в самое сердце. Имя было знакомым. Конечно, знакомым. Из древних легенд, которые шептали люди. Из проклятий. Из Завета, который читали вслух на площадях. Каин. Первый убийца. Тот, кто поднял руку на собственного брата. Тот, чьё имя стало символом греха.

— Каин? — переспросила она, нахмурившись. Голос дрогнул — не от страха, от непонимания. — Его зовут как

того самого? Из Завета?

Он не тот, о ком ты думаешь. Голос Ауриэля стал твёрже, в нём прорезались нотки, которых Ева не слышала раньше. **Завет лжёт. Как и всё, что создали ангелы.**

— Не понимаю, — Ева покачала головой. Вода поднялась до груди, и холод сжал сердце ледяными пальцами. Каждое слово давалось с трудом, будто их вырывали из глубины, с корнем.

Каин был человеком. Начал Ауриэль, и его голос стал тише, задумчивее, будто он перелистывал страницы древней книги, которую никто не читал веками. **Первым, кто убил. Не из злобы, как пишут в Завете, не из зависти, а из отчаяния. Он убил Авеля камнем. А потом пришёл... Задкииль. Он воскресил Авеля, сделал его своим оружием — Серафимом, правой рукой.**

Ева слушала, затаив дыхание.

— А Каин? — спросила она. — В Завете сказано, что Иерарх казнил его за содеянный грех.

Так и есть.

Ева чувствовала, как сон уходит, как темнота сгущается, как голос становится глуше, будто он удаляется, уходит в глубину, куда ей не добраться.

Ты обязана выжить, Ева. Он тебе поможет ты должна уб...

Тьма сомкнулась. Холод исчез. Ева открыла глаза с немим криком. Сон ушёл, оставив после себя только тяжесть в груди

и имя, которое не хотело отпускать. *Каин*. Оно пульсировало в голове, как вторая кровь, как чужой ритм, наложенный на её собственный.

Она провела рукой по лицу — щёки были мокрыми. Снова слёзы?

Зона Возделывания

Площадь была единственным местом в Зоне Возделывания, которое ангелы не просто сохранили, а возвели заново — по своим правилам, по своим канонам. Иерарх Задкииль лично выбирал каждый камень, каждую колонну. Здесь, на этих плитах, кровь смешивалась со священными текстами, и никто не мог сказать, что страшнее — капли, падающие с меча, или слова, слетающие с губ палача.

Каин стоял в тени крайней колонны, сливаясь с серым камнем, как бесплотная тень. Чёрные глаза, в которых никогда не было искры, смотрели на площадь из-под полуопущенных век. Он не двигался. Он вообще редко двигался без нужды — движения выдавали присутствие, а он научился быть незаметным задолго до того, как эти крылатые твари спустились с небес.

Длинный тёмный плащ укрывал его фигуру до самых пят. Под плащом не было оружия — только тело, иссечённое старыми шрамами, и сила, которую Ауриэль вложил в него триста двадцать один цикл назад.

Площадь расстилалась перед ним, как раскрытая пасть. Высокие колонны обрамляли её с трёх сторон. В центре возвышался помост Искупления. Он был невысоким, сложенным из грубых каменных блоков.

Каин смотрел на помост, и его чёрные глаза не выражали ничего. Ни жалости, ни гнева, ни надежды. Только холодное, абсолютное спокойствие человека, который видел слишком много смертей, чтобы удивляться или бояться.

На помосте стояли двое. Ангелы. Один — Власти. Второй — Начала, в длинной белой мантии, расшитой золотыми письменами, с лицом, похожим на восковую маску. Они о чём-то говорили, Каин видел движение губ, но не слышал слов. Да и не хотел слышать. Их разговоры всегда были одними и теми же: порядок, приговор, исполнение.

Каин медленно перевёл взгляд на колоннаду, где в тени другой колонны замерла белая фигура.

Иеродул Чистоты.

Её звали Фекла, она была его глазами в Культе Первозданного Завета уже много циклов — запуганная, оттого и преданная. Он не доверял ей. Никому не доверял. Но она была полезна.

Каин шагнул из тени, пересек небольшой коридор и остановился рядом с ней. Через полупрозрачную белую вуаль можно было разглядеть её тело — обнажённое, как у первых людей в раю, до *грехопадения*. На запястьях звенели молитвенные браслеты с крестами. Из-под ткани виднелись только

подбородок и дрожащие пухлые губы.

— *Господин*, — прошептала она.

— Что говорят? — спросил Каин. Голос его был низким, тихим, без единой эмоции.

— Иерарх объявил, — ответила Фекла, ещё сильнее понижая голос. — Завтра на рассвете. Публичная казнь той, кто совершила первородный грех. Её имя уже шепчут в храмах. *Ева*.

Каин молчал. Его лицо оставалось непроницаемым, как маска. Только чёрные глаза чуть сузились — и тут же вернулись к прежнему спокойствию.

— Способ? — спросил он.

— Не знаю, — ответила иеродул. — Никто не знает. На помосте ничего не готовят. Ни цепей, ни огня, ни меча. Говорят — она запнулась, будто не решаясь произнести следующее слово. — Говорят, что Иерарх хочет казнить её сам.

Каин перевёл взгляд на помост. Пустой. Холодный. Чистый.

Хочет казнить её через печать, — подумал он. — *Через печать, которой у неё нет. Или превратить в камень.*

Он представил, как Задкииль поднимает руку, как белый свет обволакивает тело Евы, как кожа становится серой, твёрдой, как последний вздох застывает в груди. Ещё одна статуя в Сад Сломленных. Статуя с толстой длинной косой и вызывающим взглядом.

— Она умрёт медленно, — сказал он вслух. Не вопрос, а

констатация.

— Да, — подтвердила Фекла. — Если Иерарх сам вершит казнь, она может длиться часами. Или днями. Он же любит *наблюдать*.

Каин усмехнулся — криво, одними уголками губ. Шрам на губе дрогнул, сделав усмешку почти звериной.

— Знаю.

Он повернулся к ней. Она стояла, не поднимая глаз, перебирая браслеты на запястьях. Её пальцы дрожали.

— Ты будешь на площади завтра? — спросил он.

— Да, господин. Иерарх приказал всем иеродулам присутствовать.

— Хорошо, — Каин отвернулся. — Ты ничего не видела. Ты ничего не слышала. Ты меня не знаешь.

— Как всегда, господин, — прошептала она.

Каин шагнул в тень колонны, собираясь уйти. Но Иеродул внезапно подняла голову, и в её глазах мелькнула почти мольба.

— Господин вы придёте завтра?

Каин замер. Не обернулся — только чуть наклонил голову, давая понять, что слышит.

— Это не твоё дело, — сказал он.

— Но если вы если что-то случится — голос её дрожал, — что мне делать?

— *Выживать*, — ответил Каин. — Как всегда.

Он шагнул в темноту между колоннами и исчез. Бесшум-

но, как тень. Только запах ладана и пепла остался висеть в воздухе, медленно рассеиваясь, как дым над потухшим алтарём.

Фекла постояла ещё немного, глядя на пустой помост. Потом развернулась и ушла, растворившись в серых сумерках.

Площадь опустела. Только ветер гулял между колонн, гоня пыль и сухие листья. Только где-то высоко, в небе, кружили ангелы, не замечая тени, которая уже покинула это место.

А завтра на рассвете здесь прольётся кровь. Или камень поглотит ещё одну душу.

Каин шёл по тёмным и грязным улицам Зоны Возделывания, и в голове у него пульсировала одна мысль: *Я должен успеть.*

Он не знал как. У него не было оружия, не было союзников, не было плана. Только старая, выжженная ненависть и долг перед тем, кто дал ему второй шанс.

Этого должно было хватить. Или нет.

Рассвет пришёл серый, как и все рассветы в Небесном Доминионе. Ни золота, ни пурпура — только бесконечная, тягучая пелена облаков, которая давила на землю, пригибая к ней даже самых гордых. Воздух был сырым, тяжёлым, пахло камнем и железом.

Ева стояла на помосте Искупления.

Цепи охватывали её запястья — тяжёлые, грубые, выко-

ванные из тёмного металла, который, казалось, впитывал свет. Они давили, напоминая о том, что она больше не человек. Она — приговорённая. Вещь, которую сегодня уничтожат.

Она не спала всю ночь, потому что не видела смысла. Сон, если приходил, приносил только ледяную воду, Аურიэля и его древний, усталый голос. Но сегодня даже он молчал. Или она перестала его слышать.

Помост был сложен из грубых каменных блоков, тёмных, впитавших кровь многих казней. Она стояла прямо, не сгибаясь, хотя спина болела от напряжения, а плечи ныли, вывернутые тяжестью металла.

Ветер шевелил её чёрные волосы, выбившиеся из косы, и белый хитон, который висел на её худощавой фигуре. Кожа была бледной, почти прозрачной — такой же, как почти у всех, кто вырос под этим жалким небом. Под глазами залегли тёмные круги, губы потрескались, но в глазах — глубоких, серых, окружённых синевой — горел слабый, упрямый огонь.

Площадь была полна.

Ева смотрела на толпу, не отводя взгляда. Работники с плантаций, мастера из ремесленных кварталов, жители Зоны Возделывания — практически все пришли смотреть. Кроме жителей Зоны Покоя: им никогда не позволяли присутствовать на казнях. Лица были разными — испуганные, любопытные, равнодушные. Кто-то шептался, кто-то молчал, кто-

то сжимал кулаки, кто-то улыбался. Дети смотрели широко раскрытыми глазами, не понимая, что происходит, но чувствуя, что это — *важно*.

Ближе к помосту, в первом ряду, стояли иеродулы Культа Первозданного Завета. Белые полупрозрачные вуали скрывали их тела — нагие, открытые, как символ чистоты и покорности. На запястьях звенели молитвенные браслеты с крестами. Их лица были скрыты, но Ева чувствовала на себе их взгляды — холодные, фанатичные, лишённые жалости.

Рядом с помостом возле лестницы замерли ангелы Власти. Они не двигались. Они вообще редко двигались без приказа. Их задача была простой: не дать осуждённой сбежать, не дать толпе вмешаться, не дать ничему нарушить *порядок*.

Чуть дальше Евы стоял ангел Начала. Его белая мантия, расшитая золотыми письменами, струилась на ветру, и от этого он казался статуей, ожившей на мгновение. В руках он держал свиток — Завет Первородного Сына, книгу законов, по которым жил Доминион. Сегодня он должен был читать. Читать о грехе, о наказании, о том, что смерть — это справедливость. Его лицо было бледным, тонким, с глазами цвета старого серебра. Он не смотрел на Еву. Он смотрел в свиток, будто искал там ответы на вопросы, которые никто не задавал.

Все ждали. Ждали *Иерарха*.

Ева стояла на помосте, и время тянулось медленно, как патока. Она не знала, сколько прошло — минут, часов. Мо-

жет быть, вечность. В голове пульсировала одна мысль, холодная и острая, как заточённый осколок серпа, который она вонзила в Дориона.

Она краем глаза взглянула на ангелов Власти, на их безликие шлемы, на их механические движения.

Может ли человек убить ангела?

Вопрос возник неожиданно, но, возникнув, вцепился в сознание, как клещ. Она никогда не задумывалась об этом раньше. Ангелы казались неуязвимыми — их сила, их крылья, их горящие глаза.

Возможно ли убийство на самом деле? У неё не было силы. Не было оружия. Не было даже печати. Только тело: уставшее, истощённое; и сердце, полное ненависти.

Ненависть.

Да.

Это она чувствовала сейчас, стоя на помосте, глядя на толпу, на иеродулов, на ангелов. Она ненавидела ангелов за их ложь, за их жестокость, за то, что они называли справедливостью. Ненавидела Дориона за его подлость, за то, что он стоит сейчас, наверное, среди зрителей, и ухмыляется. Ненавидела Задкииля за его золотые глаза, за его равнодушие, за то, что он смотрел на неё, как на пустое место.

Я не пустое место, — подумала она. — *Я — Ева. У меня есть имя. У меня есть право!*

Но даже эта мысль не давала уверенности. Она стояла в цепях, на помосте, и ждала смерти. И никто — ни Ауриэль,

ни какой-то человек по имени Каин, ни её друзья — не мог прийти. Потому что если бы могли, они пришли бы раньше.

Бри, — вспомнила она. — *Ной. Яннис. Где вы? Смотрите на меня из толпы? Плачете? Или вы не пришли?*

Она не знала. И это незнание было тяжелее цепей.

Взгляд Евы снова медленно заскользил по толпе. Она искала друзей, но не находила.

А потом она увидела его.

Среди иеродулов, в первом ряду, стояла фигура, которая показалась ей знакомой. Узнала его по тому, как он держал голову — чуть назад, с выражением превосходства, которое не могла скрыть даже белая ткань.

Дорион.

Ева узнала его. По тяжести, с которой он стоял; по тому, как его руки — толстые, короткопалые — сжимались в кулаки, когда он смотрел на неё.

Всё-таки он действительно состоял в Культе, действительно был верным псом ангелов.

Он смотрел на неё. Ева чувствовала этот взгляд — маслянистый, самодовольный, полный предвкушения. Он пришёл насладиться. Пришёл увидеть, как та, кто посмела дать отпор, *умрёт*. Пришёл убедиться, что правосудие — *его правосудие* — восторжествовало.

Кровь ударила в голову.

Ева почувствовала, как внутри, в том месте, где всегда была тишина, что-то оборвалось. Терпение. Всё, что она сдер-

живала последние дни — страх, отчаяние, бессилие, — превратилось в одно-единственное чувство. Такое чистое, такое острое, что у неё перехватило дыхание.

Ненависть, но другая. Горячая, как расплавленный металл, обжигающая вены, застилающая глаза красной пеленой. Ненависть, которая хотела мести. Ненависть, которая кричала: *Убей его. Убей прямо сейчас. Голыми руками, зубами, цепями, но убей.*

Цепи зазвенели — она дёрнулась, сама не заметив. Ангел Власти, стоявший внизу, повернул голову, но ничего не сказал.

Ева смотрела на Дориона, который стоял среди иеродулов, одетый в символ чистоты и покорности, и улыбался. Знала, что он улыбается. Чувствовала это каждой клеткой своего измученного тела.

Ей захотелось плюнуть в него. Крикнуть что-то такое, от чего его самодовольная маска треснет, от чего иеродулы расступятся, а ангелы задумаются. Но голос не слушался.

Ты можешь убить его, — прошептал кто-то внутри. Возможно, это была её собственная, выжженная ненавистью душа. — *Ты можешь убить его. Если выживешь.*

Она выпрямилась, насколько позволяли цепи, и посмотрела Дориону прямо в глаза. Сквозь ткань вуали. Сквозь расстояние. Сквозь страх, который отступил, уступив место чему-то более древнему, чем страх.

— Я запомнила тебя, — прошептала она одними губами.

— Если я умру, ты будешь видеть моё лицо каждую ночь. А если останусь жива — я найду тебя. Где бы ты ни спрятался. В какой бы белый балахон ни нарядился.

Дорион не слышал слов. Но, может быть, почувствовал взгляд. Его фигура напряглась, он сделал шаг назад, почти незаметно, будто хотел спрятаться за спины других. Ева усмехнулась — криво, одними уголками губ.

Боишься, — подумала она. — Даже сейчас, когда я в цепях, ты боишься.

Внезапно тишина на площади стала абсолютной. Даже ветер, который только что гонял пыль между колонн, замер. Толпа застыла — сотни лиц, обращённых вверх, туда, где за серой пеленой облаков вдруг появился просвет. Белый, ослепительный, как свет огня, который зажгли в кромешной тьме.

Ева подняла голову. Цепи звякнули, впились сильнее в руки, но она не обратила внимания. Она смотрела туда, откуда этот свет исходил, и чувствовала, как внутри что-то замирает.

Он шёл.

Не летел — шёл. По воздуху, как по невидимой лестнице, ступень за ступенью, и каждый его шаг отдавался в камнях площади глухим, тяжёлым гулом. Белые одежды струились за ним, как дым, и в них, в этих складках, угадывались очертания крыльев — ещё сложенных, но уже готовых расправиться.

Сначала они увидели свет. Потом — тень. Огромную, чёрную, падающую на землю и накрывающую собой половину площади. А потом — его.

Иерарх Задкииль.

Он спустился на помост Искупления, встав напротив Евы, и в этот момент его крылья — шесть, сложенных попарно — расправились, заполнив собой всё пространство.

Ева стояла прямо, глядя в золотые глаза, и цепь на её руках казалась теперь единственной земной вещью в этом божественном ужасе.

Иерарх был прекрасен. Белые длинные волосы, как свежесвыпавший снег, сейчас были распущены и струились по плечам, переливаясь в золотистом свете серебряными искрами. Если взглянуть в золотые глаза, можно было увидеть бездну. Бездну, которая смотрела на Еву *сейчас*, не мигая, не дыша.

— Ева, дочь неизвестных, — произнёс он. Голос его был низким, тягучим, как расплавленный металл. — Ты приговорена к смерти за грех, который не имеет прощения. Сегодня ты предстанешь перед Заветом. Сегодня ты ответишь за кровь, которую хотела пролить.

Он говорил не только для неё — для *всех*. Его голос разносился над площадью, отражался от колонн, от стен, от невидимого купола небес, и каждое слово врезалось в сознание, как гвоздь в сухое дерево.

— Но прежде чем ты умрёшь, — продолжил Задкииль,

— ты увидишь, что такое справедливость. Ты увидишь, как Завет карает тех, кто осмеливается поднять руку на ближнего своего.

Он поднял руку. И в этот момент его крылья дрогнули, расправились ещё шире, и ветер, пахнувший ладаном и смертью, ударил в лицо Еве, заставив её зажмуриться.

Толпа ахнула. Кто-то упал на колени, кто-то закричал, кто-то заплакал. Иеродулы замерли, прижав руки к груди, их белые вуали колыхались, как призраки. Ангелы Власти склонили головы.

Ева открыла глаза. Не опустила голову. Не попросила пощады.

Она *смотрела*.

— Делайте, что *должны*, — сказала она, и голос её прозвучал твёрдо, несмотря на цепи, несмотря на страх, несмотря на смерть, которая стояла напротив.

Золотые глаза Иерарха сузились. В них мелькнуло *что-то*. Любопытство. И, может быть, уважение. Но только на мгновение.

— Смелость не спасёт тебя.

Он опустил руку. Крылья сложились. Иерарх отошёл в сторону, освобождая пространство для того, кто должен был читать приговор.

Ангел Начала вышел вперёд, развернул свиток.

— Слушайте Завет! — провозгласил он, и голос его, высокий, пронзительный, разнёсся над площадью.

Ева стояла, глядя перед собой. Она не слушала. Она смотрела туда, где среди иеродулов, в первом ряду, замерла фигура Дориона. И непроизвольно улыбнулась. Холодно, жестоко, как улыбаются те, кому нечего терять.

— и сказал Иерарх: тот, кто поднимет руку на брата своего, да будет проклят. Ибо кровь пролитая вызывает к небу, и нет прощения тому, кто нарушил порядок, установленный от начала времён. Первородный грех Каина живёт в каждом, кто осмелится

Ева не слушала. Слова врезались в её сознание, но не задерживались, скользили по поверхности, как камешки по воде, не находя отклика. Она стояла, глядя перед собой, и чувствовала только одно — тяжесть. Тяжесть смерти, которая уже опустилась на её плечи, сжала грудь, перехватила дыхание.

Внутри было пусто. Та самая тишина, которую она носила в себе с рождения, вдруг стала больше — заполнила всё тело, вытеснив страх, гнев, надежду.

Слёзы потекли по её щекам от обиды. От той огромной, несправедливой обиды, которая копилась годами: на ангелов, на Дориона, на Задкииля, на этот мир, который называл свободой — рабство, а справедливостью — смерть. Слёзы были горячими, солёными, они текли по её бледному лицу, капали на цепи, на каменный помост, исчезали в трещинах, где уже много циклов спала чужая кровь.

Но она не опустила голову. Не закрыла глаза. Не зарыдала в голос. Она стояла прямо, как научили её годы работы на полях — спина прямая, плечи расправлены, взгляд устремлён вперёд.

— и да будет наказание, — продолжал ангел Начала, и его голос стал выше, пронзительнее, — по воле Иерарха! Ибо только он — судья и палач, только его рука вершит правосудие!

Свиток свернулся сам собой, с шипением, как потревоженная змея. Ангел Начала отступил на шаг, склонился и замер, ожидая.

Задкииль вновь остановился напротив Евы, в двух шагах. Его золотые глаза смотрели на неё сверху вниз, и в них не было ни гнева, ни жалости — только абсолютное, ледяное спокойствие. Он поднял руку, на ладони загорелся свет — белый, ослепительный, нестерпимый, и цепи, сломавшись, с громким звуком упали. Её руки с жгучими красными отметинами повисли вдоль тела, как у тряпичной куклы.

— Ты умрёшь не быстро, — сказал Задкииль. Голос его был тихим, почти *ласковым*. — Будешь чувствовать, как камень поднимается от ног к сердцу. Как кровь останавливается. Как мысли застывают одна за другой. Ты будешь слышать всё, что происходит вокруг, но не сможешь пошевелиться. Ты будешь видеть, но не сможешь закрыть глаза. И ты будешь стоять в Саду Сломленных вечно, пока ветер не сотрёт твоё лицо.

Ева смотрела в золотые глаза. Слезы всё ещё текли, но она не отвела взгляда.

Свет на ладони стал ярче, ослепительнее, и Ева почувствовала, как холод поднимается от ступней, сковывая лодыжки, поднимаясь к коленям. Камень. Он превращал её в камень. Медленно, с наслаждением.

И в этот момент, когда камень уже сжал её колени, когда холод добрался до бёдер, а свет на ладони Задкииля стал невыносимым, — раздался крик.

— *Ева!*

Голос был мужским, низким, полным ярости. Он разнёсся над площадью, ударил в колонны, отразился от стен и вернулся эхом, многократно усиленный. Толпа ахнула, шарахнулась в стороны. Кто-то закричал, кто-то упал, кто-то побежал.

Из толпы, из самой гущи, где только что стояли люди, вылетело копье. Небольшое, меткое, с золотым наконечником, который сверкнул на солнце, как падающая звезда. Копье летело прямо в Задкииля — в грудь, в то место, где у людей бьётся сердце.

Время замедлилось. Ева видела каждую деталь: как воздух закручивается вокруг древка, как золотой наконечник рассекает серую пелену, как лицо Задкииля меняется — спокойствие уходит, уступая место чему-то, похожему на удивление. Иерарх не боялся. Он просто *не ожидал*.

Но и он был не один.

Справа, из-за колонны, с невероятной скоростью вылетела белая фигура. Крылья — огромные, с голубоватым отливом — расправились, закрывая собой Иерарха. Рука, бледная, сильная, взметнулась вверх, и пальцы сомкнулись на древке копья за мгновение до того, как оно должно было вонзиться в грудь Задкииля.

Серафим, правая рука Иерарха тот, кого Ева видела в зале суда — с короткими белыми волосами, холодными голубыми глазами, с лицом, которое казалось таким знакомым, но *чужим*. Авель. Он стоял между ней и Задкиилем, сжимая в руке копье, и его лицо было спокойным — только в глазах, в этих льдистых глубинах, загорелся огонь. Огонь, который не сулил ничего хорошего тому, кто посмел поднять руку на Иерарха.

Задкииль опустил руку. Свет на его ладони погас, и холод, сковывающий ноги Евы, отступил. Она почувствовала, как камень отпускает — медленно, неохотно, будто не желая расставаться с добычей. И она стояла. Живая. *Пока*.

Золотые глаза Иерарха обратились туда, откуда прилетело копье. В толпу, которая расступилась, оставляя пустое пространство — там, где только что стоял кто-то, кто осмелился бросить вызов.

— Ева! — крикнул уже совсем другой голос, и *этот* она узнала.

Яннис.

Он выбежал из толпы, расталкивая и отталкивая замеш-

кавшихся зрителей. Его чёрные с проседью волосы развевались, лицо было искажено яростью и страхом. За ним бежал Ной — взлохмаченный, бледный. Они оба кричали её имя. Они оба бежали к ней, к помосту, к *смерти*.

А следом, из задних рядов, высыпали люди в тёмной одежде. Их лица были скрыты капюшонами, в руках — мечи, кинжалы, копья. Они молча набросились на ангелов Власти, охранявших помост.

Ева видела это краем глаза — как фигуры ангелов замерли на мгновение, не понимая, что происходит, как тёмные тени сшибли их с ног, как зазвенел металл, как закричали люди. Но главное было перед ней.

Задкииль медленно повернул голову, глядя на копье. Его золотые глаза сузились, и в них впервые мелькнуло нечто, похожее на гнев

— Авель, — сказал он тихо. — Кто посмел?

— Не знаю, — ответил Серафим. Его голос был ровным, но Ева заметила, как напряглись его крылья. — Я остановлю их.

— *Останови*, — приказал Иерарх. — А я пока закончу.

Он снова поднял руку. Белый свет вспыхнул ярче. Но Ева уже не смотрела на него. Она смотрела на Янниса и Ноя, которые прорывались сквозь толпу, смотрела на тени, сражающиеся с ангелами, смотрела на копье в руке Авеля — золотое, чужое, *неожиданное*.

Авель уже развернул крылья, готовясь взлететь. Он дол-

жен помочь ангелам Власти, которых теснили люди в тёмных одеждах. Он должен восстановить порядок, пока Иерарх вершит казнь.

Копьё с золотым наконечником всё ещё было в его руке. Он не выпустил его, когда отбил.

Ева не думала. Не размышляла, не взвешивала последствия. В ней не осталось ничего, кроме чистого, первобытного инстинкта: *выжить*. Или умереть, но забрать с собой как можно больше врагов.

Она рванулась вперёд — туда, где стоял Авель, туда, где в его руке мерцало золото. Цепи больше не сковывали её. Тело было лёгким, почти невесомым, несмотря на усталость и боль. Она схватила копьё за древко — холодный металл обжёг ладони — и рванула на себя.

Авель не ожидал. Он был слишком сосредоточен на том, что происходило внизу, слишком уверен, что осуждённая — беспомощная жертва, которая не посмеет. Его пальцы разжались — на долю секунды, на меньшее, — и копьё оказалось в руках Евы.

— Дерзко, — произнёс Задкииль. В его голосе не было гнева. Только ледяное, презрительное удивление. — Но *глупо*.

Он не смотрел на Авеля, когда отдавал приказ:

— Убей их. Всех. Кто посмел поднять руку на порядок.

Авель кивнул — коротко, почти незаметно — и взмыл в воздух. Его крылья расправились, закрывая серое небо, и бе-

лый свет, исходивший от него, ударил в глаза, ослепляя. Внизу, там, где люди в тёмном сражались с ангелами Власти, раздались крики ужаса.

Задкииль повернулся к Еве. Его золотые глаза сузились, и она вдруг поняла, что он не просто смотрит на неё — он заглядывает внутрь, туда, где в пустоте теплился последний огонь.

— Ты захотела умереть с оружием в руках? — спросил он.
— Что-ж, я исполню твоё желание.

Он двинулся к ней — медленно, неотвратно. Ева подняла копьё, нацелив золотой наконечник ему в грудь. Руки дрожали, но она держала крепко.

— Не подходи, — нервно прошептала она.

— Или что? — усмехнулся Иерарх. — Ты убьёшь меня? Ты даже не знаешь, как держать копьё.

Он шагнул вперёд. Ева ударила.

Удар был слепым, отчаянным, лишённым всякого смысла. Золотой наконечник скользнул по белым одеждам, не причинив вреда, и Задкииль даже не замедлился. Его рука обхватила её горло.

Мир *взорвался* болью.

Пальцы сжались, перекрывая дыхание, практически ломая трахею, впиваясь в кожу, как когти. Ева почувствовала, как хрустнули позвонки — или ей показалось? — как перед глазами поплыли чёрные пятна, как копьё выпало из ослабевших рук, звякнув о каменные плиты.

Он поднял её. Одной рукой. Легко, как тряпичную куклу. Её ноги оторвались от земли, тело обмякло, голова запрокинулась. Она видела только золотые глаза — огромные, немигающие, полные абсолютного равнодушия.

— Я буду ломать тебя, позвонок за позвонком, и слушать, как ты кричишь.

Она не могла ответить. Не могла дышать. Только смотрела в эти глаза и чувствовала, как сознание угасает, как тьма смыкается на краю зрения.

И в этот миг — когда надежда умерла, когда боль стала всем, что осталось, — что-то изменилось.

Сначала она не поняла, что именно. Только почувствовала, как хватка на её горле ослабла. Как тело Иерарха дёрнулось, будто от удара. А потом — тёплая, липкая жидкость брызнула ей на лицо, на грудь, на губы.

Кровь.

Рука упала на каменные плиты, ещё сжимая в воздухе то, что уже не существовало. Пальцы дёрнулись, разжались и замерли.

Ева упала на колени, хватаясь за горло, кашляя, задыхаясь. Сквозь пелену слёз и крови она увидела *его*.

Он стоял между ней и Задкиилем — высокий, бледный, с белёсыми волосами, развевающимися на ветру. В его руке был меч — чёрный, дышащий тьмой, не отражающий света. Но самое страшное было за его спиной.

Крылья.

Огромные, чёрные, как бездна. Они не были похожи на крылья ангелов — те были белыми, правильными, почти красивыми. Эти были чудовищными. Рваными. От них исходил запах пепла и древней, нечеловеческой ненависти.

Каин?

Он не смотрел на Еву. Он смотрел на Задкииля, и в его чёрных глазах горел огонь, который не могли погасить даже боги.

— Твоя рука, — сказал он. Голос его был низким, тихим, но каждое слово падало, как молот. — Первая.

Иерарх отшатнулся, прижимая обрубок к груди. Кровь — золотая, светящаяся — текла между его пальцев, капала на белые одежды, на каменные плиты. Его лицо — всегда спокойное, непроницаемое — исказилось гримасой боли и ярости.

— Каин, — прошипел он. — *Живой.*

Каин шагнул вперёд, заслоняя Еву своим телом, и его чёрные крылья расправились ещё шире, накрывая их обоих.

Внизу, на площади, хаос достиг апогея.

Люди кричали, бежали, падали, топтали друг друга. Давка была страшной — тела мелькали, как тени, и никто не разбирал, где свои, где чужие. Иеродулы в белых тканях метались, как призраки. Ангелы Власти пытались взлететь, но люди в тёмной одежде держали их, цеплялись за крылья, за доспехи, валили на землю, вбивая в них мечи и кинжалы.

Где-то среди этой толпы Ной и Яннис пробивались к Еве,

расталкивая обезумевших людей. Лицо Ноя уже было залито кровью. Яннис молчал, прорубая путь локтями, и в его глазах застыла холодная ярость.

Авель в небе замешкался. Он видел, как упала рука Иерарха, как из темноты вырвался Каин, и впервые за много циклов его ледяное сердце дрогнуло. От того, что он *узнал*. Брат. Проклятый. *Враг*.

— Авель! — закричал Задкииль, но голос его сорвался — он не привык кричать, не привык чувствовать боль.

Авель взмыл выше, готовясь к атаке, но внизу было слишком много людей, слишком много теней. Он не мог ударить, не убив своих.

Каин поднял меч. Его чёрные крылья взметнулись, закрывая небо, и он шагнул к Иерарху.

— Сегодня, — сказал он, — Доминион *падёт*.

Ева, всё ещё стоя на коленях, сжимала горло руками, пытаясь вдохнуть. Сквозь шум в ушах она слышала крики, звон металла. Сквозь пелену крови видела, как Каин заносит меч для нового удара.

Глава 8: De morte et Salute

Крик раздался из толпы — высокий, истеричный, полный ужаса и восторга одновременно. Его издала одна из иеродулов Чистоты, сорвавшая с себя вуаль, открыв бледное, искажённое лицо с горящими глазами. Её молитвенные браслеты зазвенели, когда она указала дрожащим пальцем на чёрные крылья, на меч, на фигуру, заслонившую Еву.

— Пророчество! — вопила иеродул, и её голос перекрывал даже шум битвы. — Оно сбывается! Вот он! *Антихрист!* Тот, кто уничтожит всех и вся! Это Каин восстал из мёртвых! *Каин идёт!*

Слова ударили толпу сильнее любого оружия, будто искра попала в пороховую бочку. Люди, которые ещё пытались сохранять спокойствие, закричали — кто-то от ужаса, кто-то от неверия, кто-то от истерического облегчения. «*Антихрист! Антихрист!*» — пронеслось над площадью, и это имя, древнее, запретное, забилося в головах. Даже ангелы Власти на мгновение замерли.

Задкииль отступил на шаг, прижимая к груди обрубок руки. Золотая кровь текла по его белым одеждам, капала на каменные плиты, но он не замечал боли. Его золотые глаза — всегда непроницаемые, всегда ледяные — расширились. В них впервые за триста двадцать один цикл мелькнуло нечто, чего никто из смертных не видел.

Страх.

Не тот, что заставляет прятаться. Тот, что заставляет *ошибаться*.

— Ты — прошептал он, глядя на Каина. — Ты — не Антихрист. Ты *не можешь* им быть.

— Пророчество не выбирает, кто им будет. Оно приходит само, — ответил Каин, и голос его был низким, как рокот земли перед землетрясением.

Иерарх перевёл взгляд на Еву. Она, шатаясь и держась за горло, твёрдо поднималась. Её глаза — серые, глубокие — встретились с его золотыми, и в них не было страха.

Он вытянул оставшуюся руку — белую, дрожащую от боли, но всё ещё полную силы. Его пальцы сжались в жест приказа, и по площади прошла волна — невидимая, но осязаемая, как перемена давления перед грозой.

Печать.

Другие ангелы, прилетевшие с разных углов Доминиона для помощи, подхватили жест Иерарха. Их руки взметнулись вверх, и каждый человек в толпе — каждый, кто носил на лбу невидимую метку, — почувствовал, как в груди сжалось, как воля угасает, как тело становится чужим.

Люди замерли. Кто-то упал на колени, кто-то застыл с открытым ртом, кто-то схватился за голову, пытаясь удержать себя, свою суть, свою свободу. Крики стихли, сменившись сдавленными стонами.

Давка прекратилась. Те, кто ещё мгновение назад бежали,

топча друг друга, теперь стояли неподвижно, как статуи, с пустыми глазами и ослабевшими руками.

Ной и Яннис, пробивавшиеся к помосту, тоже почувствовали давление. Ной замер на полшаге, схватившись за голову, и его лицо исказилось гримасой боли. Яннис — уже закалённый долгими циклами, тоже пошатнулся, но устоял. Он схватил Ноя за плечо, встряхнул.

— Держись! — прохрипел он. — Не поддавайся!

— Я пытаюсь — выдохнул Ной сквозь зубы.

Но Ева не почувствовала *ничего*.

Она стояла на помосте, исподлобья глядя на Задкииля. Его рука напряжённо дёрнулась, пальцы сжались сильнее. Волна Печати прошла по площади снова — сильнее, плотнее, давящее. Люди стонали, падали, теряли сознание. Ангелы Власти выпрямились, чувствуя, как порядок возвращается.

Но Ева стояла.

— Почему? — растерянно прошептал Иерарх. — Почему ты не подчиняешься?

Он смотрел на Еву так, будто видел её впервые. До этого момента он смотрел сквозь неё, не замечая главного.

— Чистая, — выдохнул он. — Без печати. Это невозможно!

— *Возможно*, — ответила Ева, и голос её, хриплый, надорванный, прозвучал твёрдо.

В небе над ними что-то сверкнуло. Белая молния — *или*

крыло? — и Авель спикировал вниз, целясь прямо в Каина. Его меч, выкованный из чистого света, сверкал, как давно исчезнувшие звёзды.

— Авель! — закричал Иерарх, но голос его потонул в звоне стали.

Каин поднял свой чёрный меч, и братья встретились.

Удар был воистину страшным. Белый и чёрный свет столкнулись, и от этого столкновения по площади прошла волна, которая отбросила ближайших зрителей. Каин устоял, но его крылья широко распахнулись, удерживая равновесие. Авель завис в воздухе, его белые перья трепетали в неизвестном нерве.

— *Брат*, — выдохнул Авель. Голос его был холоден, но в глубине, на самом дне, проскальзывало что-то, похожее на боль. — Ты не должен был воскреснуть.

— Ты тоже, — легко ответил Каин. — Но Задкииль вернул тебя и сделал своим псом.

— Я — правосудие.

— Ты — *раб*. Как и все они.

Авель занёс меч для нового удара, но в этот момент голос Иерарха прорезал шум битвы:

— *Нет!* Авель, остановись!

Авель замер в воздухе, его меч застыл в метре от головы Каина. Белые перья ещё сильнее задрожали от напряжения.

— Почему? — спросил он, не оборачиваясь. — Он — наш враг. Он *мой* враг!

— Не убивай его, — приказал Задкииль. В его голосе слышалась сталь, но также — что-то ещё. Что-то, чего Авель не слышал никогда.

Каин хищно ухмыльнулся.

Внизу, на площади, хаос нарастал. Люди, подавленные Печатью, лежали на земле, не двигаясь. Другие, те, кому удалось сохранить сознание, пытались уползти, спрятаться. Иеродулы рыдали, прижимаясь к колоннам. Ангелы Власти, наконец, разобрались с нападавшими — тёмные фигуры Сопротивления лежали на камнях, их кровь смешивалась с золотым светом ангельских ран.

Но Каин и Авель стояли друг напротив друга — чёрный и белый, ненависть и долг, *прошрое и настоящее*.

— Авель, это приказ! — голос Задкииля сорвался на крик, когда меч Авеля вновь обрушился на Каина.

— Сейчас — я сам решаю, — прошипел Авель, и в этом шипении слышалась не только ненависть к Каину, но и горечь веков подчинения.

Чёрные крылья Каина взметнулись, отражая удар, и каменные плиты треснули, колонны колоннады задрожали, с их капителей посыпалась каменная крошка. Люди, ещё стоявшие на ногах, попадали, прижимаясь к земле, закрывая головы руками.

— Безумец! — закричал Задкииль, пытаясь взлететь, но рана на руке жгла так, что он не мог сосредоточиться. — Я *приказываю*! Остановись!

Авель не слышал. Он наносил удар за ударом, и каждый из них был быстрее, тяжелее, безжалостнее предыдущего. Его белые крылья били по воздуху, создавая вихри, которые поднимали с земли пыль и мелкие камни. Каин отбивался, но его чёрный меч с каждым ударом отступал всё дальше.

— Зачем ты вернулся?! — кричал Авель, нанося рубящий удар сверху вниз. Каин едва успел подставить лезвие, и белый свет обжёг его лицо, оставив на щеке красную, дымящуюся полосу. — Ты должен был гнить в земле! Ты должен был исчезнуть! Ты — проклятие! Ты — *позор*!

Каин молчал, уходя в сторону. Чёрные крылья сложились, пропуская белый меч мимо, и в тот же миг расправились снова, чтобы ударить Авеля в грудь. Крылья ударили, и Авель отлетел назад, кувыркаясь в воздухе, но удержался, расправив свои перья.

— Я вернулся, — сказал Каин, поднимая меч. Его чёрные глаза — бездонные, пустые — смотрели на брата без ненависти. Только с *усталостью*. — И я не уйду, пока Доминион не падёт.

Авель зарычал — низко, по-звериному, и бросился в новую атаку. Белый свет вспыхнул ослепительно, больно ударил по глазам, и многие в толпе закричали, зажмурились, прижимая ладони к лицам. Ева, стоявшая на помосте, пригнулась, закрываясь руками, но не отвела взгляда. Она смотрела сквозь боль, сквозь слёзы, сквозь белый огонь, который, казалось, хотел выжечь ей глаза.

Каин отступал. Его чёрные крылья были изранены, они стали выглядеть ещё хуже и уродливее. Почти чёрная кровь — густая, как смола, — капала на камни с перьев.

— Авель! — снова крикнул Задкииль. Он уже поднялся в воздух, и Ева с досадой заметила, как у него медленно начала восстанавливаться отрубленная рука.

Меч полоснул по крылу Каина, и одно из чёрных крыльев на миг повисло. Каин зашипел от боли, но не отступил.

В последний миг, когда казалось, что ничто не спасёт Каина, что острое лезвие разрубит его пополам, что-то произошло.

Копьё.

Золотое копьё, которое Ева быстро и незаметно подняла. Она не думала. Не размышляла. Просто метнула копьё вверх — туда, где белый и чёрный свет сливались в один ослепительный, смертоносный шар.

Копье вонзилось в плечо Авеля.

Неглубоко, не смертельно, но достаточно, чтобы его рука дрогнула. Меч отклонился, снова прошёлся по крылу Каина. Кровь брызнула из раны, и Авель закричал от ярости.

Он резко развернулся, и его ледяные глаза уставились на Еву. В них не было ничего, кроме холода. Абсолютного, ледяного холода существа, которое только что решило, что эта женщина *должна* умереть.

— Ты, — прошипел он. — Ты посмела

— Я много чего посмела, — ответила Ева, глядя на него

снизу вверх. Её голос был хриплым, почти беззвучным, но в нём чувствовалась упрямая сталь. — И ещё посмею.

Каин внезапно рванулся вперёд — быстрее, чем могли уследить глаза. Его чёрные крылья, даже израненные, расправились, и он взмыл в воздух, чтобы в следующий миг оказаться рядом с Евой. Его рука — сильная, ледяная — обхватила её за талию, прижала к себе, и прежде чем она успела понять, что происходит, земля ушла у неё из-под ног.

— Что ты — начала она, но ветер заглушил слова.

Каин взлетел. Не плавно, как другие ангелы, — резко, рывком, как хищная птица, которая поднимает добычу. Его разорванное крыло болело, тёмная кровь продолжала неумолимо капать, но он не обращал внимания. Он должен убраться отсюда. Должен спасти её. Должен выжить, чтобы выполнить *обещание*, данное Ауриэлю.

Внизу площадь становилась всё меньше. Колонны превращались в спички, фигуры людей — в муравьёв. Авель остался стоять на помосте, глядя им вслед. Иерарх что-то кричал, размахивая оставшейся рукой, но слов не было слышно — только обрывки, только шипение, только ярость, разбивающаяся о невидимую стену.

— Каин! — крикнула Ева, пытаясь вырваться. — Что ты делаешь?! Остановись! Мои друзья! Яннис! Ной! Бри! Мы не можем их бросить!

— Можем, — ответил он. — И *бросим*. Иначе умрём все.

— Нет! — она забилась в его руках, как рыба в сетях. —

Опусти меня! Я не полечу без них!

Внизу, на площади, произошло то, что заставило её сердце остановиться.

Яннис.

Он пробился сквозь толпу — израненный, с лицом, залитым кровью. Печать давила на него, сжимала волю, но он упрямо шёл. Он видел, как Каин подхватил Еву, видел, как она пытается вырваться, видел, как ангелы Власти приходят к себе. И он отчаянно прокричал её имя:

— Ева!

Он пробился сквозь ряды, оттолкнул какого-то человека, схватил с земли меч — чужой, выпавший из рук павшего бойца Сопротивления. И ударил.

Ангел Власти, стоявший у подножия помоста, даже не ожидал. Меч вошёл в его доспехи — туда, где у людей сердце.

Ева видела *это*. С высоты она видела, как огромный силуэт метнулся к Яннису, как его рука — тяжёлая, в броне — сжалась в кулак. Как кулак вошёл в грудь Янниса — туда, где у людей бьётся сердце. Как Яннис замер. Как его глаза — всегда спокойные, всегда твёрдые — расширились от боли и удивления. Как из его рта потекла кровь — алая, яркая, живая.

— Нет, — прошептала Ева.

Яннис упал на колени. Потом на спину. Его руки разжались, и меч выпал, звякнув о камни. Он смотрел в небо —

туда, где Ева, прижатая к груди Каина, улетала всё дальше, — и его губы шевелились, произнося что-то, чего она не могла услышать.

— Нет! — закричала Ева. Голос её сорвался, превратился в вой — такой пронзительный, такой отчаянный, что Каин невольно замедлил полёт. — Яннис! Яннис! Нет!

Она забилась в его руках с нечеловеческой силой. Ногти царапали его кожу, кулаки колотили по груди, по крыльям, по лицу. Она не контролировала себя. Перед глазами стояла картина: Яннис, падающий на камни, его тёмные с проседью волосы, залитые кровью, его глаза, всё ещё смотрящие в небо.

— Опустить меня! — кричала она, захлёбываясь слезами. — Вернись! Мы не можем его бросить! Он *умрёт*! Он умрёт из-за меня! Из-за нас! Вернись, Каин! *Вернись*!

Каин молчал. Его лицо было непроницаемо, как маска, только шрам на губе чуть подрагивал. Он продолжал лететь, набирая высоту, унося её прочь от площади, от криков, от крови, от тела Янниса, которое становилось всё меньше и меньше.

— Ты слышишь меня?! — закричала Ева, грубо беря его лицо в свои грязные руки. — Вернись! *Умоляю*! Я

Она не договорила. Её кулак занёсся для нового удара, но Каин перехватил его. Его пальцы — ледяные, сильные — сжали её запястье, и на секунду их взгляды встретились. Чёрные глаза — с серыми. Пустота — с пустотой.

— Прости, — сказал он.

И ударил её.

Мир наполнился тьмой. Ева почувствовала, как её тело обмякло, как голова падает на грудь, как звуки — крики, звон металла, молитвы — затихают, превращаясь в далёкий, едва слышный шум. Последнее, что она увидела, прежде чем сознание угасло, — площадь. Таковую маленькую, такую далёкую. И на ней — неподвижную фигуру Янниса, окружённую ангелами.

Яннис. Прости. Прости меня.

А потом — ничего. Только тьма. Только холод. Только шум ветра в ушах и сильные руки, которые не отпускали её даже в беспамятстве.

Внизу, на площади, Ной стоял на коленях рядом с телом Янниса. Его руки были в крови того, кого он считал своим наставником, своим другом, своей *совестью*. Он не плакал. Только смотрел в небо, где растворились две тени и шептал одними губами что-то неразборчивое.

Они летели долго. Как долго — Ева не знала. Сознание ускользало, возвращалось обрывками, снова ускользало, как вода сквозь пальцы. В промежутках между провалами она чувствовала ветер — ледяной, обжигающий, — и сильные руки, которые держали её, не отпуская. Чёрные крылья Каина хлопали над ней, разрывая серое небо, и каждый взмах отдавался в его груди хрипом, который она слышала даже

сквозь шум.

Она не видела, куда они летят. Только пятна — серые, чёрные, иногда белые, когда они пролетали над Зоной Возделывания. Только далёкие крики ангелов, преследовавших их, но постепенно затихавшие.

А потом была Стена. Огромная, уходящая в небо. Ева краем глаза увидела, как они перелетели через неё — и мир изменился.

За Стеной было не так, как она представляла. Не пустыня, не пепелище. Развалины — да, много развалин. Древние, поросшие мхом, с колоннами, которые помнили времена до ангелов. Но между ними — зелень. Настоящая, живая, не такая, как на плантациях. Деревья с зелёными листьями, трава, кусты с какими-то ягодами. Воздух пах иначе — не ладаном и страхом, а землёй, дождём, чем-то забытым.

Но Ева не успела рассмотреть. Сознание снова померкло, и последнее, что она запомнила, — как Каин снижается к огромному полуразрушенному зданию, похожему на храм, и исчезает в его тених.

Она очнулась от холода.

Холод был другим — не ледяным, как в снах, а каменным, тяжелым, въевшимся в кости. Он шёл от пола, от стен, от воздуха. Ева лежала на чём-то твёрдом — на каменном алтаре или на грубо вытесанной плите. Под головой — что-то мягкое. Пахло сыростью, древней пылью и ещё чем-то —

металлом, старой кровью.

Она открыла глаза. Вокруг была тьма. Не полная — где-то сверху, далеко-далеко, мерцал слабый, сероватый свет, пробивавшийся через щели в потолке. Стены терялись в полумраке, но можно было разглядеть их фактуру — грубый камень, кое-где покрытый остатками фресок. Какие-то фигуры, нимбы, крылья.

Ева попыталась сесть, и мир закачался. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Она зажмурилась, дождалась, пока приступ пройдёт, и открыла глаза снова.

Она была *одна*.

— Каин? — позвала она. Голос прозвучал хрипло, глухо, и эхо заметалось под низкими сводами, возвращаясь к ней искажённым, чужим.

Никто не ответил.

Сердце забило быстрее. Ева огляделась — насколько позволяла темнота. Она лежала в небольшом помещении с каменными стенами, без окон, без дверей, которые можно было бы разглядеть. В углу — грудка какого-то хлама: старые амфоры, ржавые цепи, обломки дерева. В другом углу — чёрный проём, ведущий в коридор. Такой же тёмный, как и всё здесь.

— Каин! — позвала она громче, вставая. Ноги дрожали, голова кружилась, но она удержалась.

Тишина. Только капли воды — где-то далеко, в глубине коридора, — мерно падали на камень.

Страх поднялся из груди, сжал горло. Ева почувствовала, как по щекам текут слёзы от отчаяния. Он бросил её. Он прилетел сюда, бросил в этом подземелье и ушёл. Может быть, ангелы настигли его. Может быть, он где-то истекал кровью. Может быть, он решил, что она — обуза, и оставил умирать здесь, в темноте, среди древних камней.

— Нет, — прошептала она, прижимая руки к груди, как будто это могло унять боль. — Нет, пожалуйста, нет.

Слёзы текли быстрее. Она вспомнила площадь. Янниса, падающего на камни. Ангела, пробивающего его грудь. Кровь, хлынувшую из рта. Его глаза, всё ещё смотрящие в небо — туда, где она улетала.

— Яннис, — выдохнула она, и это имя разорвало что-то внутри. — Яннис, прости. Прости меня.

Она опустилась на колени, прямо на холодный каменный пол, и заплакала. Не тихо, не сдержанно — навзрыд, как плачут дети, когда теряют всё. Тело сотрясало от рыданий, голова болела, горло саднило, но она не могла остановиться. Вспоминала его лицо — всегда спокойное, твёрдое, с глубокими морщинами. Его голос, когда он говорил: «*Держись*», «*Не сдавайся*», «*Я тебя научу*».

А она не спасла его. Она улетела, а он остался. Он умер из-за неё.

— Каин, — прошептала она между всхлипами. — Где ты? Тишина. Только капли. Только её собственное дыхание, сбитое, прерывистое.

И вдруг — шаги. Тяжёлые, медленные, из коридора. Ева подняла голову, всматриваясь в чёрный проём. Сердце забилося где-то в горле, и она не знала, чего ждёт — помощи или смерти.

Из темноты вышел Каин.

Он был без крыльев. В том же длинном тёмном плаще, висевшем на плечах и запачканном кровью — своей и чужой. Лицо его было бледнее обычного, под глазами залегли тёмные круги, губы потрескались. Шрам на губе выделялся особенно ярко — белая нить на серой, измученной коже.

Он выглядел уставшим. Нет, не просто уставшим — *измощённым*, как человек, который шёл сквозь бурю и не нашёл укрытия. Его походка была тяжёлой, почти волочащей, и когда он остановился в шаге от Евы, она заметила, что его правая рука прижата к боку — там, где под плащом, наверное, скрывалась глубокая рана.

— Ты кричала, — сказал он. Голос его был низким, хриплым, без эмоций. — Я слышал.

— Я думала я думала, что ты ушёл. Что оставил меня здесь умирать, — выдохнула Ева. Слезы всё ещё текли по её щекам, но теперь в них прибавилась злость.

— Я уходил за водой, — ответил Каин. Он показал в своей руке глиняную флягу, которую Ева не заметила. — И осматривал выходы. Силы близко. Нам нельзя высовываться.

— Ты просто исчез.

— Я не обязан тебе отчитываться, — в его голосе про-

скользнула сталь, но тут же угасла, сменившись усталостью.
— Ты жива. Этого достаточно.

— Мой друг мёртв! — выкрикнула Ева, и её голос сорвался. — Он умер у меня на глазах! Я видела, как ангел пробил ему грудь! И я ничего не могла сделать!

— Знаю, — сказал Каин. Без жалости. Без сочувствия. Просто констатация факта.

— Знаешь? — Ева вскочила на ноги, и хотя её шатало, она подошла к нему вплотную. — Знаешь?! Это ты утащил меня! Это ты не дал мне вернуться! Если бы мы остались, я бы могла

— *Что?* — перебил он. В его чёрных глазах — пустых, бездонных — мелькнуло что-то, похожее на усталую насмешку. — Умереть вместе с ним? Стать ещё одной статуей в Саду Сломленных? Он умер, чтобы ты жила. Не обесценивай его смерть.

Ева замерла. Слова ударили сильнее, чем любая пощечина.

— Не смей говорить мне, что я должна чувствовать, — прошептала она.

— Я и не говорю, — ответил Каин. Он отступил на шаг, прислонился спиной к стене и медленно сполз на пол, закрывая глаза. — Чувствуй что хочешь. Но мы здесь. И мы живы. А это это был его выбор.

Ева смотрела на него — на этого человека, который казался старше камней, на которых они сидели. На его изранен-

ное тело, на его бледное лицо, на его отсутствующие крылья. В нём не было ничего от ангелов — ни света, ни величия, ни пустоты. Была только *тьма*. Древняя, тяжёлая, как этот подземный склеп.

— Ты — *Каин*? — спросила она тихо. — Тот самый? Из Завета?

Он открыл глаза. Посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом, от которого хотелось опустить глаза.

— Я тот, кто убил брата, — сказал он. — Тот, кого воскресили. Тот, из-за кого создали Печать. Если ты хочешь называть меня Каином — *называй*. Это имя так же старо, как эта земля.

— Ауриэль говорил мне о тебе, — сказала Ева, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. — Он сказал, что ты поможешь.

— Я помогаю ему, — ответил Каин. — Не тебе.

— Мне всё равно, — Ева села на пол, прислонившись спиной к алтарю. — Ты спас меня. Этого достаточно.

Каин мрачно усмехнулся.

— Не благодари. Ещё пожалеешь.

Они замолчали. В подземелье было тихо — было слышно только капли, только их дыхание, только далёкий, едва слышимый гул, который мог быть ветром наверху, а мог быть и шагами ангелов, ищущих их.

Ева закрыла глаза. В голове крутились обрывки — Яннис, Ной, Бри, площадь, золотые глаза Задкииля, белые крылья

Авеля. И этот человек рядом — холодный, пугающий, но почему-то дающий надежду.

Глава 9: Sub terra

*Зона Отверженных,
Святылище Рассвета*

Вечер пришёл в подземелье незаметно. Там, наверху, за толщей камня и земли, возможно, угасал серый, безрадостный день, но здесь, в глубине, время потеряло смысл. Только капли воды, падавшие где-то в темноте, отмеряли секунды, минуты, часы. И дыхание. Её — частое, взволнованное. И его — ровное, глубокое, как у спящего зверя.

Они почти не разговаривали. За те часы, что провели здесь, Ева и Каин обменялись лишь несколькими короткими фразами. «Есть хочешь?» — спросил он, протягивая ей кусок сухого, пресного хлеба, который нашёл в своих запасах. «Пей», — сказал он, подавая флягу с водой. Больше ничего. Слова были лишними. Им нужно было беречь силы, слушать, ждать.

По очереди они следили за выходом. Ева сидела у чёрного проёма коридора, вглядываясь в темноту, вслушиваясь в шорохи. Каин стоял у дальней стены, скрестив руки на груди, и его чёрные глаза, казалось, видели сквозь камень. Ни ангелов, ни погони. Только тишина. Только капли. Только они двое — в самом сердце древнего, забытого святилища.

Теперь Каин спал.

Он лёг на каменный пол, отвернувшись к стене, и его спи-

на — широкая, бледная, исполосованная старыми шрамами — была обращена к Еве. Он снял плащ — тот самый, длинный, тёмный, который носил, казалось, всегда, — и теперь остался в одних коротких белых льняных штанах. Свою рубаху он подложил под её голову, когда она ещё была без сознания. Только голая кожа, на которой время и боль оставили свой жестокий отпечаток.

Ева не спала. Сидела, привалившись спиной к каменному алтарю, и смотрела на него. Смотрела так, будто видела впервые — хотя видела уже не раз, в развалинах, в темноте, в смертельной схватке. Но тогда не было времени рассматривать. Тогда была только борьба, страх, боль.

Теперь было *время*.

Её взгляд скользил по его фигуре, по изгибам мышц, по темным линиям, которые пересекали его спину, как трещины на старой фреске. Шрамы. Их было много — старые, белые, почти незаметные в полумраке, и новые, ещё розовые, которые, наверное, болели даже сейчас. Некоторые были тонкими, как лезвие; другие — широкими, рваными, будто кто-то вонзил в его плоть когти и рвал с мясом.

Самыми страшными были те, что располагались на лопатках.

Ева задержала на них взгляд. Два длинных, кривых шрама, начинавшихся где-то под лопатками и уходивших вниз, к пояснице. Они были старыми — настолько старыми, что кожа вокруг них посерела и сморщилась, как пергамент. И в

них, в этих шрамах, было что-то неправильное, неестественное, будто когда-то там росло что-то, что потом вырвали с корнем.

Крылья. Там, где у ангелов крылья.

Она вспомнила, как он взлетел на площади. Чёрные, огромные, рваные крылья, которые поднимали его в воздух, неся смерть и спасение. Они были настоящими — она видела их, чувствовала их силу. Но сейчас их не было. И на месте, где они должны быть, зияли только эти два безобразных, древних шрама.

Может быть, он может прятать их? — подумала она. *— Как тогда, в первую встречу? Или они появляются только тогда, когда нужны?*

Она не знала. Но вглядывалась в его спину, пытаясь найти ответ. Кожа была гладкой, тёплой на вид, но в полумраке казалась мраморной — такой же белой и холодной, как статуи в Саду Сломленных. Позвонки выпирали, мышцы перекачивались под кожей при каждом, даже самом неглубоком, вдохе. Он был худым, но не измождённым — скорее, подобранным, как туго натянутая тетива. Тело человека, который привык к голоду, боли, сражениям, но не сломался.

Ева перевела взгляд на его руки. Они лежали вдоль тела, расслабленные, но готовые в любой момент сжаться в кулаки. Длинные пальцы, узкие ладони, на которых тоже были шрамы — мелкие, белые, похожие на паутину. Ногти коротко острижены, в грязи и запёкшейся крови — *чужой*, не его.

Странный. Ты — странный, Каин. Ты спас меня, но не говоришь ни слова. Ты рискуешь своей жизнью, но отворачиваешься, когда я смотрю. Ты — как тень. Как призрак. Как... как кто-то, кто уже давно мёртв.

Он дышал ровно. Слишком ровно для человека, который недавно потерял столько крови, сражался с собственным братом, бежал от ангелов. Может быть, он не спал? Может быть, только притворялся, давая ей возможность успокоиться, прийти в себя?

— Каин? — прошептала она.

Ни звука. Только дыхание — ровное, глубокое.

Она ждала. Секунду. Другую. Третью.

Он не ответил. Но Ева вдруг заметила, как его пальцы — те, что лежали на камне — чуть дрогнули. Совсем немного, почти незаметно. Будто он услышал, но не подал виду.

Не спит. Тоже слушает. Следит за мной, даже когда лежит спиной.

Она не стала его окликать. Отвернулась, прижалась щекой к холодному камню алтаря. Вокруг была тишина — только капли, только дыхание, только иногда шорох его плаща, когда он чуть двигался.

Слёзы пришли не сразу. Сначала была только пустота. Пустота, в которой утонули все звуки, все мысли, все чувства. А потом, откуда-то из самого дна, поднялась боль. Та, что сжимает горло, когда понимаешь, что никогда больше не увидишь того, кто был важен.

Яннис.

Ева зажмурилась, но картина не исчезла: его волосы, залитые кровью, его глаза, смотрящие в небо, его губы, шевелящиеся в последнем, неслышном слове. Почему он напал на ангела? Зачем? Он знал, что не выживет. Знал, что его убьют. И всё равно пошёл. Взял меч, поднял его на эту тварь и ударил.

Она всхлипнула — тихо, почти беззвучно, боясь разбудить Каина. Но тело не слушалось. Плечи затряслись, из груди вырвался короткий, сдавленный звук, и она прижала ладонь ко рту, чтобы сдержать крик. Слезы текли по щекам, смешиваясь с грязью и запёкшейся кровью, капали на каменный пол.

Она вытерла лицо тыльной стороной ладони и попыталась успокоиться. Бесполезно. Слезы не прекращались, они текли сами собой, как вода из переполненной чаши. Ева дала себе волю — пусть текут. Здесь, в темноте, никто не видит. Каин спит. Каину всё равно.

А Ной? Что с Ноем?

Она вспомнила, как он бежал к помосту, как его лицо — всегда дерзкое, насмешливое — исказилось гримасой ярости и страха. Он жив? Его схватили? Убили? Или он смог спрятаться, убежать, затеряться в толпе?

Он жив, — заставила себя поверить Ева. — Он должен быть жив. Он сильный, он хитрый, он выживет

Но в голову лезли другие мысли: ангелы, подавляющие

толпу Печатью, люди, падающие на землю, встревоженные иеродулы в белых вуалях. Если Ноя схватили — ему *конец*. Его казнят. Или превратят в камень.

Не думай об этом, — приказала она себе. — Не сейчас. Сейчас нужно думать о том, как выжить. Как спасти тех, кто ещё жив.

Бри. Маленькая, пухленькая, вечно взволнованная Бри. Ева не видела её на площади. Может быть, она не пришла. Может быть, она спряталась, когда начался хаос. Ева молилась — не ангелам, не Иерарху, а тому, старому Создателю, которому поклонялись в этом разрушенном храме, — чтобы Бри была жива. Чтобы её не схватили. Чтобы она не плакала сейчас в одиночестве, думая, что все погибли.

Я найду тебя, — пообещала Ева. — Я вернусь. Обязательно вернусь.

Но как? Она понятия не имела. Небесный Доминион огромен и опасен, а она — беглянка, которую ищут ангелы, на которую охотятся. У неё нет оружия, нет еды, нет *даже* сандалий. Только этот человек — *Каин*, — который спит сейчас, отвернувшись к стене, и вряд ли станет рисковать собой ради её друзей.

У него есть план? Или мы просто отсиживаемся здесь, пока нас не найдут?

Она посмотрела на него. Его спина медленно поднималась и опускалась в такт дыханию. Он ещё не говорил с ней о будущем. Не объяснял, куда они направятся, что будут делать,

как выживут. Может быть, у него нет плана. Может быть, он действует на ощупь, как и она.

А что, если мы умрём здесь? — пронеслось в голове. — Что, если ангелы найдут нас и убьют?

Живот скрутило от боли — пустой, ноющей, *голодной*. Ева прижала руку к животу, сжалась в комок, пытаясь унять спазм. Она нормально не ела со вчерашнего дня, а может, и дольше. В камере ей давали скудную пищу, и то раз в день. Теперь, когда страх и адреналин отпустили, тело требовало еды. Требовало громко, настойчиво, невыносимо.

Она посмотрела на свои руки — грязные, в ссадинах и порезах, под ногтями запеклась кровь. На ногах — такие же порезы, стопы болели, когда она ступала на холодный камень: сандалии она потеряла ещё на площади. Белый хитон был весь в чёрных и красных пятнах. Края оборваны, ткань кое-где порвалась, обнажая плечо и ключицу. Под хитоном — синяки, старые и новые, жёлто-багровые пятна на бледной коже.

Она чувствовала себя отвратительно. Грязной, больной, разбитой. Хотелось умыться, смыть с лица кровь и пыль, промыть раны, постирать одежду. Хотелось забиться в угол и заплакать, не скрываясь, не боясь, что кто-то услышит. Но она не могла. Каин спит. Каин не должен знать, что она *слаба*.

Что я скажу ему, когда он проснётся? Спрошу, что дальше? Потребую ответов?

Она представила его чёрные глаза — пустые, бездонные, в которых не было ничего, кроме усталости и древней, выжженной ненависти. Он не станет отвечать. Или ответит односторонне, так, что лучше бы и не спрашивать.

Ауриэль, — вспомнила она. — Когда я снова услышу его? Когда он заговорит со мной?

Во сне. Только во сне. Но она не спала — или спала, но не видела снов. Может быть, потому что она устала.

Яннис, — снова навязчиво подумала она. — Зачем ты напал на ангела?

Ответ пришёл сам собой, холодный и жестокий: потому что он знал, что умрёт. Потому что хотел умереть с оружием в руках, а не на коленях. Потому что ненавидел их. Ненавидел так сильно, что смерть стала меньше, чем эта ненависть.

Ева всхлипнула снова — громче, чем хотела. Прижала ладонь ко рту, закусилась костяшки пальцев, чтобы сдержать крик. Но слёзы всё равно текли, и она не могла их остановить.

Каин не шевелился. Его спина оставалась неподвижной, дыхание — ровным. Может быть, он спал. Может быть, притворялся. Может быть, ему было всё равно на её слёзы, на её боль, на её страх.

Она вытерла слёзы, откинула волосы с лица — грязные, спутанные, — и посмотрела в потолок. Там, далеко-далеко, сквозь трещины пробивался серый, умирающий свет. Вечер. Или ночь. Она не знала.

— Каин, — прошептала она. — Что мы будем делать?
Ни звука. Только дыхание.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказала она громче.
Молчание.

— Куда мы пойдём? Что будет завтра? Когда ангелы найдут нас — *а они наверняка найдут*, — что мы будем делать? Чем защитимся?

Каин не ответил. Его спина оставалась неподвижной, как каменная стена. Ева замолчала, чувствуя, как внутри поднимается злость — на него, на себя, на весь этот мир.

— Ты хоть слышишь меня? — спросила она, и в голосе прозвучала горечь.

— Слышу, — ответил он наконец. Голос его был низким, хриплым, без эмоций. — Но ответов у меня нет.

— Ты — старший сын *Адама*. Ты живёшь на этом свете больше всех. И у тебя *нет* ответов?

— Только один, — он чуть повернул голову, и Ева увидела край его лица — бледный, острый. — Но я тебе его не скажу.

Он снова замолчал. Ева ждала, надеялась, что он скажет ещё что-то — объяснит, успокоит, придумает план. Но он молчал. Только дышал. Только лежал, отвернувшись к стене, и его шрамы на спине в полумраке казались чёрными, как и её будущее.

Она вздохнула и закрыла глаза.

Живот болел. Руки и ноги саднили. В горле пересохло. Но она не стала просить воды. Не стала будить его. Не стала

говорить больше ни слова.

Только слушала. Слушала, как капает вода. Слушала, как дышит Каин. Слушала, как где-то далеко, за толщей земли и камня, ветер гоняет пыль над святилищем.

И постепенно, незаметно, погрузилась в сон — тяжёлый, беспокойный, полный криков и золотых глаз.

Но в этом сне не было Аურიэля. Только тьма. Только цепи. Только она одна, стоящая на коленях в ледяной воде, и чьи-то белые крылья, закрывающие небо.

Она не знала, сколько прошло времени. Сон был тяжёлым, без сновидений, но не освежающим — скорее, похожим на падение в чёрную, вязкую яму, из которой она выбралась с трудом, чувствуя, как голова раскалывается, а тело ломит. Ева не понимала, что разбудило её. Может быть, скрежет камня. Может быть, чужое присутствие. А потом рука — ледяная, сильная — сжала её плечо и резко встряхнула.

— Вставай.

Голос Каина был низким, тихим, но не терпящим возражений. Ева открыла глаза и в темноте увидела его силуэт — чёрный, неподвижный, склонившийся над ней. Он не держал её дольше, чем нужно. Отпустил, отступил на шаг.

Она села, прижимая руку к животу — там снова заныло от голода. Вокруг была та же тьма, только слабый, призрачный свет из щелей наверху рисовал на полу размытые пятна. Глубокая ночь. Тишина стала плотнее, тяжелее, будто сама земля давила на них сверху.

— Что? — спросила Ева, ещё не проснувшись до конца.
— Что случилось? Ангелы?

— Пока нет, — Каин стоял над ней, и в его руке что-то поблёскивало — тускло, зловеще. Он протянул предмет ей.
— Возьми.

Это был осколок. Острый, неправильной формы, отколотый от чего-то — от амфоры, от камня, Ева не поняла. Края его были неровными, и на одном из них темнела запёкшаяся жидкость — может быть, старая кровь, может быть, смола.

— Зачем? — спросила она, не беря.

— Отрежь волосы, — сказал Каин. Просто, будто предлагал отрезать лишнюю нитку. — Они слишком заметны.

Ева замерла. Рука, протянутая к осколку, повисла в воздухе.

— Отрезать *волосы*? — переспросила она, чувствуя, как внутри поднимается что-то горячее, протестующее. — Ты серьёзно?

— Делай. Или я сделаю это сам, — ответил Каин, и в его голосе не было и тени сомнения.

Он опустил осколок на каменный пол рядом с ней, и отошёл на пару шагов, прислонившись к стене. Скрестил руки на груди, и его чёрные глаза в полумраке казались двумя безднами, которые смотрели на неё — и сквозь неё.

Ева взяла осколок. Он был острым — лезвие прорезало бы кожу, если бы она сжала слишком сильно. Холодный, тяжёлый, чужой. Она поднесла его к косе, которая спускалась почти до пояса — чёрная, толстая, почти всегда заплетённая. Она была последним, что напоминало ей о прежней жизни — о полях, о друзьях, о том, кто она есть. Отрезать её — значит, признать, что прошлое не вернуть.

Рука дрожала.

— Я не могу, — прошептала она.

— Можешь, — ответил Каин. Без жалости. Без сочувствия.

— Мои волосы — это — она запнулась, не зная, как объяснить. — Это память. *Единственное*, что у меня есть.

— У тебя есть жизнь, — отрезал Каин. — Пока. Волосы отрастут.

Он был прав. Она знала, что он прав. Но рука всё равно не слушалась, пальцы скользили по лезвию, и холод, исходящий от него, казался таким же ледяным, как его голос.

— Отвернись, — сказала она.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы ты смотрел.

Он усмехнулся — криво, одними уголками губ. Но отвернулся. Его спина снова стала каменной стеной, отделявшей её от мира.

Ева поднесла осколок к косе. Провела пальцами по волосам — чёрным, жёстким, спутанным после всего, что случилось. Вспомнила, как Бри завидовала её густым волосам и говорила: «Боги поцеловали тебя в макушку». Вспомнила, как Ной дёргал за косу, когда они были детьми, и смеялся.

Прощайте, — мысленно сказала она.

Лезвие вошло в волосы. Сначала туго, будто не желая расставаться с тем, что росло так долго. Потом — легче. Ева пилила, отрезая прядь за прядью, и каждый отрезанный локон падал на каменный пол, как мёртвая змея. Пряди. Ещё пряди. Коса становилась короче, легче, и вместе с ней уходила тяжесть — не только волос, но и чего-то другого, что она не могла назвать.

Когда последняя прядь упала, Ева опустила руки. Осколок выпал, звякнув о камень. Она провела пальцами по волосам — они едва доставали до подбородка. Каре. Неровное.

— Готово, — сказала она, и голос её дрогнул.

Каин повернулся. Его чёрные глаза скользнули по её голове, по коротким, неровным прядям, по лицу — бледному, опухшему от слёз. Ни одобрения, ни осуждения.

— Хорошо. Теперь оботрись. Смой кровь и грязь, чем сможешь. А потом надень это.

Он кивнул на ту самую рубаху, что подложил под её голову, когда она была без сознания.

Ева взяла рубаху — мягкую, тёплую, пахнущую им. Пеплом и ещё чем-то древним, забытым. Прижала к груди, чувствуя, как внутри снова поднимаются слёзы, но заставила себя сдержаться.

— Отвернись, — сказала она снова.

Он отвернулся. Молча, без вопросов.

Ева сняла с себя окровавленный хитон. Ткань прилипла к ранам, и она поморщилась, отдирая её. Кожа под ним была грязной, в синяках и порезах. Она оторвала более менее чистый кусок ткани от своего хитона, намочила его водой из фляги, которую Каин оставил у алтаря, и начала обтираться. Холодная вода обжигала, смывая грязь, кровь, пот. Она тёрла кожу, пока та не покраснела, пока не почувствовала, что становится чище.

Потом надела рубаху Каина. Она была большой, свободной, спускалась почти до колен. Ткань пахла им, и этот запах, странный, пугающий, вдруг показался ей почти успокаивающим. Она подвернула рукава, затянула пояс потуже.

— Я готова, — сказала она.

Каин повернулся. Окинул её быстрым, оценивающим взглядом — короткие, неровные волосы, мужская рубаха, босые ноги. Насмешливо ухмыльнулся.

— На бродягу похожа. Но сойдёт.

— *Спасибо*, — сквозь зубы ответила Ева. Слова дались с

трудом.

Он подошёл к ней, взял её старый хитон и отрезанные ко-
сы, собрал всё в кучу. Ева смотрела, как он заворачивает их
в какую-то ткань, как уносит в тёмный угол, чтобы спрятать.

Вернувшись, Каин накинул плащ на голые плечи. Тёмный,
рванный, он скрыл его шрамы, его худобу, его странную, пу-
гающую красоту. Поднял капюшон, и лицо его исчезло в те-
ни. Только светлые пряди волос выбивались из-под ткани, и
выглядывал острый подбородок с сухими губами.

— Мы уходим, — сказал он. — Скоро наступит рассвет.
Нужно добраться до следующего укрытия, пока не взошло
солнце.

— Какое укрытие? — спросила Ева, вставая. Ноги дрожа-
ли, голова кружилась, но она удержалась.

— Там, где нас не найдут. Хотя бы на время.

Он шагнул в тёмный коридор, и его фигура растворилась
в черноте. Ева постояла секунду, глядя в пол и понимая, что
это лишь начало чего-то неотвратимого и ужасающего.

Начало конца.

Глава 10: Desiderium deditionis

Они вышли из подземелья, когда ночь ещё не отпустила землю, но на востоке, там, где восходило солнце, уже брезжил слабый, молочный свет. Время между тьмой и первым лучом, когда мир кажется призраком самого себя, а тени живут своей, обособленной жизнью. Воздух был влажным, пахло прелой листвой, камнем.

Ева ступала босиком по холодной, шершавой земле, и каждый шаг отдавался болью в стопах — мелкие камни впились в кожу, корни деревьев цеплялись за пальцы, а иногда она наступала на что-то острое и шипела сквозь зубы, но не останавливалась. Каин шёл впереди, его тёмный плащ колыбался на ветру, и она смотрела на его спину — широкую, скрытую тканью. Там, где вчера были крылья, сегодня только шрамы и пустота. Или иллюзия пустоты — она не знала.

Зона Отверженных встретила их тишиной. Живой, наполненной шорохами и вздохами. Где-то вдалеке крикнула ночная птица — резко, надрывно, будто её душили. Ветер шелестел в кустах, гнал по земле сухие листья. Камни хранили тепло ушедшего дня.

Руины простирались во все стороны, насколько хватало глаз. Колонны, когда-то поддерживавшие величественные храмы, теперь торчали из земли, как рёбра вымерших зверей. Капители, покрытые мхом и лишайником, хранили сле-

ды древней резьбы — лица, крылья, нимбы. Статуи богов — *или людей?* — лежали в траве, отбитые головы валялись поодаль, и в их пустых глазницах застыла вечность. Фрески, когда-то яркие и живые, выцвели до серо-голубых разводов, и только кое-где можно было разглядеть очертания рук, воздетых в молитве, или профилей, обращённых к небу.

Ева смотрела на эти останки и чувствовала, как внутри, в пустоте, что-то замирает. Когда-то здесь была *жизнь*. Не такая, как в Доминионе, — другая, настоящая. Люди строили, любили, рожали детей, верили в своих богов. А потом пришли ангелы и всё разрушили. Не только камни, но и души. Веру.

Она перевела взгляд на Каина. Он шёл ровно, не оглядываясь, его шаги были бесшумными, как у хищника, крадущегося в зарослях. Ева заметила, что он перед тем, как её разбудить тоже тщательно очистил себя: на висках не осталось следов крови, и даже руки, которые она помнила в красных и золотых разводах, теперь были чистыми. В свете утра его кожа казалась почти прозрачной.

Тишина между ними была плотной, почти осязаемой. Каин молчал, и его молчание давило, как каменная плита. Ева чувствовала, что если она не заговорит, то сойдёт с ума от этой пустоты, от этих руин, от этого ветра, который будто шептал что-то на древнем, забытом языке.

— Каин, — позвала она. Голос прозвучал хрипло, сдержанно, и эхо растаяло среди колонн.

Он не обернулся, но его шаги чуть замедлились. Ева восприняла это как знак — *продолжай*.

— Где твои крылья? — спросила она. — Я видела их на площади. Они, кажется, были... настоящими. А теперь их нет.

Он молчал. Шёл, не ускоряясь и не замедляясь, и его плащ колыхался в такт шагам. Ева ждала, надеясь, что он ответит. Но он продолжал молчать, и это молчание было тяжелее любых слов.

— Я знаю, что ты слышишь меня, — сказала она, повышая голос. — Почему ты не отвечаешь?

— Потому что это не имеет значения, — ответил он наконец. Голос его был ровным, без эмоций, как у человека, который говорит о погоде. — Есть крылья. Или нет. Это неважно.

— Важно для *меня*, — настаивала Ева. — Я хочу понять, кто ты. Ты — человек? Ангел? Кто-то между? Почему ты прячешь крылья, а другие — нет?

Каин остановился. Ева чуть не налетела на него. Он повернул голову, и край капюшона упал, открывая его лицо — бледное, острое, с чёрными глазами. Ветер шевельнул его белые волосы, и на секунду она увидела шрам на губе — белый, плотный, стягивающий кожу в хищную усмешку.

— Я — убийца, — сказал он. — Этого *достаточно*.

Он отвернулся и снова зашагал вперёд. Ева вздохнула, пошла следом, но не отстала. Внутри закипало раздражение — на его молчание, на его холодность, на то, что он не счи-

тал нужным объяснять что-то ей, той, ради кого он рисковал жизнью, терял кровь, сражался с *собственным* братом.

— Аურიэль, — сказала она, и имя прорезало воздух, словно острое лезвие. — Он говорил о тебе. Сказал, что ты убил брата из отчаяния. Что Задкииль воскресил Авеля и сделал своим своим *Серафимом*. А тебя он убил.

Каин резко остановился. На этот раз Ева успела затормозить, но сердце её забилось быстрее — от страха или от надежды, она не знала.

— Не произноси это имя здесь, — сказал он. В его голосе проскользнула сталь — ледяная, жгучая.

— Но нас никто не слышит, — возразила Ева, оглядываясь на руины. — Здесь никого нет.

— Ты уверена? — он поднял голову, глядя в серое небо. Ева проследила за его взглядом, но увидела только облака — тяжёлые, низкие.

Она замолчала, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. Он смотрел на неё чёрными, пустыми глазами, взгляд которых невозможно было физически выдержать.

— Я слышу его во сне, — продолжила она, переходя на шёпот. — Он говорит со мной. Он сказал, что ты должен помочь.

— Должен, — повторил Каин. В его голосе не было уверенности. Была усталость — такая глубокая, что она казалась старше этих руин, старше самой земли.

Он снова зашагал, быстрее, чем прежде. Ева пошла сле-

дом, чувствуя, как изнеможение тяжелеет в ногах, как голод сжимает живот, как короткие волосы щекочут шею. Вокруг были руины — камни, колонны, статуи с отбитыми лицами. И тишина — такая глубокая, такая плотная, что, казалось, она поглощает все звуки.

Ева перестала задавать вопросы. Шла за ним, молча, и смотрела, как на востоке разгорается рассвет.

Вдалеке, на краю слуха, снова слышалось хлопанье крыльев. Ева прислушалась. Шум сразу же стих.

— Птицы? — спросила она.

— Птицы, — ответил Каин, не оборачиваясь.

— Ты уверен?

— Нет.

Он снова замолчал. Ева нахмурилась и нервно прикусила губу.

— В Доминионе почти нет животных, — сказала она, неожиданно для себя самой. Голос прозвучал глухо, будто она разговаривала со стеной. — Я редко видела птиц. Только иногда, высоко в небе, совсем маленькие, как точки. Ангелы не любят их.

Каин не ответил, но чуть склонил голову — жест, который Ева уже научилась читать как «я слушаю».

— Шакалы и койоты, — продолжила она, перебирая в памяти скудные воспоминания. — Их почему-то не трогали. Я часто слышала их по ночам, когда не могла уснуть. Они были тоскливо, страшно, как будто оплакивали кого-то. Моя

подруга Бри говорила, что они питаются падалью.

Она помолчала, чувствуя, как внутри поднимается горечь.

— Наверное, поэтому их и не истребляют. Они полезны.

— Шакалы никому не полезны, — сказал Каин. Голос его был низким, но не равнодушным — в нём проскользнуло что-то, похожее на усмешку, хотя и без тепла. — Они просто выживают там, где другие не могут. Как и мы.

Они вышли на гребень невысокого холма, и мир перед ними изменился. Руины, которые тянулись уже несколько часов, вдруг оборвались, как будто кто-то провёл черту. Дальше была пустошь — не просто земля без зданий, а нечто иное. Серая, выжженная, без единого дерева, без травинки. Почва была потрескавшейся, как старая кожа.

— Пустошь, — сказал Каин.

Ева медленно кивнула, пальцы непроизвольно начали тереть рукав рубашки. Зона Отверженных. *Пустошь*. Место, где нет ни еды, ни воды, ни крыши над головой. Место, куда сбегают.

Я действительно здесь, — безрадостно подумала она. — Я — одна из тех, кто смог сбежать.

— Здесь ничего не растёт, — сказала она, скорее себе, чем Каину.

— Растёт, но не то, что ты думаешь, — ответил он. — Колючка. Чертополох. Иногда — грибы, но они ядовиты. Если хочешь есть, лучше не смотреть под ноги.

— А вода?

— Есть ручьи. Немного. Нужно знать, где искать.

Она смотрела на пустошь, и внутри что-то сжималось. Страх. Перед бесконечностью этой серой, мёртвой земли. Перед тем, что она идёт неизвестно куда, доверившись человеку, которого знает всего несколько дней. Вернее, не человеку, а *первому* убийце, существу с чёрными глазами и крыльями, которые появляются и исчезают по его воле.

Я спятила, — подумала она, и эта мысль была такой холодной, такой отчётливой, что почти успокоила. — *Я действительно спятила. Бежала с казни, отрезала волосы, иду за незнакомцем в пустошь, где меня убьют или я умру сама от голода и жажды.*

Она вспомнила те ночи, когда в её голове впервые зазвучал голос. Древний, усталый. Ауриэль. Это случилось в детстве. Она подумала, что сходит с ума. Пряталась, молчала, боялась, что кто-то узнает. А потом оказалось, что голос — *настоящий*.

И теперь я здесь. Без дома, без друзей, без будущего. Иду за человеком, которому верю только потому, что другой голос сказал: «Он поможет».

Ирония была горькой, как полынь.

Она улыбнулась — криво, одними уголками губ, и в этой улыбке не было радости.

— Ты улыбаешься, — заметил Каин, даже не оборачиваясь. Ева этому не удивилась.

— Думаю о том, какая я дура.

— Это не смешно.

— *Смешно*, — мрачно ответила Ева. — Я доверилась голосу в голове. И теперь бреду через пустошь, чтобы, наверное, умереть.

— Не умрёшь.

— Откуда ты знаешь?

Он привычно промолчал, и в этот раз Ева даже не заупрямилась, не разозлилась, а просто догнала Каина и пошла рядом плечом к плечу. Он не возражал. Может быть, даже не заметил.

Они шли уже несколько часов. Может быть, четыре. Может быть, шесть. Ева потеряла счёт времени. Она переставляла ноги механически, стараясь не думать о боли. Стопы горели — мелкие камни и острые края ракушечника впивались в кожу, оставляя новые порезы поверх старых. Пальцы были в крови, но она давно перестала обращать на это внимание.

Воды оставалось на дне фляги — на два, может быть, три глотка. Каин нёс её за поясом, и Ева знала, что он не предложит, пока она не попросит. Но она не просила. Ей казалось, что если она выпьет сейчас, то не сможет остановиться, выпьет всё, а потом будет ещё хуже. Она терпела. Сжимала челюсти и терпела.

Живот сводило голодом. Глухим, тянущим, как старая рана. Она напоминала о себе ноющей болью, иногда переходящей в спазмы. Ева прижимала руку к животу, стараясь унять

боль, но это не помогало.

Солнце поднялось в зенит и остановилось там, будто застыло, чтобы продлить их мучения. Белый, выжженный свет лился с неба, как расплавленный металл, и некуда было спрятаться — ни тени, ни камня, ни дерева. Пустошь расстилась во все стороны. Ни зелени, ни воды, уже даже птиц в небе не было. Только пыль, которая поднималась при каждом шаге и оседала на ногах, на рубашке, на лице, скрипела на зубах.

Ева смотрела на Каина. Он шёл впереди, и его спина казалась единственной вертикалью в этом сплюснутом, горизонтальном мире. Каин не оглядывался. Он вообще редко оглядывался, будто знал, что она идёт, и знал, что не отстанет. Его уверенность раздражала и одновременно успокаивала.

Они не разговаривали. Молчание стало их языком. Иногда Ева ловила себя на том, что открывает рот, чтобы что-то сказать, но слова застревали в горле. Не потому, что нечего было сказать. Она просто боялась. Боялась, что если заговорит, то рассыплется на куски. Заплачет. Закричит. Упадёт и не встанет.

Поэтому она молчала. Шла, переставляя ноги, и *думала*. Думала о Яннисе. Он приходил к ней в воспоминаниях не тогда, когда она звала, а когда сама пустота внутри решала показать его. Внезапно, без предупреждения. Ева спотыкалась, вздрагивала, и перед глазами вставало его лицо — спокойное и одновременно серьёзное, испещрённое лёгкими

морщинами. Его голос. Глаза, когда он смотрел на неё перед собственной смертью — твёрдые, но полные отчаяния.

Зачем ты это сделал? — мысленно спросила она в сотый раз.

Ответа не было. Только тишина. Только пыль под ногами. Только солнце, которое жгло спину сквозь тонкую ткань рубахи.

А потом, из ниоткуда, в голову пришло другое воспоминание — не о Яннисе, о тех минутах на площади, когда всё смешалось в кровавый хаос. Люди в чёрном. Те, кто напал на ангелов.

Ева вспомнила, как они появились — из задних рядов, из плотной толпы. Они двигались быстро, бесстрашно. Их лица были скрыты капюшонами, в руках — оружие. Они не кричали. Не издавали боевых кличей. Просто набросились на ангелов, сшибая их с ног, вонзая клинки в броню.

Это наверняка были люди. *Простые* люди. Люди, которые осмелились поднять руку на крылатых. Такие же, как Яннис. Как Ной. Как она сама.

Может быть, они из Сопротивления. Те, кто живёт за Стеной. Те, кто отказался подчиняться ангелам.

Конечно, она знала о Сопротивлении раньше. Говорили, что в Зоне Отверженных есть люди, которые не смирились. Которые собираются в группы, тайно тренируются, ждут момента, чтобы *ударить*. Но это были только слухи. Ева никогда не верила в них до конца. Слишком страшно было ве-

ритель. Слишком опасно.

А теперь она увидела их своими глазами. Они были настоящими. Они сражались с ангелами и не бежали.

Но зачем? — вертелось в голове. — Зачем они рисковали? Зачем напали на площадь, где были сотни людей, сотни ангелов, сам Иерарх?

Она не знала. Может быть, они пришли ради неё. Может быть, их послал кто-то, кто знал о приговоре.

— Каин, — голос сорвался, но она заставила себя говорить. — Те люди в чёрном на площади. Ты их помнишь?

Он не обернулся, но шаги его чуть замедлились.

— Помню.

— Ты знаешь, кто они?

— Не знаю, — ответил он. Голос его был ровным, без любопытства.

Она замолчала, чувствуя, как внутри поднимается разочарование. Ей хотелось, чтобы он сказал что-то — объяснил, успокоил, дал надежду. Но он не знал. Или не хотел говорить.

— Они рисковали собой, — сказала она, больше себе, чем ему. — Напали на ангелов, на *Иерарха*. Ради чего?

— Может быть, ради себя. Может быть, они ждали момента. А ты и твоя казнь и стали этим моментом.

Ева признала его версию самой разумной и убедительной, и продолжила размышлять о тех, кто рисковал. О тех, кто, возможно, погиб, прикрывая её побег. О Яннисе, который

умер, потому что не мог поступить иначе.

Она не знала, встретит ли ещё людей Сопротивления. Не знала, выживет ли она, чтобы когда-нибудь пожать им руки или обнять тех, кто остался. Но знала: они есть. И это всё меняло.

Она не помнила момента, когда случился перелом. Просто в какой-то миг тело перестало быть её. Оно превратилось в чужой, тяжёлый мешок, который она волочила за собой, задыхаясь, спотыкаясь, теряя сознание на секунды.

Мир сузился до точки. До земли под ногой. До пыли, которая скрипела на зубах. До солнца, которое давило на затылок, как раскалённый металл. Ева не видела горизонта. Не слышала ветра. В ушах шумела кровь.

Она сделала шаг. Потом другой. Потом нога провалилась в пустоту — *или это земля ушла из-под ног?* — и Ева упала. Сначала на колени, потом на руки, потом щекой в горячую, колючую пыль.

Боль пришла не сразу. Сначала было только удивление: *как легко как просто* А потом тело вспомнило о себе. Стопы горели, пальцы были в крови, колени саднили. Ева зашипела, но не закричала. У неё не осталось сил даже на крик.

Она лежала, прижимаясь щекой к земле, и смотрела вперёд. Пустошь не кончалась. Она простиралась до самого края зрения — серая, ровная, бесконечная. Ни куста, ни тени, ни птицы в небе. Только пыль. Только камни.

Здесь я и умру, — подумала она. — *Не на помосте, не от*

руки ангела. Просто здесь. В пыли. Как собака.

— Вставай, — сказал Каин.

Его голос донёлся откуда-то сверху. Она слышала его, но не могла понять слов. Только интонацию — холодную, требовательную. Как у надсмотрщика на плантации, когда работник падал от истощения, а он кричал и угрожал, заставляя подняться.

— *Вставай*, — повторил он.

Ева подняла голову. Каин стоял в трёх шагах, повернувшись к ней. Его лицо было скрыто капюшоном, но она знала, что он смотрит на неё своими невозможными глазами, в которых не было ни жалости, ни гнева. Только ожидание. Только холод.

— Не могу, — прошептала она.

— Можешь.

— Не могу! — крикнула она, и голос сорвался, рассыпавшись на хрип и кашель.

Она попыталась подняться. Опираясь на дрожащие руки, встала на четвереньки, потом на колени. Тело не слушалось. Мышцы дрожали, суставы ныли, голова кружилась так, что мир пошёл разноцветными кругами. Она упала снова — на бок, в пыль, и не стала подниматься. Только перекатилась на спину, чтобы видеть небо. Белое, выжженное, пустое.

Воды бы. Глоток воды.

Но воды не было. Была только пыль на губах, и соль на щеках — от слёз или от пота, она не знала.

— Я не могу, — сказала она уже шёпотом. — Оставь меня. Я здесь умру.

— Не умрёшь, — ответил Каин.

— Откуда ты знаешь?! — Ева вдруг закричала, и крик этот вырвался из самого дна, из той пустоты, где пряталось всё, что она сдерживала последние дни: страх, голод, боль, отчаяние. — Откуда ты знаешь, что я не умру? Ты не я! Ты не чувствуешь того, что чувствую я! Тебе всё равно! Ты не понимаешь!

Она села, обхватив колени руками. Слезы текли по щекам, смешиваясь с пылью, оставляя грязные, солёные полосы. Она не вытирала их. Не могла. Пальцы дрожали, губы тряслись, и каждое слово давалось с трудом, будто она выплёвывала камни.

— Ты забываешь, — продолжила она, глядя на него снизу вверх, и в её голосе была злость — такая острая, такая жгучая, что она почти перекрывала боль. — Ты забываешь, что я — человек. *Обычный человек.* Я не ангел, не полубог, не та, кто может летать на крыльях и просто убивать, как это делаешь ты. Я привыкла гнуть спину с утра до вечера, но даже работа на плантации не уматывала меня так, как эта бесконечная дорога!

Каин молчал. Стоял, не двигаясь, и его тень падала на неё, чуть прикрывая от солнца, но прохлады не было. Только сухой, горячий воздух, который обжигал горло при каждом вдохе.

— Я не спала нормально несколько дней! — кричала Ева, и голос её срывался на хрип, становился тонким, почти истеричным. — Меня держали в камере! Меня пытались казнить! Меня чуть не убили на площади! А теперь я иду по этой проклятой пустоши уже да я даже не знаю сколько! Восемь часов? Десять? У меня нет обуви, мои ноги в крови, я хочу есть, хочу пить, я просто хочу лечь и умереть!

Она всхлипнула, прижалась лбом к коленям. Плечи задрожали. Из груди вырывались короткие, сдавленные звуки.

— А ты — она подняла голову, и глаза её, красные, опухшие, встретились с его капюшоном. — Ты идёшь, как будто ничего не случилось. Как будто ты не потерял половину крови, не сражался с собственным братом! Ты — *не человек!*

Она замолчала, тяжело дыша. В горле пересохло, язык прилип к нёбу. Она облизала потрескавшиеся губы — соль, горечь, пыль.

— Ты забываешь, что мне больно, — сказала она уже тише, почти спокойно. — Ты просто стоишь и смотришь. Как статуя. Как *ангел*.

Каин пошевелился. Опустил голову, и край капюшона упал ниже, скрывая даже намёк на лицо.

— Я не забываю, — сказал он. Голос его был низким, хриплым, и в нём, впервые за всё время, Ева услышала нечто, похожее на сочувствие.

— Я знаю, что ты — человек, — продолжил он. — Я знаю, что ты устала, что тебе больно, что ты хочешь сдаться. Я

знаю, потому что я *был* человеком. Я помню, что это такое — когда ноги отказываются идти, а ты заставляешь их, потому что иначе умрёшь. Я помню, что такое голод, жажда, страх. Я помню, что такое — *умирать*.

Ева смотрела на него, и слёзы всё ещё текли, но теперь в них не было злости. Только недоумение.

— Тогда почему ты не остановишься? — спросила она. — Почему не дашь мне отдохнуть? Почему гонишь, как скотину?

— Потому что если мы остановимся, нас найдут, — ответил он. — Ангелы наверняка сейчас прочёсывают северную часть Зоны. У нас есть, может быть, три часа, чтобы добраться до укрытия, пока они не расширили зону поиска. Если мы не успеем — нас схватят. И следующая казнь будет не такой быстрой. Задкииль захочет *насладиться*.

Ева вздрогнула. Она представила золотые глаза, ледяную улыбку, белую руку, тянущуюся к ней. Представила, как камень поднимается по ногам, сковывает бёдра, грудь, горло. Как последняя мысль застывает в голове, и она становится вечным памятником собственной беспомощности.

— Какое укрытие? — спросила она сдавленным голосом. — Мы идём уже целую вечность, а вокруг ничего, кроме пыли и камней.

— Мы *должны* идти дальше.

Она замолчала, чувствуя, как внутри борются отчаяние и надежда. Отчаяние было сильнее. Оно тянуло вниз, в эту

пыль, в эту горячую, колючую землю. Оно шептало: *Ложись. Закрой глаза. Всё равно ничего не изменится.*

— Ты хотя бы понимаешь, что я не выдержу? — спросила она, не глядя на него. — Что если мы не остановимся, я просто упаду и не встану?

— Понимаю, — ответил Каин. — Поэтому я здесь.

Он подошёл к ней, и Ева слышала, как пыль скрипит под его ногами. Его тень накрыла её целиком, и на секунду стало легче — солнце перестало жечь лицо.

— Я не просила никого спасти меня, — сказала она, глядя в землю.

— Знаю, — ответил он. — Но я здесь.

— Почему?

— Потому что я обещал Азуриэлю.

— И всё? Этого достаточно, чтобы гнать себя по пустоши, сражаться с братом, быть на грани смерти?

Каин помолчал. Ева подняла голову и увидела, что он протягивает ей руку — бледную, в старых мозолях и шрамах, с длинными пальцами, на которых паутинкой были видны тонкие нити вен.

— Не только, — сказал он. — Но остальное тебе знать не нужно.

Она посмотрела на его ладонь. Потом на его лицо — скрытое капюшоном, непроницаемое, *чужое*.

— Ты хоть имя моё запомнил? — спросила она, и в голосе проскользнула горькая усмешка.

— *Ева*, — ответил он без колебаний. Внутри неё на миг что-то дрогнуло. Её собственное имя из его уст прозвучало как секрет, как что-то ужасно откровенное, *обнажённое*. Словно именно ему запрещалось произносить её имя, и вот наконец он его произнёс — и мир взорвался.

— Прекрасно, — отчего-то робко и нерешительно сказала она, беря его за руку.

Пальцы сомкнулись — холодные, сильные, они подняли её, как пушинку. Ева встала. Ноги дрожали, голова кружилась, мир качался, но она устояла. Он отпустил её руку, но остался рядом.

— Ещё немного, — сказал Каин. — Потерпи.

— А если не дойду?

— Дойдёшь.

— Ты слишком в этом уверен.

— Да, — ответил он. — Потому что если ты не дойдёшь, я понесу тебя. Как тогда. И ты будешь кричать и бить меня, но это всё равно лучше, чем умереть здесь.

Ева усмехнулась — криво, одними уголками губ, и в этой усмешке была и боль, и благодарность, и что-то ещё, что она не могла назвать.

— Ты жестокий, — сказала она.

— Да, — просто ответил Каин, поворачиваясь и шагая вперёд.

Она пошла следом. Шаг. Потом другой. Потом третий.

Пустошь не кончалась. Но она больше не смотрела на неё.

Она смотрела на его спину. И шла. Потому что не могла не идти. Потому что если она остановится — остановится и он? Нет. Он пойдёт дальше. *Один*. Как всегда.

Но она хотела быть рядом. Не из благодарности. Из упрямства. Из того самого, что горело в ней с детства, когда она вставала после удара, когда терпела боль, когда не сдавалась. Когда ангелы пытались подавить в ней свободу.

Глава 11: Lacus

Ева падала, и падение это было мягким, почти ласковым, как если бы сама тьма обняла её и увлекла вниз. Не было страха. Только усталость — такая полная, такая всепоглощающая, что она казалась не недостатком сил, а их избытком, только обращённым внутрь, в самую глубину.

Сначала ничего не было. Ни звука, ни запаха, ни прикосновения. Только пустота. Ева лежала в этой пустоте, не зная, есть ли у неё тело, есть ли у неё глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Она просто была. И этого было *достаточно*.

Потом пришёл холод.

Он родился где-то далеко, на краю сознания, и пополз по невидимым венам, добираясь до сердца, до горла, до кончиков пальцев. Ева вздрогнула, и в тот же миг почувствовала под ногами воду. Ледяную, обжигающую, знакомую до боли. Вода коснулась ступней, обняла лодыжки, поднялась выше, и Ева открыла глаза.

Тьма была вокруг. Живая, густая, пульсирующая, как кровь в гигантских жилах. Она дышала. Она смотрела. Она *ждала*.

Вода доходила до колен. Холод сжал бёдра, но Ева не чувствовала его так, как раньше. Не было той острой, режущей боли, от которой перехватывает дыхание. Было только ощущение — да, холодно, — и всё. Будто тело привыкло. Или

душа.

Она стояла, обнажённая, как всегда здесь, и её короткие, неровно обрезанные волосы щекотали шею. Она провела по ним рукой — мокрые, тяжёлые, непривычные. И улыбнулась. Горько, одними уголками губ.

Я здесь. Снова.

Где-то вдали, за гранью слышимого, зазвенели цепи. Тот же звук — тяжёлый, мерный, как стук гигантского сердца. Ева повернула голову в ту сторону, откуда он шёл, и вгляделась в темноту. Ничего. Только тьма — гуще там, где цепи звенели громче.

— Ауриэль, — позвала она. Голос прозвучал глухо, придушенно, но не испуганно. Только устало.

Цепи зазвенели громче. Из темноты, из самой густой черноты, донёсся голос — низкий, древний, как сама эта тьма. Он не был громким, но заполнил всё пространство, обволок Еву, проник под кожу.

Ты слаба. Я чувствую. Твоё тело на пределе. Но ты жива.

— Да Каин меня спас от смерти, — по какой-то причине ей было сложно сказать это, будто она до сих пор не верила в то, что действительно жива, что — *о, великий Свет* — дышала и разговаривала.

Я знал, что у него получится.

— Но мой друг погиб, — с горечью сказала она, вновь вспоминая последние секунды жизни Янниса.

Мне жаль.

Ева не поверила ему. В этот раз — нет.

— Там, во время моей казни, Каина называли Антихристом.

Она замолчала, вглядываясь в темноту, пытаясь разглядеть хоть проблеск его лица, его глаз.

— Из некоего *пророчества*.

Она замолчала, чувствуя, как внутри, в пустоте, закипает что-то, похожее на гнев — тупой, беспомощный, оттого что её водили за нос, даже здесь, во сне, даже в этой ледяной бездне, где, казалось бы, не должно быть места лжи.

— Я хочу знать правду, Ауриэль. Не намёки. Не загадки. *Правду*. Что это за пророчество? И почему они называли Каина Антихристом?

Цепи зазвенели — не в ответ, а так, сами по себе, будто время текло сквозь них. Голос Ауриэля пришёл не сразу, и когда пришёл — был тише, чем обычно, был почти шёпотом.

Пророчество — это оружие, Ева. Задкииль сам выковал его много циклов назад, чтобы держать ангелов в страхе. Чтобы они служили ему, боясь, что иначе не выживут.

— Но Каин? — настаивала Ева. — Почему они решили, что это он?

Потому что он — первый убийца, восставший из мёртвых.

— Значит, Каин — не Антихрист?

Каин — это... Каин. Он — не разрушитель миров. Он — разрушитель цепей. А это разные вещи.

— Тогда кто Антихрист?

Тишина стала плотной, как смола. Вода перестала плескаться. Ева чувствовала, как время течёт сквозь пальцы, как сон уходит, как тьма сгущается, но она не отступала.

Возможно, его ещё нет.

Наконец ответил Аuriэль.

Возможно, он появится, когда придёт время. Пророчества — это не письма на камне, Ева. Это тени. Они меняются в зависимости от того, кто на них смотрит.

— Ты не знаешь, — сказала Ева, и в голосе её прозвучала не горечь, а холодная, ледяная констатация. — Или не хочешь говорить.

Я знаю только то, что вижу сквозь свои цепи. А вижу я немного.

Ева ясно ощутила, как внутри, в пустоте, зашевелилось *недоверие*. Холодное, цепкое, как та вода, в которой она стояла. Она вдруг поняла, что Аuriэль не говорит ей всего. Он говорит ровно столько, сколько нужно, чтобы она шла вперёд. Не больше.

— Зачем я нужна тебе? — спросила она, и голос её стал твёрже, острее. — Зачем нужна Каину? Зачем нужна *вам*? У меня нет силы, нет оружия. Зачем вы оба рискуете? Зачем Каин тащит меня через Пустошь?

Вода поднялась до пояса. Холод сжал рёбра, но Ева не замолчала.

— Я хочу знать правду. Всю. Не кусочки, не намёки. *Всю*.

Ауриэль молчал так долго, что она почти решила, что он исчез. Но цепи звенели — значит, он был здесь. Думал. Взвешивал каждое слово, как меняла взвешивает монеты на весах.

Я думал, что это очевидно.

Ева раздражённо, почти зло усмехнулась. Этот разговор начинал ей ужасно надоедать.

У тебя нет печати. Ты — чистая. И ты можешь пройти туда, куда не пройдёт никто. В самое сердце Доминиона.

— И что там?

Сердце Задкииля. Не то, что бьётся в его груди, — то, что он спрятал. То, что делает его бессмертным. Если мы найдём его и уничтожим, он падёт. А вместе с ним — вся система печатей.

— Ты хочешь, чтобы я убила *его*? — голос Евы дрогнул.

Я хочу, чтобы ты помогла Каину добраться до него. Только ты можешь пройти сквозь стены, которые он воздвиг. Только у тебя нет клейма, которое закричит о твоём приближении.

— А Каин?

Каин

Ауриэль запнулся, и в этом молчании было что-то, чего

Ева не слышала раньше. Неуверенность. Коледание.

Каин нужен мне. А ты — нужна ему. Он не скажет этого, но без тебя он не сможет. Печать на нём слишком тяжела.

— У него у него есть печать? — в её голос проскользнуло слабое недоверие.

Есть. Но не такая, как у всех. Она разрушительна.

Ева тяжело вздохнула, коснулась лба, потом спрятала лицо в ладонях и покачала головой, словно до сих пор не веря, что столкнулась с чем-то — *или с кем-то?* — невероятно опасным. Что медленно, практически не по своей воле вступила в игру Богов.

— Ты используешь меня, — сказала Ева, и в голосе её прозвучала горечь, смешанная с холодным, ледяным спокойствием. — Как инструмент. Как ключ. Как овцу, которую ведут на заклание.

Все мы используем друг друга, Ева. Я использую Каина. Каин использует тебя. Ты ты можешь использовать нас. Чтобы выжить. Чтобы отомстить. Чтобы обрести свободу. Я не прошу тебя верить мне. Я прошу тебя идти.

— А что будет после? — спросила она, чувствуя, как вода поднимается выше, к сердцу. — Когда Задкииль падёт, когда цепи падут что ты *сделаешь?*

Я стану свободным. И тогда я решу, кем быть.

— Как и я, — тихо сказала Ева.

Как и ты, — эхом отозвался он.

Она почувствовала, как сон уходит, как тьма сгущается, как голос становится глуше, удаляется, тает. Но прежде чем вода захлестнула её с головой, она успела задать последний вопрос — тот, который жёг её изнутри все эти дни, все эти часы бредя по Пустоши.

— Аურიэль, ты веришь в меня? Или я для тебя — просто средство?

Ева открыла глаза и долго не могла понять, где находится, пока взгляд не упёрся в потолок — тёмный, с прогнившими балками, сквозь которые сочился серый, утренний свет.

Они добрались до деревни ещё затемно. Ева помнила только, как рухнула на какой-то твёрдый деревянный настил, как Каин накрыл её своим плащом, как провалилась в сон. А теперь она лежала на грубо сколоченной скамье у стены.

Вокруг были руины. Не те, величественные, с колоннами и статуями, а другие: маленькие, человеческие. Остовы домов, поросшие мхом и диким виноградом, обугленные брёвна, провалившиеся крыши. Когда-то здесь жили люди. А по-

том пришли ангелы, и от деревни остались только камни да этот дом — почти целый, чудом уцелевший, прижавшийся к склону невысокого холма.

Дом был маленьким, наполовину сложенным из грубого камня, с низкой дверью и одним окном, затянутым паутиной. Внутри пахло сухой травой и старой золой. В углу стояла печь, чёрная, с провалившимся сводом. У стены — та самая скамья, на которой лежала Ева. Больше ничего. Только тишина и серый свет, просачивающийся сквозь щели.

Каина не было.

Ева села, и голова закружилась. Она замерла, дожидаясь, пока мир перестанет качаться, и огляделась. На скамье, у её ног, лежало несколько горстей тёмных, почти чёрных ягод — на крупном, выцветшем листе. Рядом стояла глиняная фляга с водой, та самая, которую Каин нёс на поясе.

Он сходил в лес.

Ева вспомнила, что когда они подходили к деревне, она видела вдали полосу зелени — невысокие корявые деревья, кусты, что-то, отдалённо похожее на лес. Значит, он ушёл туда. За ягодами. За водой. Или просто — чтобы побыть одному.

Она взяла флягу, откупорила, сделала маленький глоток. Вода была тёплой, с привкусом глины и железа, но такой сладкой, какой не бывает даже мёд. Ева пила медленно, маленькими глотками, чувствуя, как влага растекается по сухому горлу, по пересохшему языку, по потрескавшимся губам.

Больно не было — только блаженство, почти *запретное*.

Потом она взяла несколько ягод. Они были кислыми, терпкими, с горьковатой кожицей, но она жевала их медленно, смакуя каждую, чувствуя, как по телу разливается тепло. От того, что она жива. Что они дошли. Что есть вода, есть ягоды, есть этот дом, есть несколько часов покоя.

Яннис *мёртв*. Бри *неизвестно* где. Ной — *неизвестно* где. А она сидит в руинах, ест дикие ягоды и пьёт тёплую воду. И чувствует благодарность к человеку, который принёс их. К Каину. К тому, кто спас её, кто нёс на руках, кто не бросил.

Она вспомнила сон. Ледяную воду, звон цепей, голос Ауриэля, который говорил: «*У тебя нет печати. Ты — чистая*».

Чистая, — повторила она мысленно, и это слово показалось ей чужим, неправильным. Она не была чистой. На её руках была кровь — не чужая, своя. Пока что. В её душе — страх, боль, отчаяние, ненависть. Она хотела убивать. Она хотела *мстить*. Она хотела, чтобы Задкииль и все его ангелы сгорели в том огне, который они сами зажгли.

Он использует меня, — с досадой поняла Ева. — *Как нож, который можно направить в сердце врага*.

Ирония была горькой. Всю жизнь она была никем — работницей, обычной трудовой единицей, маленьким камешком в огромном Доминионе. А теперь оказалась нужна. Но не как человек, а как *оружие*.

Но Каин? Он тоже использует меня?

Она вспомнила его лицо в полумраке святилища — бледное, острое, с чёрными глазами, зрачков которых не было видно.

Больше трёхсот двадцати одного цикла. Больше трёхсот двадцати одного цикла одиночества, боли, бегства. И ещё до Великого Сошествия он видел, как рушились империи, как умирали люди, как ангелы захватывали власть. Его убили. Воскресли. И он сохранил в себе *что-то*, что позволяло ему не бросить её, незнакомую девушку, которая должна была умереть на помосте.

Долг. Просто долг. Обещание, — напомнила Ева себе.

Она взяла ещё несколько ягод, положила в рот, прожевала. Кислый сок обжёг нёбо, и она поморщилась, но проглотила.

За окном, в сером свете утра, было тихо. Ни птиц, ни ветра, ни шагов.

Ева отставила флягу, откинулась на стену и закрыла глаза. В голове крутились обрывки сна, обрывки разговоров, обрывки надежд.

Она не верила Ауриэлю. Не до конца. Но что-то в его словах было правдой. Что-то, что заставляло её идти вперёд, несмотря на боль, страх, отчаяние.

Может быть, это и есть вера. Не знание. Не уверенность. Просто — идти, даже когда не видишь дороги.

Она открыла глаза и посмотрела на дверь. Тёмная, грубая, с заржавевшей петлёй. За ней — лес. И *Каин*.

Она не знала, что заставило её встать. Может быть, тишина стала слишком плотной, а может, беспокойство, которое всю ночь грызло изнутри, наконец выгнало с жёсткой скамьи. Ева откинула край плаща, спустила босые ноги на холодный каменный пол и замерла, привыкая к утреннему холоду.

Она вышла из дома, пригнувшись в низком дверном проёме, и мир распахнулся перед ней.

Рассвет только начинался. Небо на востоке светлело, переливаясь от тёмно-сиреневого к нежно-розовому, но солнце ещё не показалось. Всё вокруг тонуло в молочной, зыбкой дымке, в том предрассветном мареве, которое делает предметы расплывчатыми, будто смотришь на них сквозь тонкую кисею. Руины деревни выступали из этой дымки, как скелеты давно умерших зверей: обугленные брёвна, камни, поросшие седым мхом, провалившиеся крыши, из которых торчали ржавые балки.

Лес начинался сразу за последним домом — редкий, но живой. Деревья не были высокими, их ветви искривлены, корявые стволы покрыты лишайником. Но между ними вилась едва заметная тропинка, усыпанная листьями и мелким хвостом. Ева ступила на неё босиком, и холодная роса обожгла ступни. Она вздрогнула, но не остановилась.

Каина нигде не было видно. Только следы — вдавленная трава, сломанная ветка, — вели вглубь леса. Она пошла по ним, стараясь ступать бесшумно, хотя под ногами то и де-

ло хрустели сучья. Воздух становился всё влажнее, прохладнее, и запах прелой листвы смешивался с чем-то свежим, чистым, как родниковая вода.

А потом она услышала плеск.

Тихий, мерный, как будто кто-то осторожно, не спеша, проводил ладонью по водной глади. Ева замерла, прислушиваясь. Плеск повторился — и на этот раз она поняла, что звук идёт не прямо, а чуть левее, за стеной низких кустов и тонких берёз с ободранной корой.

Она свернула с тропы, раздвинула мокрые ветки, и лес расступился.

Озеро было крошечным. Маленьким, как большая лужа, но удивительно круглым и таким неправдоподобно голубым, что казалось, будто кто-то вырезал кусочек неба и опустил его на землю. Вода была прозрачной — до самого дна, выстланного мелкими светлыми камнями и речным песком. Над поверхностью струился пар — слабый, едва заметный, оттого что вода была теплее утреннего воздуха. На противоположном берегу, если этот маленький круг можно было назвать берегом, росла одинокая ива, склонившая ветви почти к самой воде, и они касались её, как пальцы, пробующие невесомость.

Посреди этого голубого, дышащего паром чуда стоял Кайн.

Он был по пояс в воде, и Ева видела его со спины. Вода доходила ему до талии, обнажая широкие, мускулистые пле-

чи, сильную спину, исполосованную шрамами. Шрамы — белые, серебристые, некоторые тонкие, как нити, другие — широкие, рваные, похожие на следы от ударов — тянулись от лопаток до поясницы, пересекали рёбра, терялись под водой. Там, где когда-то были крылья, сейчас зияли два длинных, кривых рубца — бледных, с неровными краями, будто кто-то грубо, без жалости вырвал то, что было дано от рождения.

Ева замерла за деревом, вжавшись руками в шершавый ствол. Сердце колотилось где-то в горле, и она боялась, что он услышит этот стук. Каин не оборачивался. Он стоял неподвижно, чуть наклонив голову, глядя на воду. Или сквозь неё. Его белёсые волосы, мокрые, тяжёлые, падали на лицо, закрывая его наполовину. Вода стекала по его плечам, по рукам, по шрамам, и капли, срываясь с локтей, падали в озеро, расходясь мелкими кругами.

Он был *прекрасен*. Не той холодной, пугающей красотой, от которой отворачиваются в страхе. *Другой*. Суровой, сложенной, как старая ива, которая выдержала сотни бурь, но не переломилась. Каждое движение было медленным, плавным, будто он сам был частью этого озера, этой тишины, этого рассвета.

Ева заворожённо смотрела, как он проводит рукой по лицу, откидывая мокрые пряди, как вода стекает по его шее, по груди, которую она не видела, но могла *вообразить*. Она смотрела на его спину, на шрамы, которые в этом мягком, молочном свете казались не уродством, а письменами —

древними, выжженными знаками, рассказывающими историю, которую никто не прочтёт до конца.

Вода вдруг всплеснула громче. Каин опустил голову, и Ева услышала, как он выдохнул — глубоко, с каким-то странным, почти болезненным облегчением. Пар над озером за клубился гуще, и фигура Каина стала расплывчатой, прозрачной, как сон наяву.

Я не должна здесь быть, — подумала Ева, но не двинулась с места. — *Я не должна смотреть.*

Но не могла отвести взгляд.

Она смотрела на его руки — длинные, узкие, с выступающими венами, которые двигались под кожей, когда он проводил ладонями по воде. На позвонки, выступающие на спине. На шрам на левом боку — старый, давно заживший, но такой глубокий, что, наверное, был виден и спереди.

Кто тебя так? — мысленно спросила она.

Каин не слышал. Он медленно повернулся, и Ева отпрянула за дерево, прижалась щекой к холодной коре, зажмурилась. Сердце билось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Она боялась *дышать*.

Но он её не заметил. Или сделал вид.

Вода снова плеснула — раз, другой. Потом послышался шорох — он выходил на берег. Ева стояла, не шевелясь, чувствуя, как по ногам ползёт утренний холод, как роса пропитывает подол рубахи. Тишина стала почти невыносимой.

Ева сделала шаг назад, потом другой, стараясь ступать так,

чтобы ни одна ветка не хрустнула под босой ногой. Она почти уже скрылась за стволом старой берёзы, когда голос Каина — низкий, ровный, без тени удивления — остановил её: — Не прячься.

Она замерла, прижавшись спиной к шершавой коре. Сердце колотилось где-то в горле, и она боялась, что он услышит этот стук. В груди было тесно, и воздух, такой свежий, такой утренний, вдруг стал тяжёлым, как перед грозой.

— Я не прячусь, — ответила она, не оборачиваясь. Голос прозвучал хрипло, непослушно.

Каин не ответил. Ева стояла, вцепившись пальцами в кору, и чувствовала, как её обрубленные волосы щекочут шею. Стыд? *Нет*. Скорее, неловкость — такая острая, что она почти физически ощущала её на коже.

— Ты давно здесь? — спросил он.

— Я только что вышла, — соврала она. — Хотела найти тебя. Лес лес странный. Я заблудилась.

Она слышала, как он выходит из воды. Шаги — влажные, тяжёлые — зашуршали по песку. Потом тишина. Ева зажмурилась, прикусила губу, чтобы не сказать лишнего.

— Заблудилась, — повторил он. В его голосе не было насмешки — только спокойная, твёрдая уверенность. — И нашла озеро.

— Случайно, — выдохнула Ева.

— *Случайно*, — эхом отозвался Каин.

Повисла тишина. Птицы, которые только начинали петь,

вдруг замолчали. Даже ветер, шелестевший в кронах, притих, будто вслушивался.

Она хотела уйти. *Правда*. Собралась, пригнулась, сделала шаг назад — и врезалась спиной в твёрдую, горячую стену.

Не стену — *грудь*.

Ева дёрнулась, как от удара, и замерла. Сердце пропустило удар, потом забило где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Она подняла голову. Каин стоял вплотную, смотрел сверху вниз, и его лицо было непроницаемым. Белёсые волосы, ещё влажные, падали на лицо, и с них на плечи падали капли.

Как он же только

Он был почти нагим. Только короткие белые льняные штаны, низко сидящие на бёдрах, и больше ничего. Вода стекала по шрамам, и они блестели в утреннем свете.

Грудь Каина была широкой, мускулистой, но не такой, как у многих, а сухой, жилистой, с выступающими ключицами и впалым животом. Тело человека, который много голодал, много сражался, много терял.

Ева смотрела и не могла отвести взгляд. В горле пересохло, ладони вспотели, и она вдруг почувствовала себя такой маленькой, такой неуклюжей, такой *голой*, хотя на ней была его рубаха.

— Ты смотрела на меня, — заметил Каин. Голос его был ровным, но в нём — Ева могла поклясться — проскользнуло что-то, похожее на тень улыбки.

— Я я ухожу, — выдохнула она, пытаюсь обойти его.

Но он не двинулся. Только чуть наклонил голову, и капля с волос сорвалась, упала ей на щёку, потекла по коже, как слеза.

— Ты грязная, — прямо сказал он. — И пахнешь пылью, потом и кровью. Вода чистая. Ополоснись.

Ева замерла. Внутри всё сжалось от смущения. Такого сильного, такого острого, что она не знала, куда девать глаза. Она смотрела на его ключицы, на шрам, пересекающий левую сторону груди, на жилы и вены, вздутые на шее. И не могла смотреть ему в глаза.

— Я отвернусь. И буду охранять, — произнёс Каин, увидев её смятение и растерянность.

Он сделал шаг назад, потом развернулся, пошёл к тому месту, где росла старая ива, и сел на камень, спиной к озеру. Его спина была прямой, голова чуть наклонена, и он смотрел в лес, в ту сторону, в которой они пока не были.

— Не подглядывай, — сказала Ева, и голос её дрогнул.

— Не буду, — ответил Каин. И *ему* она поверила.

Она стояла, не зная, что делать. Рубаха на ней была грязной, пропитанной потом, пылью. Волосы слиплись, под ногтями снова чернела грязь, кожа чесалась от въевшегося песка. Вода в озере была голубой, прозрачной, и пар струился над ней, обещая тепло — или, может быть, *покой*.

Она посмотрела на Каина. Он сидел неподвижно, и в его позе не было ни напряжения, ни ожидания — только спокой-

ствие. Казалось, он мог просидеть так вечность, и ему ничего бы не стоило не обернуться.

— Если ты обманешь, — сказала Ева, снимая рубаху через голову, — я тебя убью.

— Убей, — ответил Каин, не оборачиваясь, но она поняла, что в этот момент он улыбался. — Но сначала вымойся.

Она шагнула в воду.

Ступни коснулись прохладного дна, и Ева вздрогнула — от неожиданности, от контраста. Вода была не ледяной, как в её снах, а прохладной, живой, обволакивающей. Она опустилась глубже, по щиколотку, по колено, по бёдра. Вода смыкалась вокруг неё, гладила кожу, смывала грязь, пот, усталость.

Я не чувствовала этого столько дней, — подумала она. — Я и забыла, как это — быть чистой.

Она окунулась с головой, вынырнула, откидывая мокрые короткие волосы. Вода стекала по лицу, по плечам, по груди, и она чувствовала, как тело оживает, как мышцы расслабляются, как уходит боль, хотя бы на время.

Тишина. Только редкие всплески, только дыхание — её, глубокое, успокаивающееся. Только иногда — шорох листьев, когда ветер пробежал по верхушкам деревьев.

Она посмотрела на Каина. Он сидел всё так же, не двигаясь, и его спина была прямой, как струна. Она вдруг подумала: а что, если он обернётся? Что, если он нарушит слово? И поняла, что ей всё равно. Пусть смотрит. Она устала прятаться. Устала стыдиться. Устала быть той, кто боится.

Она провела руками по худому сухому телу, смывая грязь, и вспомнила, как когда-то, давно видела полуголых Янниса и Ноя. Они мылись в ручье, не стесняясь друг друга. Ева случайно наткнулась на них и отвернулась, не чувствуя ничего, кроме неловкости. Их тела были обычными — крепкими, работающими. Ничего такого, что заставило бы сердце биться быстрее.

А сейчас — сейчас она стояла в голубой воде, и сердце колотилось где-то в горле, и мысли путались.

Потому что он — не они. Потому что он — чужой, опасный, непонятный. Потому что он спас меня, не бросил. Потому что я не знаю, кто он, но хочу узнать.

Глава 12: Praeterita

*Небесный Доминион,
под Вечным Храмом*

Он не спускался сюда триста двадцать один цикл.

Не потому, что боялся — Задкииль не ведал страха, — а потому, что не видел смысла. Ауриэль был заточён, цепи надёжны, подземелье опечатано печатями, которые могли выдержать даже гнев падшего Серафима. Зачем тревожить прошлое? Зачем смотреть в глаза тому, кто когда-то был ближе брата, а стал *предателем*?

Но сегодня он спустился.

Каин *жив*. Каин *отрубил* ему руку. Каин унёс ту девушку — чистую, без печати, — ту, которую *он* выбрал много циклов назад.

Всё связано, — думал Задкииль, спускаясь по каменным ступеням, вырубленным в скале. — *Всё ведёт к нему*.

Лестница была узкой, тёмной, и свет факелов, которые зазглись сами, когда он ступил на первую ступень, отбрасывал дрожащие тени на стены. Сырость поднималась снизу, тяжёлая, холодная, пахнувшая плесенью и чем-то древним, забытым, что лучше бы оставалось забытым. Капли воды падали где-то в глубине, отмеряя время, которое здесь, под землёй, текло иначе — медленнее, тяжелее. Каждый шаг давался Задкиилю с трудом. Воздух становился плотнее, давил на

плечи, на грудь, на горло. Он чувствовал, как печати на стенах пульсируют, узнавая своего создателя, как цепи внизу настораживаются, как сама тьма затаивает дыхание.

Задкииль шёл медленно, его белые одежды струились по камням. Стены были влажными, склизкими, и на них, в тусклом свете, проступали древние письмена — те, что он сам приказал высечь, когда заточил Ауриэля. *«Да будет проклят тот, кто восстал против порядка. Да будут цепи его вечны, как свет. Да не узрит он свободы, пока не падёт Доминион».*

Сейчас эти слова казались ему насмешкой. Он провёл пальцами по одной из рун, и она обожгла его — слабо, едва заметно, но достаточно, чтобы напомнить: здесь, в глубине, даже его власть имела пределы.

Двадцать ступеней. Тридцать. Сорок. Задкииль сбился со счёта. Он никогда не спускался так глубоко — в дни Сошествия строительство Храма только начиналось, и подземелье было сырым, незаконченным. Теперь оно дышало вековой сыростью, и каждый шаг отдавался эхом, которое терялось в чёрной пустоте. Где-то внизу, невидимая, капала вода — мерно, однообразно, как отсчёт времени до конца света.

Впереди показался свет. Тусклый, серебристый, мерцающий, как свет умирающей звезды. Он исходил от цепей.

Они висели в воздухе, не касаясь стен, — десятки цепей, сотни, тысячи, сплетённые в причудливый узор, похожий на паутину. Каждое звено было толщиной в руку взрос-

лого мужчины, и на каждом горели письма — те же, что на стенах, но живые, пульсирующие, дышащие. Свет исходил от них — холодный, белый, почти невыносимый для глаз. Он проникал под кожу, в кости, в самую суть, вызывая странное, щемящее чувство, похожее на тоску по чему-то давно утерянному.

А в центре этой паутины, в самом сердце цепей, висело тело.

Ауриэль.

Задкииль остановился на последней ступени, вглядываясь в того, кого не видел триста двадцать один цикл. И впервые за все эти годы он почувствовал нечто, похожее на беспокойство. Будто где-то внутри, там, где он похоронил свои сомнения, что-то зашевелилось.

Когда-то Ауриэль был прекрасен — как все Серафимы, как сам Задкииль. Высокий, стройный, с золотыми волосами и крыльями, которые сияли ярче солнца. Они вместе вставали на ноги в первый день творения, вместе смотрели, как из хаоса рождается порядок, вместе спускались на землю, чтобы «спасти» человечество. Задкииль помнил его смех — звонкий, искренний, непохожий на холодные улыбки других ангелов. Помнил, как они сидели на краю, очень-очень высоко, за облаками, глядя на первые города, и Ауриэль сказал: «Мы должны защитить их. *Защитить*».

Как давно это было. И как далеко они разошлись. Теперь от той красоты не осталось и следа.

Ауриэль был нагим — одежда истлела много циклов назад, — и его тело, бледное, исхудавшее, было исполосовано шрамами. Не от пыток — цепи не касались плоти, — от времени. От голода, которого не мог утолить ни один смертный. От одиночества, которое разъедало душу быстрее любой кислоты. От бесконечных, бесконечных циклов, когда единственным собеседником был звон цепей.

Крылья его были вырваны. Там, где когда-то росли огромные золотые крылья, зияли два чёрных, запёкшихся провала, и в них, в этих ранах, всё ещё сочился свет — слабый, умирающий, как последний вздох. Когда-то эти крылья могли закрыть собой солнце. Теперь они напоминали о том, что ангелы действительно смертны.

Лицо Ауриэля было скрыто за спутанными волосами. Они упали на лицо, и Задкииль не видел глаз. Только губы — сухие, потрескавшиеся — шевелились, произнося что-то, чего он не мог разобрать. Но даже здесь, даже в таком состоянии, Ауриэль внушал странное, почти иррациональное чувство. *Предчувствие*. Будто эта изувеченная, обессиленная плоть всё ещё хранила в себе искру той древней силы, которая когда-то могла противостоять самому Иерарху.

Задкииль почувствовал, как по спине пробежал холодок. Тот, что рождается там, где разум сталкивается с тем, чего не может объяснить. Здесь, в этой темноте, Ауриэль даже в цепях оставался опасным. Оставался угрозой.

— Ауриэль, — сказал Задкииль, и его голос эхом разнёсся

по подземелью.

Цепи зазвенели. Тихо, почти нежно, как будто кто-то провёл пальцами по струнам арфы. Тело Ауриэля дёрнулось в пробуждении. Медленно, с трудом, как будто каждое движение требовало усилий, на которые он уже не был способен, он поднял голову.

Тусклые волосы раздвинулись, и на свет выступили глаза.

Чёрные. Глубокие, как колодцы, уходящие в самое сердце тьмы. В них, на самом дне, всё ещё горел огонь. Слабый, умирающий, но живой. И когда эти глаза встретились с золотыми глазами Задкииля, Иерарх почувствовал, как время остановилось.

— Задкииль, — ответил голос. Низкий, хриплый, надорванный, но в нём, в этом голосе, не было слабости. Было что-то другое — древнее, усталое, но несгибаемое. Память о том, кем он был. И предупреждение о том, кем он *может* стать. — Я ждал тебя. Триста двадцать один цикл. Ты всё-таки пришёл.

— Я не собирался приходить, — сказал Задкииль. Он остановился в нескольких шагах от цепей, не решаясь приблизиться. Воздух здесь был другим — тяжёлым, густым, напитанным страданием и чем-то ещё, чему он не мог найти названия. — Но обстоятельства изменились.

— *Обстоятельства,* — повторил Ауриэль, и в голосе его послышалась усмешка. Та самая, знакомая, которую Задкииль слышал тысячу циклов назад — когда они были братья-

ми. — Ты о тех, кто бежит по Пустоши?

Задкииль промолчал. Его левая рука сжалась в кулак, но он не подал виду. Только золотые глаза чуть сузились, и в них мелькнула тень ярости.

— Ты много знаешь для того, кто прикован к стене, — сказал он.

— Я много слышу, — ответил Ауриэль. Цепи зазвенели, когда он чуть повернул голову, и в этом звоне послышалось что-то похожее на смех. — Твои ангелы — болтливые. Они приходят, смотрят, шепчутся. Думают, я не слышу. Но я слышу всё. Каждое слово. Каждый страх. Каждую ложь, которую ты им вливаешь в уши.

Задкииль шагнул вперёд. Свет цепей упал на его лицо — белое, правильное, с золотыми глазами, в которых сейчас не было ни гнева, ни страха. Только холодное, ледяное любопытство.

— Ты знаешь, зачем я пришёл, — сказал он.

— Догадываюсь, — ответил Ауриэль. Его голос стал тише, но в этой тишине было больше силы, чем в любом крике. — Ты хочешь узнать, как остановить то, что уже началось. Как вернуть то, что ускользает. Как сохранить порядок, который трещит по швам. — Он помолчал, его губы слегка дрогнули. — Но ты не получишь ответа. Не от меня.

— Я не за ответом, — хмыкнул Задкииль. — Я за подтверждением.

— Подтверждением чего?

— Что ты стоишь за ними.

Ауриэль молчал. Его чёрные глаза смотрели на Задкииля, и в них не было ни подтверждения, ни отрицания. Только тишина.

— Ты уже знаешь, — наконец сказал он. — Поэтому и пришёл.

Задкииль промолчал. Он не собирался подтверждать догадки своего узника. Но Ауриэль, кажется, и не нуждался в подтверждении. Он просто знал. Как знал всегда.

— Каин никогда бы не восстал сам, — продолжил Ауриэль. — Твоя печать слишком сильна. Кто-то должен был подтолкнуть его. Кто-то должен был дать ему цель. Долг. Имя, за которое стоит сражаться.

— Ты, — сказал Задкииль, и в голосе его прозвучала сталь.

— Я, — согласился Ауриэль. — И не только я.

— *Девушка*, — Задкииль почувствовал, как его руки дрожат от напряжения. От того, что правда, которую он подозревал, становилась явью. — Ты говорил с ней. Не знаю, *как*, но говорил. Это из-за тебя она *такая*.

Ауриэль не ответил. Его чёрные глаза блеснули в полумраке, и Задкииль вдруг понял, что смотрит не на узника — на *палача*. На того, кто медленно, цикл за циклом, плел свою паутину, ожидая момента, чтобы нанести удар.

— Она — не твоя, — сказал Задкииль, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём проскользнуло что-то, похожее

на отчаяние. — Она — *моя*. Все люди — *мои*. Я создал этот порядок. Я дал им защиту, еду, кров. Я спас их от хаоса.

— Ты поработил их, — тихо сказал Аურიэль. — Ты надел на них цепи, как надел на меня. Только их цепи — из страха. И ты знаешь это. Ты всегда знал.

Задкииль шагнул вперёд, почти коснувшись цепей. Свет письмен вспыхнул ярче, обжёг лицо, но он не отступил.

— Я спас их от самих себя. Ты всегда игнорировал то, что творилось до Сошествия. Войны, резня, насилие. Дети убивали родителей. Родители продавали детей. Я дал им *мир*.

— Ты дал им молчание, — ответил Аურიэль. — Это разные вещи.

Задкииль посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. В его золотых глазах кипела ярость — сдержанная, но готовая прорваться. Он хотел закричать, что Аურიэль ничего не понимает, что он слишком долго сидел в темноте, что он не видел, как люди благословляют ангелов, как молятся на них, как целуют их руки, как падают на колени.

Но он не сказал этого. Потому что знал: Аურიэль прав. И эта правда жгла сильнее, чем любая рана.

— Ты не выйдешь отсюда, — холодно сказал Задкииль, отступая. — Цепи вечны. Я усилил их. Даже если Каин придёт — он не сможет их разорвать.

— Ничто не вечно, — ответил Аურიэль. — Даже твоя власть. Даже цепи, которые ты называешь вечными.

— Ты ничего не знаешь, — прошептал Задкииль.

— Я знаю, что ты боишься, — сказал Аურიэль. — Я чувствую это. Твои руки дрожат. Ты боишься не Каина и не девушки. Ты боишься того, что они разбудят в людях. Свободу. Надежду. Гнев.

Задкииль отвернулся. Он не мог больше смотреть на это изувеченное тело, на эти спутанные волосы, на этот голос, который даже здесь, в цепях, звучал как приговор. Он чувствовал, как внутри что-то рушится. Вера в то, что он делает правильно. Вера в то, что порядок важнее свободы. Вера в то, что он — не тиран, а спаситель.

— Прощай, Аურიэль, — сказал он, направляясь к лестнице. Его шаги были тяжёлыми и глухими.

— *Увидимся*, — ответил Аურიэль.

Задкииль замер на мгновение, не оборачиваясь.

— Твой последний рассвет уже близко

Задкииль зашагал вверх, и его шаги эхом разносились по подземелью. Цепи звенели всё тише, всё тише, пока не замерли совсем. Но в темноте, в самом сердце паутины, Аურიэль улыбнулся. Его чёрные глаза горели, как угли в пепле.

— Иди, — прошептал он. — Иди, *Иерарх*. Время работает на меня.

Тьма сомкнулась. Но в этой тьме, в этой тишине, Аურიэль чувствовал — что-то изменилось. Задкииль ушёл не победителем. Он ушёл сомневающимся. И этого было достаточно.

Плац для тренировок Ангелов Власти находился далеко за пределами Великого Храма, на одном из восточных выступов горной гряды, где кончались мраморные лестницы и начиналось царство голого, обветренного камня. Здесь был только ветер — влажный, солёный, пахнувший далёкими грозами, которые никогда не достигали этих высот. Только камни — чёрные, отполированные тысячами шагов, иссечённые трещинами, в которые за многие циклы впиталась золотая кровь. Только небо — бесконечное, равнодушное, закрытое пеленой облаков.

Авель стоял на краю скального обрыва, скрестив руки на груди, и смотрел вниз, на тренировочную площадку. Его белые одежды, расшитые золотыми письменами, струились на ветру, и короткие белые волосы трепало, бросая на лицо рваные тени. Он был неподвижен, как статуя, — только иногда кончики пальцев касались рукояти меча, висевшего на поясе, проверяя, на месте ли оружие. Жест был автоматическим, выработанным за сотни циклов. Он даже не замечал его.

Внизу тренировались ангелы Власти. Их было три десятка, может быть, больше — Авель не считал. Они двигались в унисон, как единый организм, подчиняясь не командам командира, а какому-то внутреннему, невидимому ритму. Взмахи мечей, прыжки, перекаты, взлёты — всё это было отточено до совершенства. Ни лишних движений, ни колебаний, ни сомнений. Только звон металла, только редкий шелест крыльев, только глухое, мерное дыхание, которое, казалось, принадлежало одному гигантскому зверю.

Авель не видел их. Его голубые глаза — холодные, как глубинная вода ледниковых озёр, — смотрели сквозь серые фигуры, сквозь скалы, сквозь время. Он смотрел в *прошлое*.

Каин жив

Эта мысль не отпускала его несколько дней. Она впиалась в сознание, как заноза, как копьё, которое нельзя вытащить, не разорвав плоть. Каин. *Брат*. Убийца. Тот, кого он похоронил триста двадцать один цикл назад. Тот, кого оплакал, проклинал, вычеркнул из памяти — или сделал вид, что вычеркнул. И вот теперь он стоит на площади, с чёрными крыльями и чёрным мечом, и смотрит на Авеля с ненавистью, которая старше их обоих. Старше этой земли. Старше самого Завета.

Я должен был убить его тогда, — подумал Авель, и его тонкие, бледные губы сжались в тонкую, почти незаметную линию. — *Я должен был не слушать Задкииля. Нанести удар, пока он был слаб. Пока девчонка не пришла в себя, не*

подняла с земли копьё, не метнула его в меня.

Он вспомнил тот миг. Белый свет его меча, разящий, неотвратимый, — и чёрный клинок Каина, поднявшийся навстречу. Они столкнулись, и мир взорвался искрами, золотыми и чёрными, как день и ночь, как жизнь и смерть. Авель был сильнее — он чувствовал это. Его рука не дрожала, крылья несли его уверенно, меч *пел* песню победы. Но в тот миг, когда чёрные глаза встретились с его, что-то внутри дрогнуло. Что-то древнее, забытое, похороненное под слоями циклов и крови.

Тоска. Тоска по тому мальчику на берегу реки, который ловил рыбу руками, строил башни из камней и называл его «брат». Тоска по голосу, который шептал: *«Никто не тронет тебя, пока я рядом»*. Тоска по времени, когда мир был простым, а зло не носило белых одежд и не называло себя правосудием.

Внизу ангелы Власти закончили общее упражнение и замерли, ожидая следующей команды. Их командир — высокий, с двумя парами крыльев, в шлеме без прорезей для глаз, — повернулся к Авелю, слепо глядя в его сторону. Авель чуть наклонил голову — жест, означавший разрешение продолжить. Командир кивнул и отдал приказ, который потонул в шуме ветра, но ангелы поняли. Они разошлись, приступив к индивидуальной отработке. Мечи засверкали на сером, безнадёжном солнце, и звон металла разнёсся по скалистому плато, отразился от чёрных камней, упал в пропасть.

Авель смотрел на это, и его мысли снова ушли в прошлое.

Мы были первыми. Первыми детьми. Первыми братьями. Я помню его руки — сильные, тёплые, покрытые мелкими царапинами от веток и камней. Они поднимали меня, когда я падал, обнимали, когда я плакал, заслоняли от солнца, когда я уставал. Я помню его смех — громкий, раскатистый, он пугал птиц в долине, и они взлетали стаями, закрывая небо. Я помню, как он говорил: «Никто не тронет тебя, пока я рядом». И я верил. Я верил, потому что он был сильным. Потому что он был старшим. Потому что он был моим братом.

Авель закрыл глаза, и перед внутренним взором встала картина — такая яркая, такая болезненная, что у него перехватило дыхание. Два мальчика на берегу реки. Один — высокий, темноволосый, с серьёзными, почти взрослыми глазами, в которых уже тогда горел огонь. Другой — младший, светловолосый, с руками, испачканными в глине, с разбитыми коленями и улыбкой, которая могла растопить лёд. Они лепят фигурки зверей — льва, орла, змею, — потом смотрят, как вода уносит их вниз по течению, и смеются, потому что это игра, потому что завтра они сделают новых, потому что время — это песок, который можно пересыпать из ладони в ладонь.

А потом — другой день. День, когда смех смолк навсегда. Каин стоял над ним с камнем в руке, с глазами, не выражающими абсолютно *ничего*. Мир померк быстро, даже не боль-

но.

А потом — свет. Золотой, ослепительный, *чуждый*. Задкииль протягивал руку, и его голос звучал, как приговор: *«Я даю тебе новую жизнь. Ты станешь моим мечом. Ты будешь вершить правосудие. Ты забудешь прошлое, ибо прошлое — это слабость»*.

Я не забыл, — подумал Авель, открывая глаза. — Я лишь сделал вид, что забыл. Я похоронил память так глубоко, как только мог — под циклы битв, под горы трупов, под золото своих одежд. Но она жива. Она всегда была жива. Она ждала этого дня, чтобы поднять голову и закричать: «Ты помнишь его? Ты помнишь, кем он был? Ты помнишь, кем вы были друг для друга?»

Внизу один из ангелов замешкался — может быть, ветер ударил в лицо, может быть, камень под ногой оказался скользким, — и пропустил удар. Меч противника вошёл в плечо, прямо под доспех, и золотая кровь брызнула на чёрные плиты, как расплавленное золото. Ангел не закричал. Даже не вздрогнул. Он отступил, зажал рану ладонью, поклонился — сначала противнику, потом командиру — и занял место в строю.

Авель усмехнулся. Усмешка была холодной, одними уголками губ, и в ней не было ни жалости, ни одобрения — только констатация факта. Сила должна быть жестокой. Слабость не прощают. Его учили этому триста двадцать один цикл — сначала на собственной шкуре, потом на шкурах других. Он

научил этому своих подчинённых. Он не сомневался, что они запомнят урок.

— Сильнее, — сказал он, и голос его — низкий, металлический, лишённый всякой интонации — разнёсся над плацем, перекрывая ветер. — Вы должны быть быстрее, жёстче, безжалостнее. Каждая ошибка здесь — это смерть *там*.

Ангелы замерли на мгновение, впитывая его слова, а потом задвигались быстрее, агрессивнее, злее. Мечи засвистели в воздухе, крылья забили чаще, поднимая тучи пыли. Золотая кровь, оставшаяся на камнях, смешалась с серой пылью, и Авель смотрел на это, и его глаза горели холодным, ледяным огнём.

Каин, — снова подумал он, и мысль эта была острой, как лезвие его меча. — Ты думаешь, что сможешь победить? Что твоя ненависть сильнее моего долга? Что твои чёрные крылья смогут поднять тебя выше моих?

Он вспомнил их схватку на площади — как клинки встретились, как искры посыпались в разные стороны, как воздух загудел от напряжения, как земля под ногами дрогнула. Каин был силён. Сильнее, чем он помнил. Сильнее, чем любой ангел, с которым Авелю приходилось скрещивать меч. В нём жила сила того Серафима *Ауриэля* — древняя, дикая, не знающая границ. Но Авель тоже был силён. Сильнее, чем думал Каин. Он выжил. Он подчинил себе этот мир. Он стал правой рукой Иерарха. Он не собирался уступать.

В следующей встрече я не отступлю, — пообещал он се-

бе. — *Не послушаю приказов. Не позволю Задкиилю встать между нами. Я убью тебя, Каин. Своими руками. Своим мечом. И тогда — наконец — эта боль утихнет.*

Но почему тогда внутри, в груди, он чувствует эту тупую, ноющую боль? Почему, когда он представляет, как его меч входит в чужую плоть — в плоть брата, — он не чувствует радости? Только пустоту. Только холод. Только эхо чьего-то крика, который он не слышал триста двадцать один цикл, но помнил так ясно, будто это было вчера.

Я не знаю, что это, — признался он себе. — Может быть, остатки человеческого. Может быть, проклятие, которое я ношу с собой со дня своего рождения. Может быть, тоска по тому, что никогда не вернуть.

Ветер на краю обрыва завыл сильнее, и облака сгустились, закрывая последние проблески света. Авель поднял голову, посмотрел в небо — серое, бесконечное, равнодушное, как взгляд Задкииля, когда тот отдавал приказы. В небе не было ничего — ни птиц, ни ангелов, ни надежды.

— Командир, — позвал Авель, не повышая голоса.

Высокий ангел с двумя парами крыльев подошёл, бесшумно ступая по камням. Он замер в двух шагах, склонил голову.

— Господин.

— Усиьте тренировки, — приказал Авель. — Пусть занимаются до изнеможения.

— Слушаюсь.

Он отошёл, отдал приказ, и крики разнеслись над плацем. Мечи зазвенели громче, крылья забили чаще, и в воздухе запахло золотой кровью — свежей, горячей, живой. Авель смотрел на это, и его губы кривились в холодной, торжествующей усмешке.

Но внутри, в глубине, где свет встречался с тьмой, что-то дрожало. Беззвучно. Безнадёжно.

Авель отвернулся от плаца и пошёл к выходу. Его белые одежды струились по чёрным камням, оставляя за собой едва заметный золотистый след — отблеск его силы, которую он не мог скрыть даже здесь, даже наедине с собой. Ветер трепал короткие белые волосы. Он не оглядывался. Он не смотрел на ангелов, которые тренировались, чтобы уничтожить врагов Иерарха. Он смотрел внутрь себя. Туда, где жила ненависть. И туда, где жила тоска.

Я найду тебя, Каин, — пообещал он мысленно. — Где бы ты ни прятался. В Зоне Отверженных, в руинах, в самой глубине земли. Я найду тебя. И тогда мы закончим то, что начали очень давно. Один из нас умрёт. И это буду не я.

Он вышел на тропу, ведущую к Вечному Храму, и его фигура растаяла в сером, утреннем тумане, который полз снизу, из долины, заполняя собой всё пространство между скалами. Сзади, на плацу, ангелы Власти продолжали тренировку. Их мечи сверкали, и звон металла разносился над горами, как предвестие грядущей битвы. Как эхо войны, которая ещё не началась, но уже была неизбежна.

Авель шёл, не ускоряя шага. Его мысли были тяжёлыми, как камни под ногами. И только одна, самая горькая, билась в висках, как птица в клетке:

Я ненавижу тебя, брат. Но я ненавижу и себя за то, что не могу забыть, кем ты был. И кем мы были.

Глава 13: In ducimus

Зона Отверженных

Пустошь слегка изменилась — вместо бесконечной серой равнины начали попадаться невысокие каменистые холмы, поросшие жесткой, колючей травой. Кое-где из трещин в земле пробивались чахлые кусты, и воздух стал чуть влажнее, будто где-то рядом была вода. Ева чувствовала это кожей — прохладный, почти сладкий ветер, который касался лица, как обещание.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в кроваво-оранжевые тона. Закат взорвался красками — багровые, пурпурные, золотые полосы тянулись от края до края, и тучи, подсвеченные снизу, казались раскалённым металлом. Тени вытягивались, становились длинными, как пальцы, тянущиеся к ним.

Каин шёл впереди, его плащ колыхался на ветру, и тень падала на камни, удлинняясь до нелепых пропорций. Ева смотрела на его спину и думала о том, как странно, что она доверяет ему. Этому человеку — *или не человеку*, — который молчит, не объясняет, не обещает. Но идёт. Всегда идёт впереди.

Они подошли к невысокому холму, и Каин внезапно остановился на вершине, глядя вдаль. Ева подошла к нему, встала рядом, перевела дыхание.

— Что такое? — спросила она, щурясь на горизонт.

Он не ответил, и от этого странного молчания Ева почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она оглянулась — земля позади была пуста, только камни и серая трава, колышущаяся на ветру. Впереди — ещё больше холмов, и вдалеке — торчащие кроны деревьев.

— Надо уходить, — сказал Каин, и в его голосе впервые за всё время проскользнула острая, колючая нотка настороженности.

Он схватил её за руку — сильно, почти до боли, и потянул вниз, за холм. Ева не успела спросить, что случилось, как воздух вокруг них *взорвался*.

Звук был резким, пронзительным, как удар хлыста. Ева почувствовала, как мимо её лица пролетает что-то тёмное, острое, и в тот же миг земля перед ними вспучилась, разлетаясь камнями и пылью. *Коньё*. Тяжёлое, металлическое, с золотым наконечником, вонзилось в землю там, где она стояла секунду назад.

— Беги! — крикнул Каин, отпуская её руку и разворачиваясь.

Ева покатилась по камням, обдирая локти и колени, и вскочила на ноги, оглядываясь. Из-за холма, на фоне багрового заката, поднимались фигуры. Ангелы Власти. Их было пять. Нет, *шесть*. Они двигались с той механической, безжалостной точностью, которую Ева видела на площади, но теперь здесь, в пустоши, они казались ещё страшнее. На фо-

не догорающего солнца их силуэты были чёрными, как вырезанные из железа, и в руках каждого блеснул клинок.

Каин шагнул вперёд, и Ева увидела, как его рука метнулась к земле, туда, где торчало копьё — то самое, что только что пыталось убить её. Он вырвал его из камней, и в его руке оно выглядело почти естественно — как продолжение его тела. Он стоял, как простой человек, с копьём в руке, и его тёмный плащ развевался на ветру, обнажая его бледное, исполосованное шрамами тело.

Ева замерла на мгновение, потом развернулась и побежала, потому что знала: если она останется, он будет отвлекаться. Она спряталась за грудой камней, в сотне шагов, и оттуда, сквозь просветы, видела всё.

Первый ангел набросился на Каина с криком — глухим, низким, похожим на рёв. Его меч описал дугу, целя в голову. Каин ушёл в сторону, и копьё его взметнулось вверх для блока. Металл зазвенел, искры посыпались. Каин не отступил — он шагнул вперёд, используя момент, и древко копья ударило ангела в грудь, отбрасывая его назад. Но ангел не упал, он только пошатнулся.

Двое других напали с боков. Каин крутанулся, и копьё его описало широкую дугу, доставая обоих. Один из ангелов отскочил, второй получил удар древком по голове и покачнулся. Но их было слишком много. Ева видела, как Каин движется — быстро, резко, но с каждым ударом его движения становились чуть медленнее, чуть тяжелее. Он был устав-

шим. Старая рана на боку, которую он получил на площади, всё ещё не зажила. И крыльев не было. Он бился как *человек*.

И одновременно с этим... он бился как *зверь*.

Ева видела, как его копьё вонзилось в плечо ближайшего ангела — глубоко, до кости. Ангелы будто бы не чувствовали боли, не воспринимали полученные раны, не издавали каких-либо звуков. Каин выдернул копьё, и золотая кровь брызнула на камни, горячая, яркая, как расплавленное золото. Ангел упал на колени. Каин сразу же повернулся к следующему, нанося рубящий удар, от которого тот едва увернулся.

Ева смотрела на это, затаив дыхание. Она *смотрела* на жестокость Каина. Живую, инстинктивную, почти звериную. И *почти* восторгалась. Его движения были резкими, неотточенными, но в них чувствовалась смертельная сила. Когда он ударял, он вкладывал в удар всю свою усталость, всю свою ярость — и это было страшнее, чем любое изящное движение.

Но ангелы не отступали. Их было слишком много, и они не боялись. Они просто выполняли приказ — убить их или вернуть Иерарху.

Копьё Каина снова нашло цель — на этот раз в бедре ангела. Тот рухнул, и Каин вырвал копьё, оставляя за собой след из золотой крови. Но в тот же миг другой ангел ударил его сзади — мечом по спине. Ева услышала звук — глухой, влажный, — и её сердце сжалось. Каин пошатнулся, но

не упал. Он развернулся, и его лицо в закатном свете было бледным, почти призрачным, но глаза горели чёрным огнём.

— *Ты* — прошипел он, и в голосе его слышалась такая ярость, что Ева похолодела.

Он бросился вперёд, забыв о защите. Копьё его пронзило грудь ангела, который ударил его, насквозь — так, что золотой наконечник вышел из спины. Ангел медленно осел на землю. Каин вырвал копьё, и тело ангела упало на камни, заливая их золотом.

Но теперь их осталось четверо. И они наступали одновременно.

Ева видела, как Каин отбивается, как копьё его мелькает в воздухе, как он кружится, уходя от ударов, как его дыхание становится тяжёлым, хриплым. Кровь текла по спине, по рукам. Он был изранен, измотан, но продолжал биться.

Она хотела крикнуть ему, чтобы он расправил крылья, чтобы использовал свою силу, но не могла. Слова застряли в горле. Она видела, как он бьётся, и понимала, что он не использует свою *истинную* мощь. Потому что если он выпустит её, он может уничтожить всё вокруг. И её. И себя.

Один из ангелов полоснул мечом по левой руке Каина, оставляя глубокий порез. Каин зашипел, но не остановился — он ударил копьём в ответ, и ангел отлетел, ломая крыло. Но этого было недостаточно.

Ева не выдержала. Она вскочила из-за камней и закричала:

— Каин! *Крылья!* Используй крылья!

Он услышал её. На мгновение его глаза встретились с её глазами — чёрные, бездонные, в которых горела усталость, гнев, и что-то ещё, что она не могла разобрать. И в тот же миг что-то изменилось.

Чёрные крылья расправились за его спиной — не плавно, не медленно, а рывком, как будто их вырвали из его плоти. Они были огромными, рваными, с запекшейся кровью. Когда они раскрылись, ангелы на мгновение замерли, и это замедление стоило им жизни.

Каин невысоко взлетел и в его руках копьё затянулось чёрным, мерцающим светом. Он обрушился на ангелов, как чёрный столп, и в его ударе было столько силы, что земля под ними содрогнулась.

Первый ангел исчез — *просто исчез*, рассыпавшись на золотые искры, когда копьё коснулось его. Второй попытался бежать, но Каин был быстрее — копьё вонзилось в его спину, пробивая доспехи. Третий и четвёртый бросились на него с двух сторон, но Каин ушёл вверх, а затем обрушился вниз, и его копьё описало смертоносную дугу, сметая их с ног.

Бой закончился так же внезапно, как начался.

Копьё выпало из его руки. Просто разжались пальцы, и древко, ещё тёплое от чужой крови, глухо стукнулось о камень, покатилося и замерло в пыли. Крылья, появившиеся резко и внезапно, точно также и пропали, словно растворились в воздухе. Каин не удержался на ногах. Он рухнул на

колени, и его тело, такое сильное, такое непобедимое всего мгновение назад, теперь казалось сломанным, беспомощным, будто вместе с последним ангелом ушла и его *сила*.

Ева подбежала к нему, упала рядом, не чувствуя боли от удара о камни. Её руки дрожали, когда она коснулась его плеча, мокрого от пота и крови. Он даже не вздрогнул. Не отодвинулся. Только наклонил голову, глядя в землю, и его дыхание было прерывистым, тяжёлым, будто внутри него что-то рвалось.

— Каин! Каин, смотри на меня! — закричала Ева, хватая его за подбородок, пытаясь поднять голову. Её пальцы скользнули по его коже — липкой, горячей, будто кровь внутри него горела. — Ты слышишь меня?!

Он поднял голову. Его тёмные глаза встретились с её. В них не было ни страха, ни боли, ни паники.

— Слышу, — ответил он. Голос его был низким, ровным, абсолютно *спокойным*. — Не кричи.

— Ты ранен! — Ева опустила взгляд на его спину, где сочилась кровь — густая, почти не отражающая света. Рана была глубокой — меч прошёлся почти до рёбер, оставляя рваный, неровный край, и даже было видно, как края плоти расходятся. — Я должна я зажму перевязать

Она сорвала с себя кусок рубахи, прижала к ране. Каин вздрогнул — впервые, на долю секунды, его дыхание перехватило. Но потом он расслабился, и его рука — горячая, сильная — накрыла её ладонь, прижимая ткань к ране.

— Поможет, — сказал он, и в голосе его проскользнула насмешка. — Не много. Но поможет.

— Это не смешно! — голос Евы сорвался, и она почувствовала, как к глазам подступают слёзы. — Ты можешь умереть! И я даже не знаю, как тебе помочь!

Каин посмотрел на неё. Его непроглядные глаза вдруг стали чуть мягче, чуть теплее. Может быть, ей показалось. Может быть, это игра света, заката, который уже почти погас.

Он прикрыл веки, и его голова откинулась назад, ударившись о камень. Только рука всё ещё держала её ладонь, прижимая ткань к ране.

— Посиди со мной. Просто посиди *рядом*. И всё.

Ева молчала. Она смотрела на его лицо — бледное, острое, с белыми волосами, разметавшимися по серому камню. Шрам на губе белел в сумерках, и дыхание его, прерывистое, тяжёлое, казалось единственным живым звуком в этой безмолвной пустоши.

— Тебе не больно? — спросила она наконец.

— Больно, — ответил он, не открывая глаз. — Но я... при-
вык.

— К боли?

— К тому, что она... не... кончается.

Ева медленно опустилась рядом с ним, прислонилась спиной к камню. Их плечи соприкасались — едва заметно, почти невесомо. Она чувствовала его тепло — странное, *другое*, будто внутри него горел огонь, который не мог согреть,

но мог уничтожить.

— Каин? — голос Евы дрогнул, когда она заметила, что его дыхание вдруг стало поверхностным, будто воздух с трудом проходил сквозь лёгкие. Ева чувствовала, как его рука перестала сжимать её. — Каин, что с тобой?!

Он не ответил. Его лицо было бледным, почти серым, как камень, на котором он лежал. Рана всё ещё кровоточила сквозь ткань рубахи, которую Ева прижала к ране. Она смотрела на эту кровь, на это неподвижное тело, и внутри неё, в пустоте, что-то обрывалось.

Слёзы хлынули из глаз — горячие, быстрые, они текли по щекам, смешиваясь с пылью и грязью, оставляя мокрые дорожки. Ева не пыталась их сдерживать. Она села на колени рядом с ним, глядя на его неподвижное лицо, и плакала. Плакала так, как не плакала даже тогда, когда Яннис умер, когда её вели на казнь, когда она шла по сухой земле, теряя силы.

— Пожалуйста, — прошептала она, хватая его за руку — холодную, неподвижную. — Пожалуйста, очнись. Не здесь. *Не сейчас.*

Но он не очнулся. Только дыхание — такое слабое, что она почти не слышала его — доказывало, что он ещё жив.

И тогда Ева поняла: ангелы скоро будут здесь. Они не посылают отряды просто так. Если эти шестеро нашли их, значит, за ними точно идут другие. Может быть, они уже недалеко, и у них есть всего несколько минут, чтобы уйти, спря-

таться, найти укрытие.

— Мы должны уйти, — сказала она вслух, вытирая слёзы грязной рукой. — Мы не можем оставаться здесь. *Я* не могу оставаться здесь.

Она попыталась поднять его. Обхватила руками его плечи, дёрнула, пытаясь приподнять, но он был слишком тяжёлым. Казалось, вся тяжесть этого мира легла на его тело, прижимая его к земле. Ева напряглась, застонала от натуги, но он не сдвинулся с места — только чуть покачнулся, и его голова упала на грудь.

— Нет, — выдохнула она, чувствуя, как паника снова сжимает горло. — Нет, нет, нет

Она попробовала снова. На этот раз она зацепилась руками под его руки, попыталась оттащить его от камня, туда, где был небольшой уклон — может быть, там они могли бы скатиться вниз, укрыться в тени холма. Но он не двигался. Его тело было как мешок с камнями, тяжёлый, неподъёмный.

Ева упала на землю рядом с ним, тяжело дыша, и закрыла глаза. В ушах стучала кровь — или это были шаги? Шаги ангелов, приближающихся к ним, чтобы добить, чтобы забрать их чтобы закончить то, что они начали.

— Я не могу, — прошептала она. — Я не могу его поднять. Что мне делать?

Она заставила себя дышать. Глубоко, медленно, как учил её Яннис когда-то, давно, когда они тренировались. «*Дыши*, — говорил он. — *Когда паникуешь, главное — дыши*».

Она открыла глаза и внимательно посмотрела на Каина. Его лицо было спокойным, почти безмятежным, будто он просто уснул. Сняла с него плащ — тяжёлый, тёмный, пахнувший пылью, кровью и им, и аккуратно укрыла его, подоткнув края.

И судорожно решила:

— Я сейчас вернусь, — сказала она, с надеждой глядя на него. — Я пойду посмотрю, что вокруг. Может быть, я найду хотя бы воду... Я вернусь, обещаю.

Ева тяжело встала и взяла копье — то самое, которое он вырвал из земли. Оно было тяжёлым и уже с засохшей кровью. Она сжала его в руках, чувствуя, как холод металла передается пальцам. Теперь это будет её единственным оружием, её защитой.

Она подняла голову. Вокруг простирались небольшие холмы, усеянные серыми валунами, похожими на спины древних чудовищ. Солнце клонилось к закату, отбрасывая длинные, тягучие тени, в которых могло прятаться всё, что угодно. Она прищурилась, стараясь запомнить каждую складку земли, каждое возвышение, каждую расщелину. Слева, метрах в ста, она заметила едва заметное понижение рельефа — возможно, русло пересохшего ручья. А за ним — тёмную полосу, похожую на редкий кустарник.

Она сделала глубокий вдох, и в этот раз он получился ровным, без предательской дрожи в горле. Она перевела взгляд на Каина. Его лицо уже начало сереть в угасающем свете, но

безмятежность на нём не исчезла. И в этой безмятежности было что-то, что резануло её острее, чем любой упрёк. Он снова защитил её. И теперь — *теперь* она не имеет права быть испуганной девочкой.

— Я вернусь, — повторила она, но в этот раз голос прозвучал твёрже.

Она перехватила копьё поудобнее, почувствовав, как на ладони проступила липкая влага. Она сделала шаг по направлению к понижению, потом второй, прислушиваясь к любым звукам. Её идея была опасна и ужасна — Ева знала это наверняка, но всё равно с дрожью в коленях пошла в сторону леса, который заметила, когда они вышли на холм.

Лес был похож на тот, внутри которого находилось то странное, но дивное озеро. Деревья стояли редко, их стволы были искривлены, покрыты трещинами и лишайником; корни, вылезая из земли, цеплялись за камни, как пальцы утопающих. Кое-где ветви переплетались, создавая густую тень, но чаще небо просвечивало сквозь кроны, и в этих просветах она видела серые, тяжелые облака, подсвеченные снизу багровым светом. Земля была влажной, мягкой — она чувствовала это каждой босой ступней, каждым касанием холодной, мокрой травы, которая щекотала пальцы и оставляла на коже следы уходящего дня.

Здесь пахло землёй, влажной, живой; пахло гниющими листьями, сыростью, и ещё чем-то, что она не могла назвать, но что отдавалось в груди почти забытым ощущением — тем,

которое она будто бы испытывала в детстве. Было ли это надеждой? Или просто странной памятью?

Она шла медленно, стараясь ступать бесшумно, но каждая ветка, каждый сухой лист предательски хрустели под её ногами, и этот звук казался ей слишком громким в тишине леса. Она сжимала копьё так сильно, что пальцы онемели, и всматривалась в тени, которые сгущались меж стволов, пряча в себе неведомые опасности. Сердце билось ровно, но часто, и она слышала его в висках, в горле, в кончиках пальцев.

Лес кончился внезапно, как будто кто-то провёл черту. Она вышла на открытое пространство и замерла.

Перед ней лежала деревня.

Она была не больше десятка домов, разбросанных по склону невысокого холма, который плавно поднимался к горизонту. Некоторые из них превратились в груды битого камня, поросшего мхом и диким плющом, другие сохранились лучше — их стены стояли, хоть и были изъедены временем, а крыши кое-где обвалились, но не до конца. Между домами петляла тропа, почти скрытая травой, и кое-где виднелись остатки каменных оград, когда-то отделявших участки один от другого.

Солнце уже почти село, и сумерки разливались по земле, как чернила по влажной бумаге. Золотой свет ещё касался верхушек холмов, но внизу, в долине, уже лежала синеватая, густая тень.

Ева стояла на краю деревни, чувствуя, как по спине про-

бегает холодок — не от ветра, а от странного, почти осязаемого чувства, что она здесь *не одна*. Это место выглядело заброшенным, но в нём чувствовалось присутствие.

Она двинулась вперёд, стараясь ступать как можно тише, хотя каждый шаг на сухих листьях казался ей громче выстрела. Она заглянула в первый дом — его крыша обвалилась, и внутри было темно, пахло сыростью и золой; только обгоревшие балки торчали из-под камней, и стены были покрыты чёрными разводами старого огня. Там никого не было.

Второй дом стоял чуть дальше, его стены были почти целы, но крыша провалилась в центре, открывая небу пустой проём. Ева заглянула внутрь через щель в стене: куча старой, истлевшей ткани, разбитая глиняная миска, осколки чего-то, что когда-то могло быть кувшином. Пустота.

Но третий дом был другим.

Один из самых целых домов в деревне, почти сохранивший крышу, стены без видимых трещин, дверь, которая была приоткрыта, словно кто-то только что вышел и забыл её закрыть. Вокруг двери — никаких следов, но сама дверь была не заперта, и это было странно. В заброшенном доме дверь либо валяется на земле, либо заперта навечно. А эта была приоткрыта, как будто её открывали вчера. Или сегодня.

Ева подошла ближе, чувствуя, как внутри, в пустоте, что-то замирает. Она толкнула дверь — та поддалась с тихим, почти ласковым скрипом, и она шагнула внутрь.

Внутри было не так темно, как она ожидала. Свет проса-

чивался сквозь щели в стенах, сквозь прорехи в крыше, падая на пол дрожащими столбами, в которых танцевали пылинки. В центре комнаты стоял грубо сколоченный стол, и на нём лежала глиняная миска. Рядом с миской — огарок свечи, вбитый в горлышко разбитой бутылки. В углу — свёрнутый тюк из грубой ткани, похожий на одеяло. На стене — царапины, знаки, которые она не могла прочесть, но в которых угадывалась рука человека. Живые, неровные, *отчаянные*.

Ева стояла неподвижно, вглядываясь в каждую деталь: миска, свеча, одеяло, знаки на стене. Сердце её билось где-то в горле, и в груди разливалось странное, противоречивое чувство. Страх — потому что это означало, что здесь есть кто-то, кто может быть врагом. И надежда — потому что это означало, что она не одна. Что здесь, в этой забытой земле, всё ещё теплилась жизнь.

Здесь кто-то живёт, — поняла она. — *Или жил. Совсем недавно. Может быть, сегодня. Может быть, сейчас.*

Она развернулась и сделала шаг вперёд — к выходу, чтобы осмотреться, чтобы понять, кто оставил эти следы, — и в этот миг что-то произошло.

Боль была острой, пронзительной, как удар молнии. Она вошла в левую ногу, чуть выше колена, и разлилась по телу, заставляя мир сжаться до одной-единственной точки — туда, где между мышцами застряло чёрное древко с тёмным оперением. Ева вскрикнула, пошатнулась, хватаясь за косяк

двери, и почувствовала, как кровь — тёплая, липкая — потекла по ноге, оставляя на коже влажный, пульсирующий след. Она опустила голову, глядя на стрелу, на тёмную, почти чёрную кровь, и в груди, в пустоте, что-то сжалось. Боль. И страх.

— Не двигайся, — раздался голос. Молодой, девичий, но в нём, в этом голосе, не было мягкости. Только сталь, закалённая циклами, и что-то ещё — *ненависть*. Глубокая, острая, как её собственная стрела, всё ещё торчащая из раны.

Ева замерла, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле, как кровь пульсирует в ране, отдаваясь в каждом ударе. Она медленно повернула голову и увидела её.

Девушка стояла в тени полуразрушенной стены, в десятке шагов от неё. Лук в её руках был натянут, и новая стрела уже лежала на тетиве, остриём направленная прямо в Еву. Её пальцы, сжимающие тетиву, дрожали от напряжения, от готовности в любой момент спустить её. В сумерках её фигура казалась почти нереальной — тёмная, тонкая, как тень, которая вдруг обрела плоть.

Она была юной. Моложе Евы — может быть, шестнадцать, может быть, семнадцать циклов. Тонкое, бледное лицо, обожжённое ветрами и солнцем, острые скулы и впалые щёки, которые говорили о том, что она знала, что такое голод. Глаза — большие, с пугающим, лихорадочным блеском — смотрели на Еву с такой ненавистью, что у неё перехватило дыхание. Эта ненависть была не случайной, не минутной. Она

была выстраданной, впитавшейся в плоть. В ней жила боль, которая не проходила.

На девушке была тёмная, рваная одежда, почти сливающаяся с тенями, — такая же, как у людей, напавших на ангелов, во время казни. Ева видела только враждебность, слышала только сталь в голосе и чувствовала, как стрела, нацеленная в неё, ждёт своего мига.

— Кто ты? — спросила девушка, и голос её дрогнул от недоверия. — Зачем ты здесь? Ты с ними?

— С кем? — выдохнула Ева, чувствуя, как кровь стекает по ноге, как боль становится всё сильнее. — Я не понимаю, о чём ты

— С ангелами, — девушка чуть опустила лук, но не до конца. Её взгляд впился в лицо Евы, изучая её, и в глазах читалась не только подозрительность, а почти паника. — Ты пришла с тем, кто убивал их. С тем, у кого чёрные крылья. Я *видела*.

— Он не враг, — сказала Ева, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя в ноге пульсировала боль, и каждое слово давалось с трудом. — И я тоже...

— Все так говорят, — девушка покачала головой, и её руки задрожали сильнее. — Все, кого посылают ангелы, говорят, что они не враги. А потом — смерть. Я видела, как *они* убивали мою семью. Как *они* жгли наш дом. Я знаю *их* слова. Ты говоришь как *они*.

— Ты не знаешь его, — сказала Ева, чувствуя, как слова

застревают в горле, как кровь продолжает стекать по ноге, оставляя на земле тёмные, влажные пятна. — Он такой же, как и мы.

— Ты врёшь, — голос девушки треснул, но в нём не было слабости. Только страх, который она пыталась скрыть за злостью. — Они все так говорят. Они притворяются. Они становятся добрыми, пока ты им нужна. А потом

— Я знаю, что такое предательство, — перебила Ева, и в голосе её прозвучала такая горечь, что девушка на мгновение замолчала. — Я знаю, каково это — когда тебя ведут на смерть за то, чего ты не совершала. Я знаю, каково это — смотреть, как умирают те, кого ты любишь. Но он не враг. Он спас меня, когда мог бросить. Я не могу оставить его.

— Ты не понимаешь, — девушка покачала головой, и лук в её руках дрогнул. — Ты не понимаешь, что они делают. Моя мать умоляла их о пощаде. Она стояла на коленях и просила, чтобы они оставили меня в живых. А они смеялись. Они смотрели, как она умирает, и *смеялись*.

Голос её сорвался, и в нём, наконец, прорвалась боль — старая, застарелая, которая никогда не заживает.

— Я не прошу тебя верить мне, — сказала Ева тихо. — Я не прошу тебя помогать. Но если ты убьёшь меня, ты убьёшь не врага. Ты убьёшь ту, кто пытается выжить. Как и ты.

— Ты не такая, как я, — девушка снова покачала головой, и её руки дрожали всё сильнее. — Ты — не одна из нас. Ты пришла с ним. С ангелом. Ты — *предательница*.

— Если я предательница, почему я стою здесь, истекая кровью, и пытаюсь убедить тебя? — Ева повысила голос, и в нём прозвучала отчаянная решимость. — Если я с ними, почему я не позвала их? Почему я не напала на тебя? Я — такая же, как ты. Я ищу убежище. Я хочу, чтобы этот кошмар кончился. И я не собираюсь причинять тебе вред.

Но девушка не слушала. Её глаза стали ещё более дикими, ещё более испуганными. Она смотрела на Еву, но, казалось, видела что-то другое — прошлое, которое преследовало её каждую ночь.

— Нет, — прошептала она. — Нет, не подходи ко мне.

— Я не подхожу, — сказала Ева, чувствуя, как паника начинает заливать и её, как страх, что она не сможет достучаться до этой девушки, становится осязаемым. — Я просто хочу уйти. Мы не причиним тебе вреда.

— Ложь, — выдохнула девушка, и её пальцы на тетиве задёргались. — Всё ложь. Вы все одинаковые. Вы все убиваете. Вы все сжигаете. Вы все

Её голос сорвался, и она замолчала на мгновение. Ева видела, как её лицо искажается от боли, как руки, сжимающие лук, начинают дрожать ещё сильнее.

— Иди, — сказала девушка, и голос её был сухим. — Иди, пока я не передумала.

Ева медленно, очень медленно сделала шаг в сторону, чувствуя, как боль в ноге пульсирует, как кровь продолжает стекать, как сердце бьётся где-то в горле. Она хотела сказать

что-то ещё — поблагодарить, объяснить, — но не успела.

— Просто... *убирайся*, — прошептала девушка, и в её голосе слышалась такая мольба, что Ева замерла.

Она смотрела на неё, на эту юную, измождённую девушку, и чувствовала, как внутри, в пустоте, что-то сжимается. Она хотела сказать, что всё будет хорошо, что они не враги, что она понимает её боль. Но слова застряли в горле, потому что в этот момент девушка подняла лук, и её пальцы, дрожащие, но уже не колеблющиеся, спустили тетиву.

Стрела свистнула в воздухе, и Ева не успела даже закричать.

Глава 14: Nova vulnera

Стрела свистнула в воздухе, и Ева не успела даже закричать. Не успела даже понять, что происходит, — только краем глаза уловила движение, чёрную молнию, летящую прямо в неё, и тело, уставшее, израненное, но всё ещё живущее инстинктами, сработало само. Она дёрнулась, падая в сторону, и стрела, просвистев в миллиметре от её виска, вонзилась в каменную стену за её спиной, выбив сноп искр. Удар о землю был жёстким, и боль в раненой ноге вспыхнула с новой силой, отдаваясь в позвоночнике, в рёбрах, в самом основании черепа. Ева зашипела сквозь зубы, чувствуя, как кровь снова начинает сочиться из раны, заливая кожу.

Она перекатилась, сжимая в руках копьё, которое, казалось, было единственным, что связывало её с реальностью. Древко дрожало, передавая ей вибрацию земли, удара, страха. Она медленно встала, тяжело дыша, и посмотрела на девушку.

Та стояла неподвижно, как каменное изваяние, и лук в её руках снова был натянут. На тетиве лежала новая стрела — остриё направлено прямо в грудь Евы. Большие глаза девушки горели лихорадочным, почти безумным огнём, но руки больше не дрожали. Они были твёрдыми, уверенными, как у того, кто уже принял решение.

Ева видела *это*. Каждое движение девушки, каждый её

вздых говорил о том, что она не остановится. Она не была просто напугана — она была сломлена. И в этом сломленном состоянии ненависть стала её последним якорем, единственной вещью, которая держала её на плаву.

— Ты не уйдёшь, — сказала девушка, и голос её был низким, почти шипящим. — Ты не уйдёшь отсюда. Ты умрёшь здесь, как и все они.

— Я не хочу воевать с тобой, — ответила Ева, чувствуя, как каждое слово даётся с трудом. — Я не знаю, кто ты. И я не знаю, что ты пережила. Но я не враг.

Она спустила тетиву.

Стрела вонзилась в землю в том месте, где стояла Ева секунду назад. Она едва успела отпрыгнуть, чувствуя, как боль в ноге пронзает её, как мышцы сводит судорогой, как воздух со свистом вырывается из лёгких. Она не остановилась, не дала себе времени удивиться — она бросилась вперёд, скидывая копьё, и в этот момент внутри неё, в пустоте, что-то оборвалось. Не страх. Что-то другое. *Злость*. Злость на несправедливость, на боль, на бесконечное, *бесконечное* бегство.

Она замахнулась копьём и ударила.

Удар был неуклюжим, неточным — она никогда не держала копья в руках, не сражалась, не тренировалась. Только то, что она заметила у Каина: целься в тело, не в голову, бей не рукой, а всем телом. Древко скользнуло в воздухе, и накопчик, тускло блеснув в сумерках, ударил девушку в плечо,

но не насквозь — только скользнул по ткани.

Девушка покачнулась, но не упала. Она отступила на шаг, занеся лук, чтобы ударить Еву древком в ответ. Удар пришёлся по руке — сильный, быстрый, и Ева почувствовала, как онемение разливается от локтя до пальцев, заставляя её разжать хватку. Копьё почти выпало, но она успела перехватить его другой рукой, почувствовав, как дерево обжигает ладонь.

— Ты не умеешь драться, — сказала девушка, и в её голосе слышалась насмешка — горькая, отчаянная. — Ты даже не знаешь, как держать оружие. Кто ты такая, чтобы говорить мне о мире?

— Я — *никто*, — ответила Ева, чувствуя, как боль в ноге пульсирует, как руки дрожат, как сердце колотится в такт каждому удару.

Она снова замахнулась копьём. На этот раз удар был выше — туда, где девушка держала лук. Она хотела выбить его, обезоружить её, но рука дрогнула, и наконечник прошёл мимо, снова зацепив лишь край одежды. Девушка отшатнулась, и в её глазах, на мгновение, мелькнул страх. Не перед смертью — перед тем, что она может убить кого-то, кто не враг.

Но она не остановилась. Она отбросила лук в сторону, выхватив из-за пояса короткий нож, и бросилась вперёд. Ева едва успела поднять копьё, блокируя удар — лезвие звякнуло о древко, и искры посыпались в сумерках.

— Ты не сможешь убить меня, — сказала Ева, чувствуя,

как руки немеют от напряжения. — Ты не хочешь этого.

— Не говори мне, чего я хочу! — закричала девушка, нанося новый удар — дикий, отчаянный. — Ты не знаешь меня!

Она ударила снова, и Ева не успела заблокировать. Лезвие скользнуло по её предплечью, оставляя длинный, неглубокий порез, и Ева зашипела от боли, отступая. Кровь снова потекла — тёплая, липкая, и она чувствовала, как силы оставляют её, как боль заливаает тело, как тьма сгущается на краях зрения.

Но она не упала. Она стояла, сжимая копьё, и смотрела на девушку, которая дрожала, глядя на кровь на лезвии ножа. Её глаза расширились, и в них мелькнуло что-то, похожее на ужас. Не от того, что она ранила Еву — от того, что она чувствовала себя беспомощной, что даже ударив, даже пролив кровь, она не могла остановить её. Она не могла заставить Еву упасть. Она не могла заставить её сдаться.

— Видишь? — сказала Ева, и голос её был тихим, но твёрдым. — Ты сделала это. Ты *ранила* меня. Но я всё ещё здесь. Я хочу, чтобы ты остановилась.

— Нет, — прошептала девушка, и нож в её руках дрогнул. — Ты — одна из них. Ты

Она замолчала, и в тишине было слышно только её дыхание — частое, прерывистое, как у раненого зверя. Ева смотрела на неё, чувствуя, как кровь стекает по руке, по ноге, как боль заливаает тело, и ждала.

— Если ты хочешь убить меня, — сказала Ева, чувствуя, как голос срывается, — сделай это. Но знай: я — не твой враг. Я — такая же, как ты. Я *тоже* потеряла всё. И я *тоже* хочу, чтобы этот мир изменился.

Девушка стояла, не двигаясь. Её рука, сжимающая нож, дрожала, и в её глазах, наконец, не было ненависти — только усталость. Такая же глубокая, как у самой Евы.

— Убирайся, — прошептала она. — Если я увижу тебя снова, я тебя убью.

Ева смотрела на неё, и в груди, в пустоте, что-то дрогнуло. Сожаление. Она знала, что эта девушка не уйдёт, что она будет сидеть здесь, в этой разрушенной деревне, одна, сжимая лук и ненавидя весь мир. И она не могла помочь ей. Не могла убедить её. Не могла спасти.

Она медленно поднялась, опираясь на копьё, и пошла прочь — ноги несли её обратно через лес, медленно, неуверенно — качаясь, спотыкаясь, припадая на раненую ногу. Каждый шаг отдавался глухой, ноющей болью в бедре, там, где стрела напоминала о себе каждым движением. Ева шла, опираясь на копьё, и тело её дрожало от усталости, бесконечного, выматывающего напряжения, которое не отпускало уже несколько дней.

Где-то за спиной осталась деревня. Молчаливая. Тёмная. И та девушка, которая осталась там, среди руин, с луком и ножом в руках, с ненавистью в глазах и невыплаканными слезами. Ева слышала её дыхание, её голос, её отчаянный, со-

рванный шёпот: «*Убирайся*». Она чувствовала её взгляд на своей спине — тяжёлый, недоверчивый, и в то же время — странно, почти безнадежно — понимающий. Будто они обе знали, что этот разговор ещё не закончен.

Но сейчас Ева не думала об этом. В голове осталась только одна мысль: *Он там. Я оставила его там. Я должна вернуться.*

Она дошла до холма, того самого, за которым оставила Каина. Поднималась на него медленно, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, как в груди разрастается странное, щемящее чувство, которого она не могла объяснить. Тревога? Предчувствие? Или просто усталость, которая заставляла всё вокруг казаться чужим и неправильным?

Холм был пуст.

Она остановилась на вершине, глядя вниз, туда, где оставила его. Плащ, которым она его укрыла, исчез. Следов не было — ни крови, ни отпечатков тела на земле. Только камень. Только сухая, колючая трава. Только тишина.

— Каин, — позвала она тихо, и голос её дрогнул, рассыпавшись в ночной тишине, как песок сквозь пальцы.

Никто не ответил. Ни звука, ни шороха, ни движения. Только ветер, который шелестел в сухой траве, как чужой, насмешливый шёпот.

Ева огляделась. Вокруг — ночь. Черная, беззвёздная. Те-ни сгушались между камнями, и в каждой из них ей чудилось движение, но когда она всматривалась, там ничего не

было. Пустота. Тишина.

— Каин! — крикнула она громче, и голос её сорвался, ударился о камни, вернулся эхом, искажённым, чужим.

И тогда она его слышала.

Дыхание. Ровное, но тяжёлое, в двух шагах за её спиной. Она не слышала, как он подошёл, не почувствовала его приближения, не уловила ни звука шагов. Он просто был там. *Ждал.*

Ева резко обернулась, и в тот же миг его рука — горячая, сильная — сомкнулась на её запястье, сжимая с такой силой, что ещё чуть-чуть и послышался бы хруст костей. Его лицо было рядом — слишком близко, в полумраке ночи, и она видела каждую его черту: бледную, почти прозрачную кожу, чёрные глаза, в которых не было видно ни зрачков, ни света, только пустота, которая смотрела на неё, проникала под кожу, в самое сердце.

— *Где. Ты. Была?* — спросил он, и каждое слово падало в темноту и исчезало. Голос его был низким, хриплым, и в нём, в этом голосе, не было обычной холодной отстранённости. Была ярость. Глубокая, тёмная, как ночь вокруг них.

— Я — начала Ева, но он перебил её, не давая закончить.

— Ты ушла. — Его пальцы сжались сильнее, и она почувствовала, как боль разливается по руке. — Ушла в лес, где может быть кто угодно.

— Я искала помощь! — выкрикнула она, пытаясь высвободить руку. — Ты был без сознания! Я не могла просто си-

деть и ждать, пока ты умрёшь!

— Ты *должна* была ждать, — отрезал он, и голос его стал ещё тише, ещё опаснее. — Ты *должна* была остаться здесь. И не *делать* глупостей.

— Глупостей?! — Ева почувствовала, как в жилах закипает что-то горячее, яростное. — Я хотела спасти тебя!

— Спасти? — Каин усмехнулся — криво, без тепла, и в этой усмешке было столько горечи, что Ева на мгновение замолчала. — Ты вернулась с раненой ногой. Потеряла осторожность.

— Я жива, — сказала Ева, и в голосе её внезапно прозвучала сталь. — И я пришла обратно. Это должно *что-то* значить.

— Это значит, что ты была глупа, — сказал Каин холодным, как лёд, голосом. — Ты рисковала своей жизнью ради того, кто не просил тебя об этом. Ты забыла, что для нас каждая минута — это риск.

— Я не забыла, — ответила Ева, чувствуя, как в груди разливается странное, почти болезненное чувство.

Каин посмотрел на неё — долгим, тяжёлым взглядом. И в его чёрных глазах, в этой пустоте, на мгновение мелькнуло что-то, что она не могла понять. То, что он не хотел показывать.

— Ты — моя ответственность. Ауриэль сказал, что я должен защищать тебя. Я делаю это, потому что *обещал*, — сказал он почти шёпотом.

Он отпустил её руку. И в этом движении, в том, как он отступил на шаг, было что-то похожее на намеренную отстранённость.

Ева стояла перед ним, чувствуя, как опираться на копье с каждой минутой было всё труднее и труднее, как раненная нога дрожит под тяжестью тела, как кровь стекает по голени, оставляя на коже тёплый, влажный след.

Каин молчал, не двигался. Он стоял перед ней, и его взгляд медленно скользил по её телу: от лица к плечам, от плеч к руке, где ткань была разорвана и пропитана кровью, к ноге. Он рассматривал каждую царапину, каждый синяк, каждую каплю крови, и в этом молчаливом осмотре было что-то такое, от чего Еве стало не по себе. Не страшно, а неловко. Будто он видел её *насквозь*, видел всю её уязвимость, всю её глупость, всю её беспомощность.

Его взгляд задержался на стреле.

Она всё ещё торчала из её ноги, чуть выше колена, и древко её, чёрное, с тёмным оперением, казалось частью её плоти. Каин смотрел на эту рану долго — так долго, что Еве показалось, будто время остановилось. Потом он поднял глаза и посмотрел ей прямо в лицо.

Его взгляд был тяжёлым, и в нём было всё — ярость, которую она слышала в его голосе, и немой вопрос, и даже капля разочарования.

Она отвела глаза. Не могла смотреть на него, чувствуя, как по коже пробегает холод, как сердце начинает биться быст-

рее. Она смотрела в землю, на тёмные пятна, оставленные её кровью, на камни, которые были такими холодными и безразличными, как и весь этот мир.

— Сядь, — наконец сказал он, и его голос был ровным, без эмоций.

Она попыталась возразить, сказать, что она может идти, что она в порядке, но все эти глупые слова застряли в горле. Она медленно опустилась на землю и положила рядом с собой копье. Холод камня сразу же проник сквозь ткань.

Каин опустился на корточки перед ней. Его движения были медленными, осторожными, и в них не было ни спешки, ни колебаний. Он протянул руку и коснулся её ноги.

Ева вздрогнула. Его пальцы — горячие, почти обжигающие — легли на её кожу чуть выше раны, и она почувствовала, как по телу пробегает дрожь. Это прикосновение было слишком близким, слишком интимным для того, что между ними было. Она смотрела, как его руки — сильные, с длинными пальцами, — осторожно ощупывают её ногу, проверяя, насколько глубоко вошла стрела. Его пальцы касались её кожи, и в этом касании было что-то, от чего у неё перехватило дыхание.

Он смотрел на рану, изучая её, оценивая, и его лицо было непроницаемым, как маска. Ева чувствовала, как его пальцы скользят по её ноге, как они обводят края раны, как они сжимаются вокруг древка стрелы. Ева хотела отвести взгляд, но не могла. Она рассматривала его руки, наблюдала за тем,

как они касаются её, и чувствовала, как в груди разливается странное, почти запретное тепло.

— Это будет больно.

Ева сжала зубы, чувствуя, как её тело напрягается в ожидании боли.

— Поняла, — сказала она, и голос её дрогнул.

Он дёрнул стрелу.

Боль была острой, мгновенной, как удар молнии. Она пронзила её ногу, разлилась по телу, заставляя мир сжаться до одной-единственной точки — туда, где его пальцы всё ещё касались её кожи. Ева закричала — негромко, сдавленно, и её руки вцепились в камни, лишь бы не упасть.

Каин прижал к ране кусок ткани, оторванный от его собственного плаща, и его пальцы надавили на рану, останавливая кровь.

— Рассказывай, — практически приказал он.

Его руки на её коже, его голос, низкий и тёмный, заполнили всё пространство между ними. Она всем телом ощущала, как время течёт сквозь пальцы, и каждый миг этого прикосновения был тяжёлым и огромным.

— Недалеко отсюда есть деревня, — начала она слегка дрожащим голосом. — Я нашла её. Там были дома. Пустые и разрушенные. Но я зашла в один, и сразу поняла, что недавно кто-то до меня там уже был. И когда я вышла какая-то девушка выстрелила в меня из лука.

— Ты видела её? — спросил Каин, и его голос был низ-

ким, напряжённым.

— Да, — ответила Ева. — Девушка. Младше меня. Она сказала, что видела нас. Что видела, как ты убивал ангелов. Я пыталась ей объяснить, но не получилось. Она дала мне уйти. — Ева поджала губы и виновато отвела взгляд, — Не с первого раза.

Ночь сгущалась вокруг, немного холодная и влажная, и в этом полумраке его фигура казалась чужой — слишком твёрдой, слишком прямой для человека, который всего час назад лежал без сознания, истекая кровью. Плащ был на нём, обнажая ключицы и верхнюю часть груди, бледную, с едва заметными тенями мышц под кожей.

Ева вдруг вспомнила, как он упал. Как его тело обмякло, как кровь — густая, почти чёрная — заливала его спину, как она прижимала ткань к ране, чувствуя, как пульс бьётся под её пальцами. Она вспомнила тяжесть его тела, когда пыталась протащить его через камни, вспомнила, как боялась, что он не очнётся.

— Твоя рана, — тихо спросила она. — Как она?

Каин поднял на неё глаза. В темноте они казались ещё чернее, ещё глубже, как два колодца без дна.

— Её больше нет.

Ева нахмурилась, чувствуя, как внутри зашевелилось непонимание.

— Как нет? — переспросила она. — Я видела её. Я перевязывала тебя.

— Я сказал, её нет, — повторил он, и голос его был ровным, безразличным, как будто он говорил о погоде. — Это не имеет значения.

Ева хотела спросить ещё, хотела сказать, что не понимает, что это невозможно, что раны не исчезают сами по себе. Но слова застряли в горле, когда она посмотрела на него — на его спокойное, неподвижное лицо, на его глаза, которые смотрели сквозь неё, как будто она была частью ночи, частью теней.

Он протянул ей руку.

— Вставай. Нам нужно идти.

Ева взяла его за руку, чувствуя, как его пальцы смыкаются вокруг её ладони. Он поднял её без усилий, легко, как будто она ничего не весила, и она почувствовала, как боль в ноге вспыхивает с новой силой, заставляя её зашипеть сквозь зубы. Она взяла копье и оперлась на него, перенесла вес на здоровую ногу, и посмотрела на него.

— Мне больно, — сказала она, и в голосе её прозвучала горечь. — Но я могу идти.

Каин кивнул, отпуская её руку.

— Пошли, — сказал он, и его голос был таким же ровным, как и прежде, но в нём, в этом голосе, было что-то, что она не могла понять. Не гнев. Не холод. Просто *пустота*. Как будто он уже стёр из памяти всё, что случилось.

Они медленно, не спеша пошли в темноту. Ева опиралась на копье, и каждый шаг отдавался болью, но она не останавли-

ливалась. Она смотрела на его спину, и в голове её пульсировали мысли, одна за другой, как удары молота.

Он сказал, что раны нет. Но как это возможно? Я видела её. Я чувствовала, как кровь течёт сквозь пальцы. Неужели все ангелы могут регенерировать? Как... Задкишь?

Она вспомнила, как он стоял перед ней, такой же неподвижный, такой же сильный, как будто ничего не случилось. Как будто он не терял сознание, не истекал кровью, не лежал на камнях, беспомощный, как *обычный смертный*.

Но тут же другая мысль пришла на смену, холодная и острая, как лезвие:

Если он может регенерировать, почему он не сделал этого тогда, на площади? Почему он не исцелил себя, когда мы были под тем святилищем?

Она вспомнила, как он нёс её на руках, как его крылья были изранены, как кровь капала на неё, как он тяжело дышал, теряя силы. Если он мог исцелять себя, почему он не сделал этого тогда? Почему он позволил себе страдать?

Может быть, это не работает так просто, — ясно подумала она. *— Может быть, он может исцелять себя, но только когда у него есть силы. Или только когда он не использует крылья. Или*

Она хотела спросить его. Хотела сказать: «*Как у тебя это получилось? Почему ты не исцелился раньше?*» Но слова застряли в горле, когда она увидела его лицо — спокойное, неподвижное. Он не хотел говорить об этом. Он не хотел,

чтобы она знала.

Она решила не спрашивать. Не сейчас. Может быть, позже. Когда они будут в безопасности. Когда у неё будет время подумать. Когда она сможет найти слова, чтобы спросить так, чтобы он ответил.

Каин повёл их в тот же самый лес, из которого недавно вышла сама Ева. Деревья стояли неподвижно, их корявые ветви тянулись к небу, как пальцы утопающих, и в их тенях, казалось, пряталось что-то, что ждало, наблюдало, дышало.

Ева хотела спросить, куда они идут, зачем он привёл её сюда, но когда она открыла рот, Каин повернул голову. Один взгляд — и слова застряли в горле. В его чёрных глазах не было ни тени объяснения — только холодное, безмолвное предупреждение. Она промолчала, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

Он остановился, протянул руку, не говоря ни слова. Его бледные пальцы в свете умирающей ночи они казались почти прозрачными. Ева посмотрела на его руку, потом на копьё, которое сжимала в ладонях, и поняла. Он хотел, чтобы она отдала ему оружие.

— Зачем? — прошептала она, но он не ответил. Только смотрел на неё, и в этом взгляде не было ни просьбы, ни приказа — только тихая, непоколебимая уверенность.

Она медленно протянула ему копьё. Его пальцы сомкнулись вокруг древка, и он взял его так легко, будто оно ничего не весило, и в этом жесте было что-то, что заставило её

сердце биться быстрее. Он поднял копьё, и в тусклом свете ночи лезвие блеснуло, как усмешка.

Каин показал ей жестом — оставайся здесь. И ушёл вглубь леса. Бесшумно, как тень, как ночной зверь, который не оставляет следов. Ева смотрела, как его высокая фигура тает между деревьями, как тьма смыкается за его спиной, и чувствовала, как внутри разрастается холод. Она хотела окликнуть его, но не могла.

Тишина была плотной, густой, как вода в ледяной бездне её снов. Она слышала только своё дыхание, только стук своего сердца, только где-то далеко — шорох листьев, слишком ровный, слишком спокойный для того, чтобы быть просто ветром.

Время тянулось медленно. Ева стояла, прислонившись к дереву, чувствуя, как боль в ноге пульсирует, как пальцы дрожат, сжимая пустоту. Она не знала, сколько прошло — минута, две, десять. Она только знала, что тишина становится всё тяжелее, всё тревожнее, как перед грозой.

Она закусила губу, чувствуя, как кровь выступает на коже. Сердце колотилось где-то в горле, и в груди разрасталось чувство, которое она не могла объяснить.

А потом раздался *крик*.

Он был резким, пронзительным, как удар ножа. Женский крик, полный боли и страха, разорвал тишину, ударил по ушам, заставил её вздрогнуть. Ева выпрямилась, чувствуя, как мышцы напрягаются, как боль в ноге вспыхивает с новой

силой.

Она не думала. Не размышляла. Она просто двинулась вперёд — хромая, опираясь на ветки, на стволы деревьев, на всё, что попадалось под руку. Каждый шаг отдавался болью в раненой ноге, но она не останавливалась. Она шла на звук, туда, где крик уже затих, оставив после себя только пустоту.

Она продиралась сквозь кусты, чувствуя, как ветки царапают лицо, как колючки впиваются в кожу. Она не знала, что увидит. Она боялась. Но она не могла остановиться.

Лес расступился, и она увидела их.

Каин стоял у старого, корявого дерева, чей ствол был покрыт мхом и трещинами. Он прижимал к нему девушку — ту самую, из деревни, с тёмными волосами и глазами, широко раскрытыми от ужаса. Он держал копьё у её горла, и наколечник его, острый, смертоносный, касался её кожи, оставляя на ней тонкую, красную линию.

Девушка не двигалась. Она дышала быстро, прерывисто, и её руки, сжатые в кулаки, дрожали. Она смотрела на Каина, и в её глазах, в этих больших глазах, горела ненависть — такая же сильная, как страх.

Ветер, казалось, затаил дыхание, и стволы деревьев, чьи корявые ветви сплетались над головами, застыли, как свидетели. Тусклый свет луны едва освещал пространство. Ева стояла неподвижно — даже не дышала, кажется. Только смотрела. *Смотрела*, не отрываясь, и в этом взгляде было всё — и страх, и надежда, и что-то ещё, что она сама не мог-

ла назвать.

Каин медленно повернул голову.

Движение было плавным, текучим, как у хищника, который замечает движение в траве и решает, стоит ли тратить на него силы. Его глаза без единого отблеска встретились с её глазами. И в них, в этой черноте, было тихое, ледяное спокойствие, которое заставляло кровь стыть в жилах. Ева почувствовала, как по спине пробегает холод, как сердце на мгновение замирает, и она сделала шаг назад. Один. Короткий. Почти незаметный.

— Это она? — спросил Каин. Голос его был низким, ровным, без эмоций, и в нём не было ни обвинения, ни гнева. Просто вопрос. Холодный, как сталь лезвия.

Ева смотрела на девушку. Она стояла прижатая к стволу, умоляюще глядя на неё. Во взгляде — только страх. И, может быть, что-то, похожее на надежду, которую она сама не хотела признавать. Она не просила вслух, но её глаза кричали: *«Пожалуйста. Не дай ему убить меня»*. Ева чувствовала, как тяжесть этого взгляда ложится на её плечи, как слова, которые она должна сказать, становятся камнями, сжимающими горло.

— *Нет*, — сказала она твёрдым голосом. — Это не она.

Каин смотрел на неё. Долго. Пристально. Его лицо оставалось бесстрастным, но уголок его губ, тот, что перечёркивал шрам, дёрнулся. Совсем чуть-чуть, почти незаметно. Но она заметила.

— Ты лжёшь, — сказал он, и в голосе его не было вопроса. Только констатация.

— Нет, — повторила Ева, и слова её звучали твёрже, чем она чувствовала себя внутри. — Я не лгу.

Каин не ответил. Он отвернулся от неё, и его внимание вернулось к девушке, прижатой к дереву. Её руки дрожали, пальцы вцепились в кору, и она смотрела на него снизу вверх, как птица, пойманная в силках.

— Кто ты такая?

Девушка молчала. Она смотрела на него, и в её глазах мелькнула тень вызова — слабая, но живая.

— Я задал вопрос, — сказал Каин, и его голос стал жёстче.

— Моё имя не важно, — сказала девушка с охрипшим, тонким, но упрямым голосом. — Ты — *чудовище*. Ты

— Я *спросил*, кто ты, — перебил Каин сдержанно, осторожно. — Ты одна? Где твой лагерь?

Девушка замолчала, и в тишине было слышно только её дыхание — частое, прерывистое. Она смотрела на Каина, и в её глазах мелькнула тень страха, но она не отвела взгляда.

— Я не скажу тебе, — прошептала она с горечью. — Ты просто убьёшь меня, как убил других.

Каин наклонил голову, и в этом движении мелькнуло что-то, похожее на усталость.

— Я не убиваю без причины.

Девушка смотрела на него долго, так долго, что Ева подумала, что она не раскроет даже своего имени, но потом за-

метила, как страх уходит из её глаз, как на смену ему приходит смирение.

— Меня зовут Руфь, — сказала она, и голос её дрожал, но в нём уже не было той отчаянной злобы, что звучала раньше. Только усталость. Глубокая, как рана, которая не заживает.

Каин не двигался. Он стоял перед ней, его лицо было обращено к ней, как к загадке, которую он медленно разгадывал. Он не торопил её. Он *ждал*.

— Я была с отрядом. Мы мы должны были проникнуть в Небесный Доминион.

Каин вновь чуть наклонил голову, и в этом движении было что-то, что заставило Еву затаить дыхание.

— Зачем?

Руфь замаялась. Её пальцы вцепились в край рваной одежды, и она смотрела в землю, не поднимая глаз.

— Это было наше задание от от главного.

— И ты сбежала, — произнёс Каин, осуждающе подняв белую бровь.

Руфь подняла голову, и в её глазах мелькнула тень боли.

— Я испугалась. Я не хотела умирать. Я не хотела я не хотела быть частью этого.

Ева наблюдала за ней и внутри закипало странное, почти болезненное чувство. Она вспомнила собственную казнь. Людей в чёрном, которые напали на ангелов, которые рисковали собой, чтобы наверняка дать ей шанс. Теперь она знала, кто они были.

Каин стоял неподвижно, его лицо было обращено к Руфь, и в его чёрных глазах не было ни гнева, ни жалости. Он смотрел на неё, собирая кусочки головоломки, которые она только что выложила перед ним. Потом он перевёл взгляд на Еву, и в этом взгляде, на мгновение, она увидела понимание. Она тоже всё поняла. Люди в чёрном на казне были частью того отряда. И Руфь была одной из них. Точнее *должна была* быть.

Каин медленно, без единого звука наклонился к её уху, и его голос стал шёпотом — таким тихим, что Ева не могла разобрать слов. Она видела, как её глаза расширяются, как её начинает бить мелкая дрожь.

— *Если проведёшь нас к Сопротивлению, я так и быть подумаю, убить тебя или нет,* — прошептал Каин с пугающей, осязаемой ноткой угрозы. — *Я знаю, что это была ты.*

Ева видела, как её тело напряглось, как она попыталась отвести взгляд, но не смогла. Ей казалось, что она смотрит на них со стороны. На ужасного высокого, бледного, опасного Каина, чьи глаза были бездонными, как ночь, и на маленькую, испуганную Руфь, чьи руки всё ещё дрожали, и чьи глаза, широко раскрытые, смотрели на него как на *смерть*.

Каин выпрямился, и его лицо снова стало непроницаемым. Ева смотрела на него, на его бледную кожу, на его тонкие, сухие губы, на шрам, который пересекал уголок его рта. Он был страшным. И в то же время в нём было что-то, что

она не могла объяснить. Что-то, что притягивало её, заставляло смотреть на него и не отводить взгляд.

— Ты поняла? — спросил он, обращаясь к Руфи, и его голос был ровным, без эмоций.

Руфь кивнула, не поднимая глаз. Ева видела, как её плечи опустились, как она сдалась. Она была *сломлена*. И в этом, в *этом* сломленном состоянии, было что-то, что соединяло их всех троих.

— Я проведу вас, — сказала она, и голос её был хриплым, почти беззвучным. — Но я точно не знаю, где они. Я ушла...

Во взгляде Каина не было ни капли доверия.

— Ты найдёшь их, — процедил он, и эти три слова прозвучали как явный приказ, который никак нельзя послушаться.

— Хорошо, — сказала она, и голос её треснул, как стекло, в которое со всей силы кинули камень.

Каин опустил копьё. Руфь сделала глубокий вдох, и её плечи опустились. Она была жива. *Пока*.

Они стояли втроём в темноте, и ночь вокруг них была чёрной и беззвёздной, но в ней, в этой темноте, теплилось что-то, что не могли уничтожить даже ангелы.

Глава 15: Intra muros

*Небесный Доминион,
Зона Возделывания,
Ремесленный Квартал*

Глина была холодной и податливой, как всегда. Ной сжимал её в пальцах, чувствуя, как она скользит между ладоней, как принимает форму, которую он ей даёт. Работа, которая не требует мыслей. Работа, которая позволяет забыть, что внутри, под кожей, всё ещё горит печать, оставляя след, который не виден глазу, но который чувствуется каждой клеткой.

Но он не мог забыть.

Он видел их каждый раз, когда закрывал глаза. Тех, кто ворвался на площадь в чёрной одежде. Как они падали под мечами ангелов, как их кровь смешивалась с золотой, как крики обрывались, не успев родиться. Они пришли, чтобы спасти Еву, а погибли сами. Все до одного. Он не знал их имён, не знал, кто они были, но он видел, как они умирали. Видел, как их тела падали на каменные плиты, как их глаза стекленели, как руки разжимались, выпуская оружие.

Яннис. Он умер одним из первых. Ной был свидетелем этого. Был свидетелем того, как тот закричал имя Евы, как его голос прорвался сквозь шум битвы, как он поднял меч и ударил ангела. Видел, как чужая рука вошла в его грудь,

как он упал на колени, как его глаза, всегда такие спокойные, такие твёрдые, вдруг стали пустыми.

После казни его схватили сразу. Ангелы Власти пробились сквозь толпу, их руки — холодные, сильные — сомкнулись на его запястьях, заламывая их за спину. Цепи звякнули, смыкаясь на его руках, и он почувствовал, как металл впивается в кожу, оставляя следы, которые не заживут никогда. Его тащили по каменным плитам, мимо тел, мимо крови, мимо лиц, которые он никогда не забудет. Он не сопротивлялся. Не мог. Печать на его лбу горела, и каждое движение отдавалось болью, которая пронзала его насквозь.

Дом Праведного Суда встретил его белизной и тишиной. Стены были белыми. Пол — отполированным, как зеркало. Всё здесь было чистым, стерильным, правильным. И в этой правильности было что-то ещё более страшное, чем в любой грязи. Ему показалось, что он сходит с ума от этого всего.

Допрос начался на второй день. Или на третий. Он потерял счёт времени в камере, где не было окон, где свет лился непрерывно, без смены дня и ночи. Они оставляли его одного на несколько часов, а потом приходили, чтобы вырывать из него слова. Ангелы Власти были грубы, но методичны. Они били его, чтобы сломать сопротивление, но не пытались — они *ждали*, когда печать сделает свою работу. И она делала. Медленно, но верно. Каждый раз, когда она вспыхивала, он чувствовал, как его воля слабеет, как слова вырываются наружу, не спрашивая разрешения.

Но настоящая пытка началась, когда в камеру вошёл Абель.

Ной помнил и знал его. Серафим, который был правой рукой самого Иерарха. Он был таким же белым, как и эти стены — его короткие волосы, кожа, одежда. Глаза его были голубыми, как глубокая вода, и в них не было ни тени эмоций. Когда он подошёл к Ною, его голос был низким, ровным, почти ласковым:

— Расскажи мне всё, — сказал он, и это вовсе не было просьбой.

Печать на лбу Ноя вспыхнула, и он начал говорить. Он не мог остановиться. Слова текли из него, как вода из прорванной плотины. Он рассказал о Еве, о том, как она жила, как работала. Рассказал о Яннисе, о его старых связях с Сопротивлением, о том, что они планировали. Рассказал о Зоне Отверженных, о сигналах, о старьёвщике, о Кире, о людях в чёрном. Он говорил, и каждое слово отдавалось болью, но он не мог замолчать.

Абель слушал, не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемым, и только иногда, когда Ной упоминал Еву, его глаза чуть сужались. Он записывал всё, что говорил Ной, и его пальцы, длинные и бледные, двигались с механической точностью.

Когда допрос закончился, Абель встал, подошёл к Ною и наклонился к его уху. Его голос был тихим и вкрадчивым:

— Ты сделал *правильный* выбор. Ты помог нам. Мы не

забудем твоей помощи.

Ной смотрел на него, чувствуя, как внутри, в груди, поднимается тошнота. Он хотел закричать, что он не помогал им, что его заставили, что он не хотел. Но слова застряли в горле. Он мог только смотреть, как Авель выходит из камеры, как дверь закрывается за ним, как тишина снова заполняет комнату.

Его отпустили на пятый день. Он не знал, почему. Может быть, они решили, что он совсем не опасен. Может быть, они хотели использовать его как приманку. Может быть, они просто забыли о нём. Он не знал. Но он вышел из Дома Праведного Суда живым, и это было хуже смерти.

Теперь он был *один*. Его мастерская всё ещё стояла там. Его инструменты всё ещё ждали его рук. Но всё было *иначе*. Янниса не было. Вместо него пришёл этот юный, неуклюжий парень, который смотрел на него с надеждой, которую Ной не мог вынести.

Глина в его руках треснула. Ной уставился на обломки, чувствуя, как внутри, в груди, поднимается ярость. Она была горячей, как расплавленный металл, и она заполняла его, не оставляя места ни для чего другого. Он швырнул глину в стену, и она глухо ударилась о камень, оставляя на нём мокрое, бесформенное пятно.

— Опять, — раздался голос за спиной. Тихий, робкий, почти виноватый. — Опять ты сломал

Ной не обернулся. Он знал, кто это. Дьякон. Новый на-

парник. Юный, неуклюжий, с вечно испуганными глазами и руками, которые дрожали, когда он брался за работу. Ему было, наверное, около двадцати циклов, может, меньше. Он был похож на Еву — такой же худой, с бледной кожей и взглядом, который пытался казаться смелым, но выдавал страх.

— Заткнись, — бросил Ной, не повышая голоса. — Делай свою работу.

Дьякон замолчал. Он стоял у верстака, сжимая в руках кусок глины, и его пальцы, тонкие, нервные, дрожали. Он смотрел на Ноя, и в его глазах была надежда. Надежда на то, что Ной может его спасти. Надежда на то, что он не один.

Ной отвернулся, чувствуя, как внутри закипает гнев. Он знал, что Дьякон не виноват. Знал, что парень просто пытается выжить, как и все. Но Ной не мог смотреть на него. Потому что каждый раз, когда он смотрел на Дьякона, он видел себя. Таким же. Сломленным. Испуганным. Таким, каким он стал после того дня.

Он снова взял глину. Глина скользила между пальцами, холодная и податливая, и он чувствовал, как она принимает форму. Миска. Простая, грубая, такая же, как тысячи других. Руки двигались сами, без участия мозга, и это было единственное, что держало его на плаву.

Но мысли всё равно возвращались к одному.

Я выдал их, — думал он, и слова эти бились в висках, как птица в клетке. — Я рассказал им всё.

Он сжимал глину, чувствуя, как она трескается под пальцами, как влага стекает по рукам, оставляя мокрые следы.

Теперь они будут использовать меня. Они следят за мной. Каждый мой шаг известен им. Каждое моё слово. Каждая мысль.

Он не знал, как они это делают. Не знал, есть ли у них способ читать его мысли, или они просто следят за ним, ждут, когда он сделает ошибку.

— Ной, — снова раздался голос Дьякона. — Ты ты в порядке?

Ной резко повернулся. Его глаза, серые, уставшие, встретились с глазами Дьякона, и в них, в этих глазах, было столько злости, что парень отшатнулся.

— Я сказал, *заткнись!* — закричал Ной, и его голос эхом разнёсся по мастерской. — Делай свою работу и не лезь ко мне!

Дьякон опустил глаза. Его руки дрожали, и он сжал глину так сильно, что она начала расползаться между пальцев. Он не смотрел на Ноя. Он смотрел в пол.

Ной отвернулся, чувствуя, как внутри, в груди, поднимается тошнота. Он не хотел кричать на него. Он не хотел быть таким. Но он не мог остановиться. Не мог контролировать себя. Каждый день, каждый час, каждое мгновение он чувствовал, как *кто-то* смотрит на него. Как *кто-то* ждёт. Как *кто-то* знает всё, что он делает.

Он смотрел на свои руки. На глину, которая всё ещё была

у него в пальцах, на мозоли, которые покрывали его ладони, на шрамы, оставленные цепями. Он думал о Яннисе. О том, как он стоял на площади, и кричал имя Евы. Как он упал, пронзённый кулаком ангела.

Я должен был умереть с ним.

Он знал, что Дьякон наблюдает за ним. Знал, что парень стоит там, молчит, боится сказать что-то ещё. И это знание было почти хуже всего остального. Потому что он был один. Совсем один.

И он знал, что ангелы всё равно найдут Еву. Рано или поздно. И когда они это сделают, он будет виноват. Всё, что случится, будет *его* виной.

А Бри...

Бри *пропала*. Ной понял это не сразу — слишком много всего произошло, слишком много событий обрушилось на него, как лавина. Только через несколько дней, когда шок начал проходить, когда вопросы ангелов стали более навязчивыми, более конкретными, он вдруг осознал: Бри нет. Её не было на площади. Её не было дома. Её не было нигде.

Ангелы спрашивали о ней. Они задавали вопросы о её привычках, о её друзьях, о том, где она могла бы спрятаться. Ной чувствовал, как печать на его лбу вспыхивает, когда они произносили её имя, как она заставляет его говорить, выплёвывать слова, которые он хотел оставить при себе. Но он ничего не знал о Бри. Совсем ничего. Она была наименее близка с ним, чем с остальными. Ева была сердцем их маленькой

группы, Яннис — её стержнем, а Бри Бри была тенью, которая всегда была рядом, но никогда не была в центре.

Ной знал, что она работала на плантации, что она жила вместе с Евой в их старой лачуге, что она боялась ангелов больше, чем кто-либо. Он знал, что она была пухленькой, с вечно растрёпанными светлыми кудрями и глазами, которые смотрели на мир с испуганным любопытством. Он знал, что Ева любила её, что она защищала её, как младшую сестру, хоть та и была старше самой Евы. Но он никогда не был с ней близок. Он никогда не знал её по-настоящему.

А теперь она пропала.

Ангелы допрашивали его о ней, и он чувствовал, как печать сжимает его сознание, вырывая из него информацию, которой у него не было. Он говорил им: *«Я не знаю, где она. Я не знаю, что с ней случилось. Я не знаю, почему она не выходит на работу»*. Он повторял это снова и снова, и его голос был ровным, совершенно неосознанным. И в конце концов ангелы оставили его в покое. Поняли, что он действительно ничего не знает.

Но он думал о ней. Каждый раз, когда в мастерской становилось тихо, когда глина застывала в его руках, он думал ещё и о Бри.

Что с ней случилось? — спрашивал он себя. — Неужели она сбежала? Тогда почему одна? Почему не с нами? Почему она не пришла на площадь, чтобы помочь Еве?

Он знал, что Бри боялась. Бри всегда боялась ангелов, бо-

ялась печати, боялась даже говорить о свободе вслух. Но она никогда не была трусихой. Она была смелой в своей робости. Она держалась за Еву, как за якорь, как за единственное, что связывало её с этим миром.

Он не хотел думать о худшем. Он не хотел думать о том, что Бри на самом деле могла быть схвачена, как и он. Что она могла быть в камере, в Доме Праведного Суда, и её пытали. Что она могла быть мертва. А ангелы просто издевались над ним.

Ной сжал глину, чувствуя, как она трескается под пальцами. Он хотел проверить дом Бри и Евы. Хотел пойти туда, осмотреться, найти хоть какой-то след, хоть какую-то зацепку. Но он знал, что это бесполезно. Ангелы уже наверняка несколько раз обыскали этот дом, каждый уголок, каждую щель. Если там что-то и было, они уже нашли это. Или уничтожили.

— Ной, — раздался робкий голос Дьякона за спиной. — Ты ты слышал, что я сказал?

Ной вздрогнул, вырываясь из оцепенения. Он обернулся и посмотрел на Дьякона — на его юное, испуганное лицо, на его руки, которые дрожали, сжимая глину.

— Нет, — сказал Ной, и голос его был низким, как рык. — Я не слышал.

— Я я сказал, что хочу пойти домой, — прошептал Дьякон. — Мне нужно отдохнуть. Я устал.

Ной смотрел на него, и внутри, в груди, закипала злость.

Он хотел закричать на него, сказать, что он не имеет права уставать, что он не имеет права жаловаться, что он — просто мальчишка, который ничего не знает о настоящей усталости. Но он не сделал этого. Он просто отвернулся.

— Иди.

Дьякон не заставил себя ждать. Он быстро вышел из мастерской, и дверь за ним закрылась с тихим стуком. Ной остался один.

Ной никогда не думал о мести. По крайней мере, он так считал. Мечь — это удел слабых, тех, кто не может принять боль и превратить её в нечто иное. Он всегда презирал это чувство, считал его пустым, бесполезным, разрушительным. Яннис часто говорил: *«Мечь не возвращает мёртвых. Она только убивает живых»*. Ной запомнил эти слова. Он повторял их себе, когда ангелы забрали Еву, когда стоял на коленях у тела Янниса, когда он сам сидел в камере и чувствовал, как печать вырывает из него слова. Мечь не вернёт их. Мечь не изменит прошлое. Мечь — это пустота.

Но он и сам не понял, когда это чувство начало прорастать в нём. Как сорняк, который появляется из трещины в камне, незаметно, неумолимо. Сначала это была просто боль — тупая, ноющая, которая не проходила, сколько бы он ни работал, сколько бы ни пытался забыться. Потом к боли примешалась злость — горячая, горькая, она заполняла его, когда он смотрел на свои руки, на глину, на пустую мастерскую. А потом, незаметно, злость превратилась во что-то другое. Во

что-то, что ждало своего часа.

Ной не знал, что он здесь делает. Сегодня он взял выходной. Редкое право, которое каждый работник Зоны Возделывания мог использовать раз в цикл. Он не сказал никому, куда идёт. Не оставил записки. Не предупредил Дьякона. Он просто вышел из мастерской, когда небо на востоке только начинало светлеть, и пошёл туда, где начинались поля плантаций.

Утро было холодным. В последние дни воздух стал колким, с тонким, едва заметным морозцем, который оседал на траве инеем. Ева, если бы была здесь, наверное, сказала бы, что конец цикла близко. Что земля замрёт на несколько недель, давая работникам передышку. Но Евы здесь не было. Она была где-то там, за Стеной, в Зоне Отверженных, и Ной не знал, жива ли она, свободна ли, или уже давно была убита каким-нибудь случайным диким животным, которых за Стеной было намного больше.

Плантации простирались перед ним. Стебли всё те же, тянулись к небу, и между ними, согнувшись, двигались фигуры. И он уже собирался уйти, когда увидел его. *Дорион*. Его фигура выделялась среди остальных, массивная, грузная, и он двигался с той же уверенностью, как будто ничего не случилось. Как будто Ева не была приговорена на казнь. Как будто он был хозяином этого мира.

Ной остановился. Он стоял недалеко от начала первой плантации, скрытый за грузом камней и кустов, и смотрел на

Дориона. Он не знал, что он здесь делает. Он сказал себе, что ищет Бри. Это было его оправдание, его защита, если ангелы заметят его. Он ищет *Бри*, свою *подругу*, которая пропала. Это звучало правдоподобно. Это звучало почти *безопасно*.

Но он знал, что это ложь. Он знал, что пришёл сюда не ради Бри. Он пришёл сюда ради него. Ради человека, из-за которого всё началось. Из-за которого они потеряли Еву. Из-за которого Яннис мёртв.

Ной смотрел, как Дорион работает. Он двигался медленно, но уверенно, срывая листья, проверяя стебли. Его лицо было спокойным, почти довольным. Он не боялся. Он не чувствовал вины. Он просто делал свою работу, как будто ничего не случилось. Как будто он не разрушил их жизни. Как будто он не был чудовищем.

Как будто не был покорным псом крылатых тварей.

Ной сжал кулаки. Он чувствовал, как ногти впиваются в ладони, как кровь приливает к лицу, как внутри, в груди, разгорается пожар. Он хотел подойти к нему, схватить его за горло, заставить его смотреть в глаза, заставить его понять, что он сделал. Но он не мог. Не здесь. Не сейчас. Ангелы следили за ним. Ангелы знали *всё*, что он делает.

Но он запомнил. Он запомнил каждое движение Дориона, каждую деталь его лица. Он запомнил, как тот стоял, как он двигался, как он улыбался. Он запомнил это, как запоминают врага, чтобы однажды встретиться с ним лицом к лицу.

Ной развернулся и пошёл прочь. Он шёл по тропе, и про-

хладный воздух обжигал его лицо. Он шёл, и в голове его пульсировала одна мысль — та, которую он не мог заглушить.

Он вернётся. Не сегодня. Не завтра. Но вернётся. И когда он вернётся, будет готов.

Вечный Храм

Свет в Вечном Храме был другим. Не тем, тусклым и серым, что просачивался сквозь облака Небесного Доминиона, — золотым, тягучим, как мёд. Он лился из высоких окон и падал на полированный мрамор пола, превращая его в зеркало. Тишина здесь была наполненной веками, молитвами. Казалось, воздух здесь застыл, как вода в леднике, и даже время текло иначе — медленно, величественно.

Задкииль стоял у окна, которое выходило на Зону Покоя. Отсюда, с высоты Храма, она казалась игрушечной — аккуратные белые дома, ровные улицы, зелень, которая никогда не увядала. Люди двигались по ней, как муравьи, и их жизнь была такой же предсказуемой, как движение воды в каналах. Они не знали страха. Они не знали сомнений. Они были идеальны. Идеально пусты. Идеально *попослушны*.

Его пальцы, длинные и бледные, медленно скользили по косе. Белые волосы, перехваченные тремя золотыми кольцами, струились сквозь них, как песок. Он гладил их, не замечая этого жеста — он был слишком привычным. Золотые глаза смотрели на Зону Покоя, но видели они другое. Видели прошлое. Видели ошибки. Видели девушку.

Ева.

Он не мог выбросить её из головы. Её лицо, глаза, голос, когда она стояла перед ним, не моля о пощаде. Как такое могло случиться? Как она могла всё это время жить без печати? Это было невозможно. Печать ставилась каждому младенцу, каждому ребёнку, рождённому в Доминионе. Она была частью порядка, частью закона. И всё же она была. Чистая. Пустая. *Свободная.*

Задкииль чуть наклонил голову, и его пальцы замерли на косе. В его золотых глазах мелькнула тень странного, чужеродного чувства, которого не должно было существовать в его груди. Он был *высшим* существом в этом мире. Он не должен был чувствовать ничего, кроме уверенности. Ничего, кроме порядка. Но это чувство — *оно было там.* Оно росло, разрасталось, как трещина в стене, которую он не мог заделать.

Её родители, — подумал он, и эта мысль была холодной, как сталь. — *Они должны были быть теми, кто скрыл её. Теми, кто отказался от порядка. Предателями. Но как им это удалось?*

Он не знал ответа. И это раздражало его больше, чем само существование девушки. Он был Иерархом. Он был создателем порядка. И кто-то, где-то, обманул его. Обманул его систему. Обманул его самого. Эта мысль неприятно впивалась в его сознание.

Его губы, тонкие и бледные, изогнулись в горькой усмеш-

ке. Он вспомнил Каина. Того, кто должен был умереть. Того, кто *был* мёртв. Того, кого он сам убил ещё до первого цикла, когда тот стоял на коленях и смотрел на него пустыми глазами. Но Каин был жив. Воскрешённый. Силами того, кого Задкииль заточил в недрах собственного Храма.

Ауриэль.

Имя прозвучало в его голове, как эхо давно забытой молитвы. Задкииль закрыл глаза, и перед ним встало родное до боли лицо. Золотые волосы, струящиеся по плечам. Глаза, которые когда-то были такими же, как его собственные, золотыми, но потом стали другими — тёмными, как ночь. И голос. Тот самый голос, который когда-то говорил: «*Мы должны защитить их. Защитить*».

Воспоминания одолели его. Он видел Ауриэля таким, каким он был в первый день, когда они спустились на землю. Его крылья были белыми, как снег, и они сияли так ярко, что на них было больно смотреть. Он смеялся. Улыбался. Он говорил: «*Мы дадим им надежду, Задкииль*». И Задкииль верил ему. Он верил ему, потому что он был его другом. Его братом. Его спутником в этом бесконечном путешествии.

Но всё изменилось, когда он стал свидетелем первого убийства. Первого *братоубийства*. Не первого греха, нет, далеко нет. Но именно тогда и случилось самое настоящее *Грехопадение*. Не тогда, когда Ева и Адам осознали свою наготу, а когда их первенец, старший сын по имени Каин, начал вечную цикличность жестокости и насилия.

И все последующие люди стали жадными, злыми, жестокими. Они убивали друг друга за еду, за воду, за глоток воздуха. Они предавали друг друга. Они разрушали всё, что строили. И Задкииль понял, что они не заслуживают свободы. Они заслуживали порядка. Они заслуживали того, чтобы их направляли. Чтобы их контролировали. Чтобы их защищали от них самих.

Ауриэль не согласился. Он сказал, что люди имеют право на ошибку. Что свобода — это не подарок, а *право*. Что они должны дать им шанс. Задкииль не мог понять его. Он пытался убедить его, объяснить, что он не прав. Но Ауриэль был упрям. Он был таким же упрямым, как и в тот день, когда они впервые встретились.

И тогда Задкииль сделал то, что должен был сделать. Он заточил его. В недрах собственного Храма. В цепях, которые никто не мог разорвать. Он сделал это, чтобы защитить порядок. Чтобы защитить Доминион. Чтобы защитить *всех*.

Но теперь он смотрел на Зону Покоя и чувствовал странное, почти неуловимое беспокойство. Что-то внутри него шевелилось, как змея, которую он не мог раздавить. Он не знал, что это было. Не понимал, откуда оно взялось. Он был Иерархом. Он был *создателем* этого мира. И он не должен был чувствовать ничего, кроме уверенности в своей правоте. Но оно было там. И оно не уходило.

— Господин, — раздался голос за спиной. Тихий, вкрадчивый, как шелест пергамента.

Задкииль не обернулся. Он знал, кто это. Малхиор — маленький ангел с двумя короткими крыльями, похожими на обрубки, и лицом, напоминающим сморщенный плод. Он был преданным, как верный пёс, и всегда появлялся тогда, когда его не ждали.

— Я не звал тебя, — сказал Задкииль, и его голос был ровным, без эмоций.

— Я знаю, господин, — ответил Малхиор дрожащим от почтения голосом. — Но к вам пришёл Серафим Авель. Он говорит, что вы звали его.

Задкииль повернулся. Серафим был бледным, как всегда, его короткие белые волосы были аккуратно уложены, и на его лице не было ни тени эмоций. Он смотрел на Иерарха, и в его взгляде читалась та же холодная преданность, что и всегда. Но в его голубых глазах мелькнула тень вопроса.

— Вы меня звали, Иерарх?

Его золотые глаза встретились с глазами Авеля, и в них, в этих золотых глазах, не было ни гнева, ни приказа. Было что-то другое. Что-то, что заставило Авеля затаить дыхание. Изучение. Исследование. Будто Иерарх видел его впервые и пытался разглядеть в нём что-то, что было скрыто от глаз других. Не сходство, нет. Он искал противоположность. Он искал черты, которые разделяли Авеля и Каина. Черты, которые делали их разными. Далёкими. *Врагами.*

Авель нахмурился. Он чувствовал, как по спине пробегает холод, как внутри, в груди, закипает напряжение. Он не

понимал, что делает Иерарх. Не понимал, зачем он смотрит на него так, будто видит сквозь него кого-то другого. Но он не отвел взгляда.

— Иерарх? — произнёс он, в голосе слышалось лёгкое напряжение.

Задкииль не ответил. Он подошёл ближе, и его шаги эхом разнеслись по залу. Он слишком близко остановился от Авеля, и его холодный, как звёздный свет, взгляд впились в него. Его фигура нависала над Серафимом, как тень горы, как предвестник бури. В нём не было той привычной холодной отстранённости, которую Абель привык видеть, — была *угроза*. Древняя, тягучая, как яд, который медленно просачивается в кровь.

— Ты знаешь, что это такое — сказал он, и его голос был низким и опасным. — Твой родной, единоутробный братец? Тот, кого ты хотел убить, но не смог?

Авель замер. Его челюсть сжалась, и он почувствовал, как мышцы на лице напрягаются, как дыхание становится глубже. Он смотрел в золотые глаза Иерарха, и в груди, закипала знакомая, горячая злость. Но он не позволил ей вырваться наружу.

— Я больше не считаю его своим братом, — признался он ледяным голосом.

Задкииль усмехнулся. Эта усмешка была тёмной, почти чудовищной. Его губы изогнулись в улыбке, которая не была улыбкой, — она была оскалом, обнажающим идеальные зу-

бы. Он шагнул ещё ближе, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от лица Авеля. Его дыхание, морозное, как ледяной ветер, коснулось кожи Серафима.

— *Авель!* — его голос сорвался на оглушительный крик.

Авель дёрнулся, но не отступил. Он почувствовал, как его руки сами собой уходят за спину, как пальцы сжимаются в кулаки, как ногти впиваются в ладони. Он опустил взгляд, не в силах больше смотреть в эти глаза, которые горели странным, почти безумным светом. Перемена в настроении Иерарха это всегда было опасно. Всегда непредсказуемо. Как погода перед бурей, как затишье перед ураганом, когда воздух становится тяжёлым, а тишина — угрожающей.

— Ты знаешь, *кто* он? — спросил Задкииль, и его голос стал тише, спокойнее, но от этого не менее угрожающим. В нём не было ярости — в нём была абсолютная, ледяная уверенность. Уверенность в том, что он прав. Уверенность в том, что Каин — не просто беглец. Что он — нечто большее. Что он — угроза всему, что Задкииль создал.

— Нет, — сказал Авель глухим голосом. — Я не знаю.

Задкииль усмехнулся — почти оскалился. Его тонкие губы изогнулись в улыбке, которая была как нож, — тонкая, острая, готовая полоснуть по горлу. Он отступил на шаг, развернулся и направился к своему трону в центре зала. Его шаги были медленными и каждый из них отдавался эхом, как удар колокола. Он шёл, как хищник, который знает, что добыча никуда не денется.

— Твой брат — это больше не человек и вовсе не ангел, как ты, — сказал он, и его голос эхом разнёсся по залу. — Это *существо*. Существо, которое можно сравнить с уроборосом, пожирающим собственный хвост. Он — начало и конец. Он — то, что должно было быть уничтожено, но выжило. Он — *Антихрист*.

Авель поднял голову. Он не понимал. Он *не хотел* понимать. Но слова, которые он услышал, впились в него, как когти, как клыки, как лезвия, которые оставляют раны, вечные, невидимые глазу.

— Вы правда верите в это? — спросил он, и его голос был тихим, но в нём чувствовалось напряжение. — Вы правда верите, что мой что *Каин* Антихрист?

Задкииль смотрел на него, и в его взгляде не было ни сомнения, ни вопроса. Только уверенность. Только знание. Только холодная, абсолютная вера в то, что он говорит правду.

— У него чёрные крылья, Авель, — сказал он тихо, но жёстко, убеждённо. — Тогда, на площади, его меч горел чёрным огнём. Он сам горел. Он — Задкииль замолчал, и его пальцы сжали подлокотники трона. — Он — тот, кто приходит ко мне в пророчестве. Тот, кто уничтожит всё, что я создал. Тот, кто разрушит порядок, который я установил. Он — не просто беглец. Он — *конец*.

Авель стоял неподвижно. В его голове крутились обрывки воспоминаний, фрагменты того дня, когда он стоял на пло-

щади и смотрел, как его брат поднимается в воздух с чёрными крыльями. Он помнил его глаза, чёрные, как бездна. Помнил его меч, который горел тёмным, пугающим светом. Помнил его голос, когда он пугающе сказал: «*Я не уйду, пока Доминион не падёт*». И в этом воспоминании была лишь одна пустота. Такая же, как в его груди.

Его пальцы, сжатые в кулаки, всё ещё дрожали от напряжения, которое не отпускало его. Он чувствовал, как холод, исходящий от Иерарха, проникает под кожу, оставляя после себя ощущение чужого прикосновения. Он не боялся. Он был Серафимом, правой рукой Иерарха, и страх был неведом ему. Но напряжение было. Оно висело в воздухе, как отрезвляющий запах перед бурей.

Задкииль сидел на троне, откинувшись на спинку, и его пальцы, длинные и бледные, покоились на подлокотниках. Он смотрел на Авеля, и в его глазах было льдистое, спокойное ожидание.

— Вы нашли следы? Следы Каина и той девушки, *Евы*?

Авель замер, чувствуя, как внутри, в груди, закипает знакомая, ноющая пустота. Он думал о том дне, когда они бежали с площади, о том, как Каин поднялся в воздух на своих чёрных крыльях, прижимая к груди слабое тело Евы. Он думал о том, как много отрядов он послал за ними — и как мало из них вернулось.

— Почти все отряды, посланные за ними, не вернулись, — сказал он глухим, почти беззвучным голосом. — Те, что

вернулись, вернулись с пустыми руками. Они не нашли ни их, ни следов. Зона Отверженных слишком велика, слишком опасна. Дальше и глубже продвигаться туда такими малыми отрядами бесполезно и рискованно. Вы же прекрасно знаете о *Сопротивлении*.

Слово хрупко повисло в воздухе. Задкииль чуть наклонил голову, и в его золотых глазах мелькнула тень отворачивания. Те, кто отказался от его порядка. Те, кто скрывался в тенях, кто жил в развалинах, кто ждал момента, чтобы нанести удар. Они были как сорняки, которые прорастали сквозь трещины в камне, как плесень в углах идеально чистой комнаты. Они не могли разрушить Доминион, но они могли ранить его. И это раздражало Задкииля больше, чем открытая война.

Иерарх кивнул, и его пальцы, длинные и бледные, снова скользнули по косе. Он смотрел в пустоту, в те самые тени, которые прятались между колоннами, и его взгляд вдруг стал мягче. Мягче, но не теплее.

— Мне даже жаль ту девчонку, — сказал он тихим, почти задумчивым голосом. — Еву. Она сама наверняка не подозревает, в чьих руках находится. Она думает, что её спас герой, что она свободна, что она наконец-то выбралась из клетки. Но она всего лишь перешла из одной клетки в другую. Из железной — в золотую.

Авель нахмурился. Его голубые глаза проследили за взглядом Иерарха и остановились на окне, за которым рас-

кинулась Зона Покоя.

— Вы думаете, что рано или поздно он прикончит её, — понял Абель, напряжённо поразмыслив над его словами. — Почему?

Задкииль усмехнулся. Усмешка была холодной, как лёд, который скрывает под собой бездну. Он поднялся с трона.

— Хищного зверя нельзя приручить, — почти шёпотом начал он. — Можно лишь по маленькому кусочку его кормить, давать ему иллюзию сытости, иллюзию безопасности. Но рано или поздно зверь теряет терпение, теряет *контроль*. И вгрызается в долгожданную плоть со всей своей жестокостью, обглодав до косточек.

Задкииль вновь отошёл к окну. Он остановился у самого края, и его высокая фигура на мгновение заслонила свет, льющийся снаружи. Он глубоко вдохнул. Воздух в Храме был холодным, сухим, и он наполнял лёгкие, как вода, оставляя после себя ощущение пустоты. Задкииль закрыл глаза на мгновение, и его лицо, бледное и непроницаемое, стало ещё более отстранённым, ещё более далёким.

— Скоро подойдёт конец цикла, — сказал он, и его голос был тихим, почти задумчивым. — Я чувствую это. Воздух становится холоднее. Люди начинают сомневаться. Сомнение — это трещина, которая может разрушить даже самую прочную стену.

Он открыл глаза и повернулся к Малхиору, который всё это время стоял в тени, у самой колонны, ожидая любого

приказа. Маленький ангел замер, когда взгляд Иерарха остановился на нём.

— Малхиор. Собери всех ангелов первого лика в Большом Зале. *Немедленно.*

Малхиор кивнул, и его глаза, маленькие и блестящие, как бусины, вспыхнули тревогой. Он не задавал вопросов. Он не колебался. Он просто развернулся и быстро, почти бесшумно, скользнул к выходу, исчезая в тени коридора.

Авель продолжал стоять у входа, следя глазами за Иерархом. Он не произнёс ни слова. Он не задал ни одного вопроса. Но его взгляд был внимательным, цепким, как у охотника, который изучает добычу. Он замечал мелкие детали, которые раньше ускользали от него. Замечал, как пальцы Задкииля сжимаются на подлокотниках трона чуть сильнее, чем обычно. Замечал, как его дыхание становится чуть глубже, чуть более прерывистым, когда он говорит о конце цикла. Замечал, как в его золотых глазах, всегда таких холодных и непроницаемых, мелькает тень чего-то далёкого.

И это наблюдение, это тихое, почти незаметное изучение, заставило его напрячься. Потому что если Иерарх начинал проявлять признаки беспокойства, это означало, что что-то было не так. Что-то, что даже он, Серафим, правая рука Иерарха, не мог предвидеть.

— Пора привести в движение нашу цель, — его голос эхом разнёсся по залу. — Пока люди не начали сомневаться и противиться сильнее. Пока они ещё верят, что порядок — это

их спасение. Мы должны сделать их ещё более послушными, ещё более покорными. А тех, кто восстанет против — он замолчал, и его руки сжались в кулак, — мы *утопим*.

Авель замер. Слова Иерарха тяжело повисли в воздухе и он чувствовал, как они проникают под кожу, оставляя после себя мороз. Он знал, о чём говорит Задкииль. Знал, что значит «*утопить*». Знал, что это не метафора. Это было обещание. Предупреждение. Приказ.

— Ты знаешь, кто будет первым, — процедил Задкииль, не оборачиваясь. Его голос был приглушённым, но в нём слышалась сталь, которую не могли согнуть ни время, ни сомнения.

Авель сдержанно, мрачно кивнул.

— Я знаю, Иерарх. Я сделаю всё, что нужно.

Задкииль медленно повернулся. Его золотые глаза встретились с глазами Авеля, и в них не было ни благодарности, ни одобрения. Только каменная, невозмутимая решимость.

— Иди, — сказал он. — Готовься. Скоро начнётся новый цикл. И он будет последним для многих.

Глава 16: *Alius mendacium*

Небесный Доминион,

Зона Отверженных

Она не знала, где она.

Не знала, сколько прошло времени. Не знала, жива ли она ещё, или уже умерла, а это просто продолжение — тёмное, тягучее, бесконечное. Мысли текли, как вода сквозь пальцы, ускользали, распадались на куски, на обрывки, на звуки, которые не складывались в слова. Её сознание было похоже на разбитое зеркало — осколки того, что когда-то было целым, теперь лежали в беспорядке, отражая лишь обрывки света, обрывки памяти, обрывки её самой.

Темнота.

Всё, что она видела, была темнота. Она давила на глаза, на веки, на самую глубину сознания, и Бри чувствовала, как она проникает внутрь, заполняя каждую клетку, каждую щель, каждую трещину в её разуме. Она пыталась открыть глаза, но они не открывались. Или открывались, но видели только тьму. Ей казалось, что её глаза завязаны. *Да, завязаны.* Она чувствовала ткань, грубую, плотную, которая давила на веки, впивалась в кожу вокруг глаз, оставляя на ней пульсирующие следы. И рот тоже. Она чувствовала ткань, грубую, плотную, которая впивалась в губы, сжимала челюсти, не давала дышать полной грудью. Она пыталась вдохнуть глуб-

же, но воздух проходил сквозь ткань тонкой, прерывистой струйкой, и каждый вдох давался с трудом, оставляя во рту привкус грязи и пота.

Запахи.

Сначала она не понимала, что это. Потом медленно, как сквозь туман, до неё дошло: земля. Влажная, холодная земля. Прелые листья. Гнилая трава. И ещё что-то, резкое, горькое, как дым, который просачивается сквозь щели в стенах. И запах пота. Чужого пота. Тяжёлого, кислого, как у пса, который долго бежал. Она чувствовала его, этот запах, он был повсюду, он окутывал её, проникал в ноздри, оседал на языке, даже сквозь ткань, завязанную на её рту. Бри чувствовала, как этот запах смешивается с запахом крови — *её собственной? Чужой?* — и это смешение делало её сознание ещё более мутным.

Звуки.

Где-то далеко, на краю сознания, слышались шаги. Тяжёлые, мерные, ритмичные. Хруст веток, шорох листьев, глухие удары ног о землю. И дыхание. Чужое, глубокое, прерывистое. Она слышала его, это дыхание, и знала, что оно принадлежит тому, кто несёт её. Иногда дыхание сбивалось, становилось чаще, и тогда она чувствовала, как её тело дёргается, как его удобнее перехватывают в чужих руках, как ветер касается её кожи, проникая под одежду, оставляя следы холода.

Она хотела закричать, но не могла. Рот был завязан. Она

хотела вырваться, но не могла. Руки и ноги тоже были связаны. Верёвки, грубые и жёсткие, впивались в запястья, в лодыжки.

Воспоминания.

Они приходили обрывками, как разбитое зеркало, из которого торчат острые осколки. *Ева*. Она видела Еву — её лицо, бледное, искажённое страхом. Крики. Ангелы. Чьи-то крылья, белые, как снег, и золотая кровь, разлетающаяся брызгами. А потом — темнота. И чей-то голос, низкий, угрожающий, который произносил слова, которые она не могла понять. Она помнила, как её схватили. Помнила, как её тащили через поля, через лес, через руины.

Время.

Оно текло странно — как вода, которая застывает, а потом вдруг ускоряется. Иногда ей казалось, что прошла вечность. Иногда — что прошло всего несколько минут. Она не могла определить, где правда, а где ложь. Её разум был затянут густым туманом, и она не могла пробиться сквозь него к ясным мыслям. Она чувствовала, как её сознание скользит по поверхности, не в силах удержаться за что-то твёрдое, за что-то реальное.

Голоса.

Они доносились откуда-то сверху, сбоку, из ниоткуда. Иногда близко, почти над ухом, иногда далеко, как будто люди говорили в другом конце длинного коридора. Голоса были глухими, искажёнными, как будто доносились из-под во-

ды, но иногда, в редкие моменты, они становились чёткими, почти понятными.

— Она ещё не очнулась, — сказал один голос. Низкий, хриплый, как скрежет камня. — Сколько можно её тащить?

— Терпи, Никон, — ответил другой. Тихий, ровный, почти безэмоциональный. — Мы идём уже пять дней. Завтра... завтра мы будем там.

— Она тяжёлая, — снова сказал первый голос, и в нём послышалось раздражение. — И воняет.

— Она не воняет, — ответил второй. — Это ты воняешь, Никон. Когда ты последний раз мылся?

— Когда мы в последний раз были в лагере, — огрызнулся первый. — И ты это знаешь.

— Тогда молчи и неси её.

Бри слышала, как слова просачиваются сквозь туман, как они оседают в её сознании, оставляя после себя странный, тяжёлый след. Она не знала, что они значат. Не знала, кто говорит.

Запахи.

Они стали сильнее. Дым. И ещё что-то — металл, железо, кровь. Бри почувствовала, как её тело напрягается, как сердце начинает биться быстрее. Она не знала, что это значит, но её тело знало. Оно реагировало на опасность, даже когда разум был затянут туманом.

Она почувствовала, как её опускают на землю. Грубо, без церемоний. Её тело ударилось о холодную, мокрую землю, и

она почувствовала, как влага проникает сквозь одежду, как холод впивается в кожу. Кто-то наклонился над ней. Она чувствовала его дыхание — тёплое, тяжёлое. И запах — тот самый запах, который преследовал её весь путь.

Они шли уже больше дня.

Всё смешалось в один бесконечный, тягучий поток — серое небо, влажная земля, холодный воздух, который обжигал лёгкие при каждом вдохе. Ева просто шла, переставляя ноги, чувствуя, как каждая клетка её тела кричит о боли, о голоде, о сне, о том, чтобы просто остановиться и упасть. Рана от стрелы иногда кровоточила, пульсировала, заставляла останавливаться, и Еве казалось, что ещё чуть-чуть — и она умрёт от потери крови или заражения.

Раннее утро встретило их туманом. Он был густым, молочным, непроглядным, и он обволакивал лес, делая его похожим на мир, который существует только на границе сна и яви. Деревья вырисовывались из него, как призраки, их ветви тянулись к небу. Земля под ногами была влажной, холодной, она впитывала тепло, оставляя после себя только сырость и липкий холод. Воздух был удивительно ледяным, он проникал под одежду, под кожу, в кости, оставляя после себя дрожь, которую невозможно было унять.

Ева чувствовала себя пустой. Не просто уставшей, а по-настоящему опустошённой, как будто из неё вынули всё, что было важно. Она смотрела вперёд, на спину Каина, который шёл впереди, и на Руфь, которая вела их, и её мысли были

такими же туманными, как тот лес, через который они сейчас шли.

Каин и Руфь, казалось, не чувствовали усталости. Они шли ровно, не сбавляя шага, и их дыхание было таким же ровным, как и их шаги. Руфь, с её цепкими большими глазами, то и дело косилась на Каина, как будто боялась, что он может сделать что-то в любой момент. Её движения были быстрыми, точными, и в них чувствовалась тренировка, которую Ева не могла понять. Она смотрела на Руфь и видела в ней ту же стойкость, ту же выносливость, что и в Каине. Они были как два хищника, которые привыкли к этой земле. Они не уставали. Они не жаловались. Они *просто* шли.

А она... она была *просто* человеком. Обычным человеком, который не был рождён для этого мира, который не был рождён для этого леса, для этого холода, для этого бесконечного пути. Она чувствовала, как её тело начинает сдаваться, как мышцы дрожат от напряжения, как голова кружится от голода. Она чувствовала, как её сознание начинает затягиваться туманом, таким же густым, как тот, что окружал их. Она хотела остановиться. Она хотела сесть на землю и просто закрыть глаза. Она хотела, чтобы этот кошмар закончился.

Но она шла. Потому что если бы она остановилась, она бы умерла. И она знала это. Знала, что Каин не остановится ради неё. Что Руфь не повернёт назад. Что она должна идти, даже если её тело кричит о пощаде.

Каин шёл впереди, с копьём в руках. Он шёл спокойно, но от него исходила странная мрачность, которая чувствовалась даже сквозь туман. Она была как тень, которая следовала за ним, как дыхание, которое он не мог скрыть.

Спустя всего лишь мгновение воздух изменился. Запах. Тонкий, едва уловимый, но отчётливый — запах дыма и пепла. Он был слабым, почти неощутимым, но он *был* там, просачивался сквозь туман, сквозь холод, сквозь сырость леса, напоминая о том, что где-то рядом горел огонь. Недавно.

Руфь остановилась. Она подняла руку, и в этом жесте было что-то, что заставило всех замереть. Руфь стояла, прислушиваясь, вглядываясь в туман, и её лицо, бледное и напряжённое, было обращено вперёд.

— Мы почти пришли, — сказала она тихо и осторожно. — В последний раз мы разбивали здесь лагерь. Отсюда отправилась группа к Небесному Доминиону.

Ева смотрела на неё, чувствуя, как внутри, в пустоте, закипает странное, почти болезненное чувство. Она не знала, что это было — надежда? Страх? Она не могла отличить одно от другого в этом тумане, который затягивал её сознание.

— Мне нужно проверить, — продолжила Руфь, и её голос дрогнул. — Если я приведу вас обоих сразу, они могут решить, что вы взяли меня в заложники. Или что я привела врагов. Я должна пойти одна. Сначала я скажу им, что вы здесь. Что вы — не угроза.

Она посмотрела на Каина, и в её зелёных глазах мелькну-

ла тень страха. Она ждала его ответа, и в этом ожидании было что-то, что делало её похожей на птицу, которая замерла перед тем, как взлететь.

Каин смотрел на неё. Долго. Пристально. Его чёрные глаза, бездонные, как ночь, изучали её, проникали сквозь неё. Руфь замерла, и Ева видела, как её плечи напрягаются, как она сжимается под этим взглядом, как страх разливается по её телу. Но она не отвела взгляда. Она выдержала его.

Каин медленно кивнул. В этом кивке не было ни угрозы, ни обещания — только холодное, спокойное согласие.

— Иди.

Руфь выдохнула. Ева видела, как её плечи опускаются, как напряжение уходит из её тела, как она разворачивается и исчезает в тумане, становясь тенью среди теней. Её шаги были бесшумными, и через мгновение она растворилась в лесу, оставив после себя только тишину.

Ева стояла, чувствуя, как холод проникает в её тело, как туман обволакивает её, как мир становится всё более призрачным. Она сделала шаг вперёд, и мир качнулся. Её ноги подкосились, и она почувствовала, как падает, как земля уходит из-под ног.

Но она не упала. Сильные руки обхватили её, удерживая, не давая упасть. Она почувствовала их тепло — даже сквозь холод, даже сквозь туман, даже сквозь ту пустоту, которая заполняла её изнутри. Она подняла голову и увидела его лицо — близко, *слишком* близко.

— Ты на пределе, — голос Каина был ровным, почти безэмоциональным, но там... где-то глубоко внутри она услышала нотку досады.

Она хотела сказать, что она в порядке, что она может идти, что ей не нужна помощь. Но слова застряли в горле, и она просто стояла, чувствуя, как его руки сжимают её плечи, как тепло его тела проникает сквозь тонкую рубашку, как мир вокруг неё сужается до одной точки — до его лица, до глаз, до дыхания.

Он снял с себя плащ. Ева не заметила, как он это сделал — просто в какой-то момент плаща на нём уже не было, а его руки накидывали ткань на неё. Она чувствовала, как плащ обволакивает её, как его тепло, чужое, но странно успокаивающее, проникает в её тело. Запах — ладан, древняя пыль и кровь, — окружил её, как кокон.

— Спасибо, — прошептала она почти беззвучно.

Каин не ответил. Он не убрал руки с её плеч. Он стоял, смотрел на неё, и его глаза, чёрные, бездонные, изучали её лицо. Он не говорил ни слова — он *просто* смотрел, и в этом молчании было что-то, что заставило её сердце биться быстрее.

Ева чувствовала его дыхание на своей коже. Оно было тёплым, и касалось её лица, как прикосновение ветра, который вовсе не был стылým или зябким. Она чувствовала его близость — не физическую, а ту, которая была глубже, ту, которая проникала сквозь неё, как свет сквозь воду.

Она смотрела на него, на его лицо, и замечала детали, которые раньше ускользали от неё. Шрам, вертикально пересекающий уголок его губ — старый, белый, как нить, которая навсегда изменила его лицо. И веснушки. Едва заметные, почти невидимые, но они были там — на его носу, на его скулах. Она никогда не думала, что у него могут быть веснушки. Они делали его лицо почти человеческим, *почти* уязвимым. И его глаза — чёрные, как ночь, как бездна, как сама пустота. Они смотрели на неё, и в них, в этих глазах были только внимание и изучение.

Он изучал каждую черту её лица, каждое движение её глаз, следил за каждым вдохом и выдохом. Она видела, как его взгляд скользит по её коже, по её губам, и в этом взгляде было что-то, что она не могла понять. Но она чувствовала *это*. Она чувствовала, как *это* касается её, как *это* проникает под кожу, оставляя после себя странный, почти болезненный след.

Она не могла отвести взгляд. Она смотрела на него, чувствуя, как время застывает, как мир вокруг них исчезает, как остаются только они двое — и тишина между ними.

Каин убрал руки. Медленно, осторожно, как будто не хотел делать этого. И она почувствовала, как холод возвращается, как пустота снова заполняет её.

Туман клубился вокруг них, как живое существо, которое дышало, двигалось, обволакивало их своими холодными пальцами. Ева чувствовала, как он касается её кожи, как он

проникает под одежду, как он заполняет её лёгкие, оставляя после себя только сырость.

Каин остался стоять рядом. Его фигура вырисовывалась из тумана, как тень, как призрак, который не мог быть реальным. Она смотрела на него, и внутри закипала странная, почти болезненная тревога. Он был таким спокойным, таким неподвижным, как будто этот лес, этот туман, этот холод были его домом, его стихией. Она не знала, что он чувствует. Не знала, о чём он думает. Она только знала, что он смотрит в туман, как хищник, который ждёт добычу, и в этом ожидании было что-то, что пугало её больше, чем любой ангел.

Внезапно он повернулся к ней. Его движение было быстрым, почти неуловимым, и она вздрогнула, чувствуя, как её сердце пропускает удар.

— Ева. Ты должна притвориться, будто ты без сознания.

Она смотрела на него, чувствуя, как слова просачиваются сквозь туман, как они оседают в её сознании, оставляя после себя странный, тяжёлый след. Она не понимала, что он имеет в виду. Не понимала, зачем ей это нужно.

— Что? — переспросила она.

— На таких, как они, — сказал он, и его голос стал ещё тише, ещё глубже, — лучше всего действует жалость. *Человеческая* жалость. Она размягчает их, заставляет их забыть о подозрениях. Ты выглядишь достаточно слабой, чтобы они поверили. Притворись, что ты без сознания. Это даст нам преимущество.

Она чувствовала, как его слова проникают в неё, как они оставляют после себя холод, который был глубже, чем холод тумана. Она не хотела притворяться. Она не хотела обманывать людей, которые могли помочь им.

— Я не могу, — сказала она, и её голос дрогнул. — Я не умею обманывать людей.

Каин нахмурился. Его губа, та, что была перечёркнута шрамом, дёрнулась — раздражённо, почти нетерпеливо. Он закрыл глаза на мгновение, и в этом жесте было столько усталости, столько напряжения, что Ева почувствовала, как её сердце сжимается.

— Тогда мне придётся сделать это самому.

Она услышала шаги. Тихие, но отчётливые, и приглушённые голоса, которые доносились из стороны, куда ушла Руфь. Они приближались. Ева почувствовала, как паника разливается по её телу, как сердце начинает биться быстрее, как дыхание становится прерывистым.

— Каин, — прошептала она дрожащим голосом. — Что ты делаешь?

Он не ответил. Он просто бросил копье в кусты. Оно исчезло в тумане, как будто его и не было, и она услышала, как оно стукнулось о землю, как ветки сомкнулись над ним. Потом он повернулся к ней, и его руки, сильные и тёплые, вновь обхватили её за плечи.

Она смотрела на него, чувствуя, как его пальцы сжимаются на её плечах, как его дыхание касается её лица. Он был

близко — снова слишком близко. Тревожная тень скользнула по его лицу, как змея по траве.

Ева хотела сказать что-то, возразить, попросить его остановиться. Но слова застряли в горле, и она почувствовала, как его рука скользит по её шее, как его пальцы находят нужную точку. Он нажал — безболезненно, почти невесомо — и мир исчез. Она не почувствовала боли, только странное, почти невесомое ощущение, как будто она падает в сон, в темноту, в тишину. Она почувствовала, как её тело обмякает, как он подхватывает её, как его руки сжимают её, как его тепло окутывает её.

Каин стал ждать, держа на руках обмякшее тело Евы. Она была почти невесомой — её тело, хрупкое и дрожащее, лежало в его руках, как сломанная птица, как последний лист на ветке, которую вот-вот сломает ветер. Её дыхание было ровным, но поверхностным, и он чувствовал, как её тело вздрагивает от холода даже сквозь плащ.

Её лицо было бледным, почти прозрачным в тусклом свете, пробивающемся сквозь туман. Глаза её были закрыты, и ресницы лежали на щеках, как тени, как последние следы света, который угасал. Она казалась такой уязвимой, такой потерянной, что Каин на мгновение ощутил странное, незнакомое щемящее чувство в груди. И оно ему не понравилось.

Шаги. Они были тихими, почти бесшумными, но он слышал их — привык к тишине леса, к её ритму, к её дыханию. Он слышал, как ветки хрустят под ногами, как листья ше-

лестят, как воздух разрезают движения. И голоса — приглушённые, настороженные, но уже не такие далёкие. Они приближались, как тени, которые выползают из темноты, и он чувствовал, как его тело напрягается, как его пальцы сжимаются.

Из тумана вышли трое. Руфь — её лицо было бледным, напряжённым, и она смотрела на Каина с выражением, которое он не мог прочесть. Она выглядела так, будто её вели на заклание, будто каждое её движение было продиктовано страхом, который она пыталась скрыть. За ней — двое мужчин. Они были высокими, широкоплечими, и их движения были точными, как у людей, которые привыкли к опасности. Один из них был старше — с сединой в тёмных волосах, которая серебрилась в тусклом свете, и глубокими морщинами. Его глаза, серые и холодные, скользнули по Каину, по Еве, по Руфь, оценивая, взвешивая, измеряя. Его взгляд был как нож, который разрезает ткань, обнажая то, что скрыто. Второй был моложе — с резкими чертами лица и глазами, которые смотрели на мир с подозрением, как у человека, который слишком много раз был обманут. Его руки, сильные и жилистые, были сжаты в кулаки.

Они остановились в нескольких шагах от Каина. Их взгляды были тяжелыми, как свинец, и они не скрывали своего недоверия. Они смотрели на него, как на врага, который пришёл в их дом, как на угрозу, которую нужно нейтрализовать. Руфь стояла между ними с дрожащими руками, но держа-

лась прямо, стараясь не показывать страха. Её глаза, зелёные и широкие, метались между Каином и мужчинами, как у загнанного зверька.

— Это... — начала она, но Каин перебил её. Его голос был низким, ровным, без единой эмоции:

— Меня зовут Ион. А эту девушку зовут Элия. Она сильно ранена. Ей нужна помощь.

Он чувствовал, как взгляды мужчин скользят по нему, по Еве, по его рукам, которые держали её. Он видел, как они оценивают его, как они пытаются понять, кто он, откуда он, что он здесь делает. Он знал, что они не верят ему. Он знал, что их подозрения были оправданы. Он был чужим, *чужим* для них, для этого леса, для этой земли. Но он знал и то, что они не могли игнорировать Еву.

— Почему мы должны помочь вам? — недоверчиво спросил старший мужчина.

Каин посмотрел на него. Его тёмные глаза встретились с серыми глазами мужчины, и в этом взгляде было что-то, что заставило мужчину на мгновение замереть. *Угроза*. Но спокойная, глубокая, как колодец, в который никто не заглядывал. Каин смотрел на него, и в его взгляде была та же пустота, что и в душе — бездонная, ледяная, не знающая жалости. Но он скрыл это. Он спрятал эту пустоту за маской усталости и отчаяния, которая была такой же правдивой, как и его ложь.

— Руфь сказала, что вы не бросаете людей в беде, — сказал Каин мягко и простодушно. — Она говорила, что вы —

те, кто помогает тем, кто бежит от ангелов. Мы долго шли. Она потеряла много крови. Если вы не поможете нам, она умрёт.

Он чувствовал, как Руфь смотрит на него — её глаза были широко раскрыты, и в них мелькнула тень ужаса. Она пыталась сохранить спокойствие, но её дыхание стало прерывистым, руки сжались в кулаки, и она смотрела на Каина так, будто видела его впервые. Она не могла поверить, что он использует её имя, чтобы манипулировать этими людьми, что он играет на их чувствах, как на струнах. Но она молчала. Она не могла сказать правду, потому что знала: если она скажет правду, они все *умрут*.

— Что с ней случилось? — спросил второй мужчина, и его голос был жёстче, чем у первого. — Почему она ранена?

— Мы шли через лес, — продолжал легко и без усилий лгать Каин. — На нас напали. Я защищал её, но она ослабела, чтобы бежать. Мы потеряли всех. Остались только мы.

Он смотрел на мужчин, чувствуя, как его слова просачиваются сквозь их подозрения, как они начинают колебаться. Он знал, что они не верят ему.

— У тебя странная внешность, — сказал старший мужчина, и его голос стал тише, почти задумчивым. — Прямо как у ангелов.

Каин замер на мгновение. Он чувствовал, как слова мужчины проникают сквозь его сознание, как они оставляют после себя холод, который был глубже, чем холод тумана. Он

знал, что это был момент истины — момент, когда его ложь могла рухнуть, когда его маска могла слететь, обнажая то, что он скрывал.

Но он не показал этого. Его лицо оставалось непроницаемым, Каин смотрел на мужчину, не отводя взгляда.

— Это болезнь, — ответил он после короткой паузы, скорбно опустив голову. — Редкая болезнь, которая делает кожу бледной, а волосы — белыми. Я не знаю, как она называется. Я знаю только, что из-за неё меня гонят отовсюду.

Он чувствовал, как его слова падают в тишину, как они оседают в сознании мужчин, как они смешиваются с их сомнениями. Он видел, как их лица меняются — как напряжение уходит, как подозрения начинают таять. Он видел, как они смотрят на Еву, как они замечают её дрожь, бледность, слабость. Она была как тихая вода, которая смывает все подозрения, оставляя после себя только желание помочь.

— Я думаю, что сможем вам помочь, да, Орион?, — сказал старший мужчина, и его голос был уже мягче, чем раньше.

— Возможно, старшина Кир, — сквозь зубы процедил второй, Орион.

Каин кивнул, чувствуя, как его сердце бьётся ровно, как его дыхание остаётся спокойным. Он знал, что это было только начало. Он знал, что они будут следить за ним, что они будут ждать, когда он сделает ошибку.

Он чувствовал, как Руфь смотрит на него, как следит за

каждым его движением, как в глубине её глаз блестят слёзы. Он знал, что она боится его. Но он также знал, что она ничего не скажет. Она была заперта в клетке страха, и он держал *ключ*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.